

Лиза Джейн Смит ОХОТНИК

Запретная игра – 1

Эта книга – плод фантазии автора. Имена, персонажи, места и события являются вымышленными. Какое бы там ни было сходство с реальными событиями или людьми следует считать случайным.

Питеру, который – слава богу! – обеими ногами прочно стоит на земле.

Автор выражает особую благодарность Джону Диволе за то, что он «одолжил» свои необыкновенные фотографии Заку.

Глава 1

Дженни бросила быстрый взгляд через плечо. Они по-прежнему шли позади нее, на некотором расстоянии, по другой стороне улицы, но совершенно определенно следуя за ней. Они двигались с той же скоростью, что и она, – если она замедляла шаг, делая вид, что разглядывает витрину, притормаживали и они.

Их было двое: один в черной футболке и кожаном жилете, с черной банданой на голове, другой в черно-синей клетчатой рубашке навыпуск, незастегнутой и, похоже, давно не стиранной. В общем, вид обоих внушал ей беспокойство.

До магазина, где продавались игры, оставалось еще несколько кварталов, и Дженни ускорила шаг. Район этот считался далеко не самым спокойным в городе; она и пришла-то сюда только ради того, чтобы случайно не столкнуться с кем-нибудь из знакомых. Хотя, честно сказать, ей в голову не приходило, что Истмен-авеню может быть настолько неприглядной. После недавних беспорядков полиция более-менее привела все в божеский вид, однако при взгляде на развитые витрин, по-прежнему заколоченные досками, Дженни чувствовала себя неуютно.

«Да, в таком местечке не хотелось бы оказаться в сумерках... но сейчас-то ведь еще не сумерки», – одернула себя девушка. Вот только бы эти двое оставили ее в покое. Дженни почувствовала, как сильно колотится сердце. Может, они уже отстали?

Она пошла медленнее, ее ноги в парусиновых туфлях легко и беззвучно ступали по грязной мостовой. Сзади отчетливо донесся стук каблучков и шлепанье подошв бегущего человека. Потом шаги замедлились.

Значит, они все еще здесь.

«Только не оглядывайся, – приказала себе Дженни. – Успокойся. Подумай. На Джошуа-стрит придется перейти на другую сторону улицы, чтобы попасть в магазин, – перейти на левую, их сторону. Нет, этого-то как раз делать нельзя. Пока будешь переходить улицу, они нагонят тебя. Ладно. А если свернуть направо, не доходя до магазина, на следующую улицу, как там ее? Монтевидео. Да, направо на Монтевидео, а там можно будет нырнуть в какой-нибудь магазинчик и подождать, пока эти двое пройдут мимо».

Музыкальный магазин «Тауэр Рекордс» на углу Истмен и Монтевидео был закрыт. Черт! Выпрямив спину, упрямо делая вид, что абсолютно спокойна, Дженни прошла мимо. На секунду в темном стекле мелькнуло ее отражение – стройная, с волосами цвета «меда, искрящегося на солнце» (как сказал однажды Майкл), прямые брови, похожие на два решительных мазка кистью, зеленые глаза, темные, как сосновая хвоя, взгляд, пожалуй, более сосредоточенный, чем обычно.

Дженни нервничала. Она свернула направо и поспешно перешла улицу. Отошла достаточно далеко, чтобы ее нельзя было увидеть с Истмен-авеню, и остановилась, тяжело дыша, словно загнанный олененок. Рюкзак еще болтался на плече от быстрой ходьбы, а она уже отчаянно обшаривала глазами Монтевидео-стрит в поисках укрытия.

Прямо напротив нее был пустырь, за ним тайский ресторан. Закрыт. Позади глухая белая стена музыкального магазина. Дальше парк. Никакого укрытия. Негде спрятаться.

Дженни чувствовала дрожь в руках.

Она повернула в сторону Истмен-авеню, прижалась к стене, прислушалась. Что это? Шаги или глухие удары ее собственного сердца?

Если бы Том был сейчас с ней!

Собственно, из-за него она и оказалась здесь. Том никак не мог быть с ней – ведь она пошла за покупками по случаю его дня рождения.

Сначала в его честь она хотела устроить барбекю у бассейна. Здесь, в Южной Калифорнии, апрель вполне подходящее время для вечеринки на открытом воздухе. Ночная температура обычно не опускается ниже двадцати градусов, и освещенный по ночам бассейн во дворе Торнтонов светится, как огромный драгоценный сине-зеленый камень. Лучше и не придумаешь. Но три дня назад внезапно похолодало, и планы Дженни рухнули. Только белые медведи согласились бы плавать в такую погоду.

Она, конечно, придумала бы что-нибудь не менее увлекательное, но неделька выдалась та еще. Сначала Саммер пришлось усыпить своего четырнадцатилетнего ризеншнауцера, и Дженни не могла морально не поддержать подругу. Ди сдавала экзамен по кунг-фу, и Дженни ходила за нее болеть. Одри и Майкл поругались, у Зака грипп...

А потом вдруг оказалось, что вечер пятницы и до вечеринки – считанные часы, и все ждут чего-то необыкновенного, и ничего не готово!

Во время урока ей пришла в голову идея. Игра! Почему бы им не поиграть? Конечно, это должна быть особенная игра. Захватывающая – чтобы увлечь Одри, эротичная – чтобы понравилась Тому, страшная – чтобы заинтересовать Ди. Ну и такая, чтобы в нее могли одновременно играть семеро.

В памяти Дженни пронеслись смутные воспоминания о детских играх. Не о тех, что устраивались взрослыми, а о тех, которые устраивала она сама в отсутствие родителей. Верю – не верю, бутылочка... какая-нибудь комбинация из подобных игр, более подходящая для старшеклассников, – это было бы в самый раз.

Вот ради этого Дженни и пришла на Истмен-авеню. Она отлично понимала, что это за район, но, по крайней мере, могла рассчитывать, что никто из друзей не узнает о ее лихорадочных запоздалых приготовлениях к вечеринке. Дженни заварила всю эту кашу, ей и расхлебывать.

Только каша, похоже, заварилась покруче, чем она рассчитывала.

Теперь она могла уже с уверенностью сказать, что слышит шаги. Близко, еще ближе...

Дженни озиралась, отчаянно цепляясь взглядом за любые ненужные детали. Оказывается, стена музыкального магазина не совсем белая. На ней было что-то вроде росписи. И странно – часть этой росписи казалась настоящей. Только теперь Дженни разглядела вход в магазин, которого прежде не заметила. Дверь тоже выглядела настоящей, – по крайней мере, дверная ручка казалась трехмерной. Неужели... в полном изумлении Дженни шагнула вперед, взглянув на дверную ручку под иным углом. Совершенно невероятно, но в самой середине стены находилась настоящая деревянная дверь. На размышление времени не оставалось. Дженни нужно было как можно скорее спрятаться, если бы эта дверь оказалась не заперта... Она схватилась за ручку, повернула ее, и дверь отварила.

Секундное колебание – и Дженни вошла. И только тогда осознала, что на вывеске было написано: «*Иные игры*».

Глава 2

Для вероятности Дженни закрыла дверь изнутри. Поскольку окон, выходящих на Монтевидео-стрит, тут не было, она не могла увидеть своих преследователей. Однако она все равно испытывала огромное облегчение. Здесь ее никто не найдет.

Мысли ее снова вернулись к странной вывеске. «Иные игры». Ей не раз доводилось видеть вывески «Иные игры». Такая надпись обычно сопровождалась стрелкой в сторону к узкой лесенки, ведущий на второй этаж. Но что означают слова «Иные игры»? Удачное, хотя и странное совпадение – первый попавшийся магазин оказался магазином игр. Впрочем, здесь она переждет, пока ее не оставят в покое. Заодно и подарок купит. Наверняка хозяин будет рад, что к нему пожаловал покупатель: вряд ли дела в его магазине идут хорошо.

Дженни огляделась. Тусклый свет, проникавший сюда через небольшое окно, и несколько старомодных ламп с абажурами из цветного стекла освещали помещение. Странное местечко... Прилавки, стеллажи – все как в любом другом магазине, но разложенные на них товары выглядели настолько удивительно, что Дженни показалось будто она попала в иную реальность. Неужели все это – игры? Нет, этого просто не может быть! Ассортимент магазинчика вызывал в памяти картины из «Тысячи и одной ночи», напоминая буйное экзотическое многообразие восточных базаров. Дженни в изумлении переводила взгляд с полки на полку. Неужели это шахматная доска? Треугольная? Разве на такой можно играть? А вот еще одна, с маленькими фигуркам из горного хрусталя. Выглядит как настоящее произведение искусства. Взгляд Дженни упал на ларец, украшенный восточным орнаментом и затейливой чеканкой. Он был, наверное, медный, а может и бронзовый, с золотыми и серебряными пластинами сверху, с арабской вязью на них. Дженни была уверена, что эта вещица ей не по карману.

Встречались и знакомые игры. Дженни увидела выполненный из красного дерева стол маджонга – китайского домино. На обтянутой зеленым сукном столешнице были небрежно разбросаны фишки из слоновой кости. О предназначении большинства предметов – таких, как низенький лакированный ящичек, расписанный иероглифами, или красная коробка с чеканной золотой звездой Давида в круге, – она не знала. Здесь были игральные кубики разных размеров и видов. Кубики? Некоторые из них имели двенадцать граней, другие напоминали пирамидки; были и обычной, кубической, формы, из каких-то неведомых материалов. Рядом – колоды карт, рубашки которых украшал фантастический рисунок.

Но самым удивительным было то, что старинные вещи лежали здесь вперемешку с ультрасовременными предметами. На задней стене Дженни прочла: «Зажги огонь», «Безумствуй», «Живи на краю», «Дешевые страсти».

«Киберпанк, – подумала Дженни, глядя на плакаты. – Может, здесь продают и компьютерные игры?»

Из магнитофона на прилавке лилась ритмичная музыка из кинофильма «Кислотный дом».

«Да уж, – хмыкнула про себя Дженни, – своеобразное местечко».

У нее возникло странное ощущение, как будто это место полностью отрезано от внешнего мира. Время здесь то ли остановилось, то ли шло своим таинственным ходом, и даже падающий из единственного окна солнечный луч, в котором плясали пылинки, казался каким-то

неправильным. Дженни могла поклясться, что свет должен падать с противоположной стороны. Она невольно поежилась.

«Ты просто запуталась, – сказала она себе. – Перенервничала и потеряла ориентацию в пространстве. Оно и неудивительно, если вспомнить, какой непростой день выдался сегодня, – да что там день, вся прошедшая неделя! Просто не отвлекайся на всякие глупости, сосредоточься на том, что нужно выбрать игру, – если, конечно, здесь найдется что-нибудь подходящее».

Внимание Девушки привлек плакат:

В Х О Д
И З Д Е
С Ь М О
Й М И Р

Дженни захотелось разглядеть его поближе. Что означают эти буквы? А, ну конечно, все понятно! «Входи...»

– Чем могу вам помочь?

Голос раздался прямо за спиной. Дженни обернулась – и остолбенела.

Глаза. Голубые глаза. Нет, не просто голубые, а какого-то необыкновенного оттенка. Дженни, пожалуй, затруднилась бы его описать. Такой голубой цвет она видела один-единственный раз, проснувшись за секунду до рассвета, – непостижимый, почти нереальный, словно светящийся цвет, который тут же сменился обычной утренней синевой.

Ни у одного знакомого парня не было таких голубых глаз. А ресницы – черные и настолько тяжелые, что, казалось, тянули веки вниз. Вообще этот парень выглядел удивительно. Его волосы – совершенно белые, не просто светлые, а белые, как иней или густой туман. Он... да, пожалуй, он был красив. Но красив столь необычной, сверхъестественной красотой, что выглядел пришельцем из другого мира. Дженни ужаснулась: одного взгляда на этого парня хватило, чтобы она напрочь забыла о Томе.

«Боже мой, – опомнилась она, – неприлично так долго на него пялиться...»

Но так и не смогла отвести взгляд. Просто ничего не смогла с собой поделать. Эти глаза... как завораживающий синий огонь в самом сердце пламени. Нет... как подземное озеро, скрытое ледниками. Нет...

Незнакомец отошел прилавку. Щелкнул выключатель, и динамик мгновенно смолк. От наступившей тишины у Дженни заложило уши.

– Чем могу вам помочь? – вопрос звучал вежливо и равнодушно.

Дженни почувствовала, как краска медленно заливает ее щеки.

«Боже мой, что он подумает про меня...»

Сейчас, когда она не видела его глаз так близко, наваждение прошло, и она смогла рассмотреть его. Ничего сверхъестественного. Обычный молодой человек, примерно ее лет, худощавый, воспитанный. И все же, совершенно определенно, от него исходила... опасность. Очень светлые волосы, коротко остриженные в висках, подлиннее на затылке, челка падает на глаза. Одет в черное. Этакая смесь киберпанка и поэта эпохи Байрона.

И снова Дженни волной нахлынул стыд.

«Стоп, – сказала она себе. – Или покупай что-нибудь, или уходи».

Обе возможности были одинаково приемлемы – если бы не те двое, на улице.

– Мне нужна игра, – произнесла она (пожалуй, немного громче, чем следовало бы), – для вечеринки... для моего парня.

– К вашим услугам, – произнес он бесстрастно. – Что-нибудь конкретное?

– Э-э-э-э...

– Может, «Сенет»? Египетская игра по мотивам Книги мертвых? – продавец кивнул в сторону лакированного ящичка с иероглифами. – Или «И-чинг»? Или вы предпочитаете руническое гадание? – Он приподнял кожаный фиал и многозначительно потряс его.

Раздался звук, напоминающий перестук костей.

– Нет-нет, что-нибудь другое, – поспешно проговорила Дженни, чувствуя какую-то скованность.

Она не смогла бы точно сформулировать причину своего беспокойства, но в этом парне было что-то такое, от чего по жилкам Дженни то и дело пробегал холодок. Может быть, все же лучше уйти?

– Вот древняя тибетская игра «Козы и тигры», – парень указал на бронзовую доску с причудливой гравировкой, уставленную крошечными фигурками. – Взгляните, это свирепые тигры. Они подкрадываются к невинным маленьким козочкам, которые пытаются убежать от тигров. Участвуют два игрока.

Он что, издевается? Что-то насторожило Дженни в выражении его лица, но, взяв себя в руки, она спокойно объяснила:

– Мне нужна игра, в которой могло бы участвовать несколько человек одновременно. Но, насколько я вижу, в вашем магазине нет того, что я ищу, – добавила она с вызовом.

– Понятно, – протянул он, – вам нужна игра такого сорта.

Он бросил на нее быстрый взгляд и улыбнулся. Его улыбка окончательно лишила Дженни остатков мужества. Ей стало все равно, убрались хулиганы или поджидают ее за дверью. Надо уйти. Немедленно. Она машинально поблагодарила продавца и шагнула к двери.

– Тайна, – сказал он.

Звук его голоса настиг Дженни на полпути к выходу. Не веря своим ушам, она остановилась. Что он хочет этим сказать?

– Опасность. Соблазн. Страх.

Изумленная, Дженни обернулась. Голос завораживал, гипнотизировал, лишал воли, в нем слышалась музыка, стихийная, как разбивающая о камни вода.

– Секреты. Тайные желания. Искушения.

– О чем вы говорите? – спросила Дженни, чувствуя, что если он сделает хоть один шаг по направлению к ней, она либо ударит его, или обратится в бегство.

Но он оставался неподвижен. Его синие глаза по-прежнему выглядели ясными и безмятежными, как норвежские фьорды.

– Разумеется, об игре. По-моему, вот это как раз то, что вы хотели. Что-то... особенное.

«Что-то особенное», – именно так думала и она сама.

– Пожалуй, – медленно произнесла она, – мне лучше...

– Это действительно то, что вам нужно, – отчетливо повторил он.

«Уходи, уходи», – нашептывал ей внутренний голос.

– Это именно то, что вы ищете.

Белая коробка в его руках по форме и размеру напоминала «Монополию». Ни названия игры, ни картинки. Ничего. Простая белая коробка. Но чем дольше она смотрела на нее, тем сильнее чувствовала...

– Можно взглянуть? – неожиданно для самой себя попросила она.

Ей вдруг страшно захотелось подержать коробку в руках, ощупать ее ровные грани и острые углы. Глупо, конечно, но ей этого хотелось. Действительно очень хотелось. Дженни заметила, что коробка идеально чистая. Еще она заметила, что пальцы у парня длинные и тонкие. А на его правом запястье – татуировка в виде змеи.

– М-да... – протянул он. – Я не вполне уверен, что смогу ее продать.

– Почему?

– Потому что она необыкновенная. Фантастическая. Я не могу вот так запросто продать первому встречному, не зная, для чего она ему потребовалась. Вот если бы вы объяснили, зачем она вам...

«Да он просто дразнит меня», – решила Дженни.

К тем чувствам, которые она испытывала до прихода в магазин и которые, кстати, никуда не исчезли, – страху, волнению, – внезапно прибавилось новое ощущение – изумление. Необычайное, необъяснимое изумление.

«Если бы я выглядела, как он, и была бы так же прикольно раскрашена, я бы, наверное, тоже дразнила и задирала всех», – подумала она.

Но вслух сказала самым серьезным тоном:

– Игра нужна мне для вечеринки в честь моего друга Тома. Ему сегодня исполняется семнадцать. Завтра вечером по этому случаю будет большой прием – такой, на который все приглашены, ну, вы понимаете, – но сегодня вечеринка только для своих.

Он слегка наклонил голову, и в ухе сверкнула серьга – то ли кинжал, то ли змея, Дженни толком не разглядела.

– Ну и?..

– Ну и мне хочется чем-то занять друзей. Нельзя же просто загнать в комнату семь человек, угостить их чипсами и рассчитывать, что они классно проведут время. У меня и так голова идет кругом – до сих пор ничего не готово, угощений нет, комната не украшена. А Том...

Парень слегка повернул коробку, и Дженни увидела, как ее поверхность сначала сделалась матовой, потом блестящей, потом снова матовой. Она смотрела как замороженная, не в силах отвести от коробки глаз.

– Тому не все ли равно? – спросил он удивленно.

Дженни оскорбилась.

– Он расстроится. Он достоин самого лучшего, – быстро прибавила она. – Он... – «Как же ему все объяснит, какой он – Том Локк?» – Во-первых, он очень симпатичный, и к концу года он будет уже в трех школьных спортивных командах...

– Все ясно.

– Нет, не ясно, – испугалась Дженни. – Том совсем не такой, как вы подумали. Том замечательный. Он просто классный, самый лучший, за ним трудно угнаться. И я знаю его уже тысячу лет, и люблю его со второго класса. Вот.

Гнев придал ей смелости, и она даже сделала шаг по направлению к незнакомцу.

– Он самый лучший парень на свете, и если кто-то так не считает...

Она замолчала. Станный тип протягивал ей коробку. Дженни остановилась в замешательстве.

– Если хотите, можете подержать ее, – спокойно произнес он.

– Ага, – ответила Дженни, сбитая с толку.

Ярость ее вдруг куда-то исчезла. Она осторожно взяла коробку обеими руками – и забыла обо всем на свете. Коробка оказалась неожиданно тяжелой. В ней что-то перекачывалось. Дженни не смогла бы толком описать удивительное ощущение, охватившее ее, пока она держала коробку. словно ее пальцы пронзали короткие электрические импульсы.

– Все, закрываемся, – бросил парень. Настроение его резко вдруг поменялось. – Будете покупать?

О да! Дженни отдавала себе отчет, что только сумасшедший покупает игру, даже не заглянув внутрь, но ей было все равно. Она страстно хотела обладать ею и вместе с тем испытывала непонятное желание приподнять крышку и посмотреть, что внутри. Неважно, так даже лучше! Будет рассказать вечером Тому и остальным: «Вы себе не представляете, какая сумасшедшая история со мной сегодня произошла!»

– Сколько с меня? – спросила она.

Парень прошел за прилавок и включил старомодный кассовый аппарат:

– Пусть будет двадцать.

Расплачиваясь, Дженни заметила, что ящичек кассы набит странными деньгами: квадратные монеты, монеты с отверстием посередине, мятые купюры всевозможных оттенков. Это несколько испортило ей приятное ощущение, вызванное обладанием заветной коробкой, и по коже вновь пробежал необъяснимый холодок.

Подняв голову, она увидела, что парень улыбается, глядя на нее.

– Приятной игры, – пожелал он, прищурившись.

Где-то в глубине магазина часы вдруг заиграли мелодию: половина... половина какого? Дженни бросила взгляд на свои часики и ужаснулась. Половина восьмого... не может быть! Неужели она здесь больше часа?

– Спасибо, мне пора, – скороговоркой проговорила она, бросаясь к выходу. – До свидания.

Собственно, она сказала это из вежливости, совершенно не ожидая ответа, но он ответил. До нее донеслось: «В девять». О чем это он? Послышалось, что ли? Наверное, он имел в виду,

что магазинчик открывается в девять.

Уже в дверях Дженни оглянулась, увидела фигуру, наполовину скрытую тенью. Разноцветные абажуры расцвели волосы незнакомца в синие и красные полосы. Она поймала его взгляд – взгляд хищника. Это совершенно не вязалось с его почтительными манерами. На мгновение он вдруг стал похож на голодного тигра, вышедшего на охоту. Дженни была потрясена. Она поспешила на улицу. Парень в черном у нее за спиной снова включил музыку из «Кислотного дома».

«Ничего себе звукоизоляция», – подумала Дженни: едва она закрыла за собой дверь, музыка смолкла.

Она заставила себя встряхнуться, чтобы выбросить из памяти пронзительные голубые глаза. Пожалуй, если бежать всю дорогу домой, она успеет сунуть пиццу в микроволновку и затолкать диски в музыкальный центр. Уфф, ну и денек!

И тут она снова заметила своих преследователей.

Они поджидали свою жертву на другой стороне улицы, спрятавшись в тени дома.

Дженни увидела, как они направились к ней, и сердце ее ухнуло в пятки. Она непроизвольно попятилась, на шаривая дверную ручку. Где же она? Так сглупить! Надо было попросить у того парня в черном разрешения и позвонить по телефону Тому. Тому или Ди... Да где же ручка?

Они были уже настолько близко, что она разглядела мерзкую ухмылку того, в бандане, и прыщавую физиономию его приятеля. Ну где это чертова ручка? Позади нее была только разрисованная бетонная стена.

Где она, ну где же?..

«Кину в них коробкой, – решила девушка, неожиданно успокоившись. – Кину и побегу. Может, это их остановит».

Дженни уже поняла, что искать дверную ручку бесполезно – ее нет. Пустая трата времени.

Обеими руками она подняла коробку и приготовилась к броску. Что произойдет дальше, она не знала. Парни уставились на нее и вдруг... пустились наутек. Они неслись как ужаленные. А Дженни так и не бросила коробку.

«Пальцы... Я не бросила коробку, потому что пальцы не слушались. Стоп, – приказала она себе. – Может, я и беспокоюсь о коробке больше, чем о своей жизни, пусть так, но я не хочу думать об этом».

Взмокшими руками Дженни прижала к груди коробку и поспешила домой. Она не обернулась, чтобы понять, куда подевалась дверная ручка. Она просто забыла об этом.

До своей улицы Дженни добралась без десяти восемь. В окнах домов зажегся свет. Всю дорогу она размышляла о покупке, ее мучили дурные предчувствия. Мама всегда говорила, что она сначала делает, а потом думает. Вот и сейчас она купила эту... вещь, даже не представляя себе, что там внутри. Стоило ей об этом подумать, как тут же стало казаться, что коробка чуть вибрирует в руках, словно в ней работал крохотный моторчик.

Глупости. Это всего лишь коробка.

«Но парни-то убежали, – нашептывал ей внутренний голос. – Убежали в ужасе».

Ладно, как только она придет домой – откроет коробку и внимательно рассмотрит игру. Проверит, что это такое.

Налетел ветер, закачал верхушки деревьев Марипоза-стрит. Дженни жила в невысоком доме, окруженном деревьями. Она уже подходила, как вдруг кто-то прошмыгнул мимо входной двери. Неясная тень.

Дженни ощутила знакомое покалывание в области шеи.

Тень переместилась на освещенное крыльцо и превратилась в самую несимпатичную кошку на свете. Пятнистая (как будто с проплешинами, говорил Майкл) серо-бежевая шерстка, левый глаз косит. Дженни подобрала ее год назад, но кошка так и не стала ручной.

– Привет, Козетта. – Дженни наклонилась погладить кошку и почувствовала, что успокаивается. – Какой я стала нервной, шарахаюсь от каждой тени.

Козетта прижала уши, недовольно фыркнула, как одержимая из фильма «Изгоняющий дьявола», но не укусила. Животные никогда не кусали Дженни.

В дверях девушка подозрительно принюхалась. Кунжутное масло? Родители же

собирались уехать на выходные. Если они не передумали...

Дженни бросила рюкзак и белую коробку на кофейный столик в гостиной и помчалась на кухню.

– Ну вот, и года не прошло! А мы уж думали, что ты не придешь.

Дженни изумленно обвела взглядом собравшихся. Девочка, приветствовавшая ее, была одета в солдатскую куртку. Она восседала на разделочном столе, упершись одной из своих невероятно длинных ног в кухонный стол из светлого дерева и покачивая другой. Ее курчавые волосы были настолько короткими, что казалось, будто к голове приклеены лоскутки черного бархата. Красивая, как африканская жрица, она озорно глядела на Дженни.

– Ди... – произнесла Дженни.

Ди – Дейдра Элайд – славилась своим безрассудством и своеобразным чувством юмора.

Другая девчонка, в сережках от Шанель, в модной блузке в мелкую черно-белую клеточку, выглянула из-за груды кухонной посуды. Вокруг нее валялись ножи, яйца, рядом стояла банка консервированных побегов бамбука и бутылка рисового вина. На плите что-то шипело.

– Одри! – воскликнула Дженни. – Что вы здесь делаете?

– Спасаем твою шкуру, – невозмутимо ответила Одри.

– Но... ты готовишь?

– Ну да, а что такого? Почему бы мне не заняться готовкой? Когда папа получил назначение в Гонконг, там был классный повар, почти что член семьи. Он меня учил кантонскому диалекту, пока папа пропадал на работе, а мама у косметички. Я его просто обожала. С тех пор я умею готовить.

Пока Одри готовила, Дженни переводила взгляд с одной девушки на другую и наконец расхохоталась. Ну конечно, ей следовало бы знать, что подруг не проведешь. Они живо раскусили, что ее невозмутимость всего лишь маска, что она переживает по поводу вечеринки, и пришли ей на выручку. Растроганная, Дженни обняла подруг.

– Том ведь любит китайскую кухню, поэтому готовить пришлось мне, – продолжала Одри, бросая на сковородку что-то напоминающее клецки. – Ты-то где была, а? Опять вляпалась в какую-нибудь историю?

– Нет, – соврала Дженни не моргнув глазом. Ей не хотелось рассказывать, где она побывала, иначе рассудительная Одри Майерс устроила бы ей выволочку за беспечность. – Я купила игру, но теперь не уверена, нужна ли она нам.

– Почему же не нужна?

– Ну... – Дженни не хотелось распространяться на эту тему. К тому же она не знала, как объяснить подругам все, что произошло. Одно она решила твердо: взглянуть на игру прежде остальных. – По-моему, она неинтересная. Что ты готовишь?

– Ничего особенного. Мушу жоу и хэй цзяо ню лю. – Одри грациозно передвигалась по кухне, ухитряясь не закапать жиром свою модную одежду. – Объясняю для невежд: обжаренная свинина и блинчики с начинкой. А еще будет рис и другой гарнир.

– Свинина, – проворчала Ди, лениво потягивая «Карбо форс», свой любимый энергетический напиток. – Прощай, стройная фигура. После такого вот кусочка придется неделю вкалывать в спортзале.

– Тому нравится, – возразила Одри, – и с фигурой у него все в порядке.

Ди мрачно хохотнула и метнула на Одри враждебный взгляд.

Дженни вздохнула:

– Может, хватит? Нельзя ли хоть раз в год не спорить?

– Видимо, нет – пробормотала Одри, виртуозно переворачивая блинчик китайскими палочками.

– Имейте в виду, я не позволю вам испортить сегодняшний вечер. Ясно?

– Иди-ка ты лучше в свою комнату и приведи себя в порядок, – примирительно сказала Одри и взяла кухонный нож.

«Коробка! – вспомнила Дженни. – Но сначала действительно нужно переодеться. И побыстрее!»

Глава 3

Дженни сменила свитер и джинсы на струящуюся кремовую юбку, шелковую блузку и расшитым бисером жилет, простеганный тоненькими золотыми нитками.

Взгляд ее упал на туалетный столик, на котором сидел белый плюшевый кролик. В лапках он держал ромашку, в сердцевине которой было написано: «Я тебя люблю». Игрушку подарил ей на Пасху Том. Милая безделица, но Дженни точно знала, что будет хранить ее всю жизнь. Том никогда не произнес бы признания вслух, и потому Дженни восприняла подарок как тайное объяснение. Сколько себя помнила, она всегда была влюблена в Тома. При мысли о нем, мучительной и сладкой одновременно, Дженни испытывала почти физическую боль в груди. Так продолжалось со второго класса. Она задержала взгляд на зеркале, по краям которого торчали их фотографии – ее и Тома: это они в шестом классе на празднике Хэллоуина (в маскарадных костюмах), здесь они уже в девятом классе на выпускном, это школьный бал две недели назад, а тут они на пляже. Они так давно вместе, что про них говорят – Том-и-Дженни, словно они – один человек.

Как всегда, вид Тома подействовал на нее успокаивающе. И все же что-то мешало ей расслабиться. Какая-то неприятная обязанность тяготила ее.

Ах, да! Коробка.

«Ну что ж, пойди и открой ее. А потом расслабься и наслаждайся вечеринкой».

Дженни заканчивала причесываться, когда раздался легкий стук в дверь. Не дожидаясь ответа, вошла Одри:

– Блинчики готовы, а свинину еще подержу, чтобы была горячая к приходу остальных.

Одри всегда зачесывала волосы назад, они у нее были блестящие, каштанового, почти медного оттенка. Она неодобрительно прищурила карие глаза.

– Новая юбка, – констатировала она. – Длинная.

Дженни поморщилась. Тому нравилось, когда она носила длинные юбки, особенно из мягкой струящейся ткани вроде этой. Одри тоже об этом знала, и Дженни знала, что подруга знает.

– И что из этого? – спросила она с вызовом.

Одри вздохнула:

– Как ты не можешь понять? Ты же совершенно не даешь ему повода для беспокойства.

– Одри, перестань...

– Нельзя быть слишком хорошей, – продолжала Одри. – Я знаю, что говорю, уж можешь мне поверить. Парни – странные создания, не так ли? Нельзя допускать, чтобы парень был слишком в тебе уверен.

– Это смешно... – Дженни внезапно замолчала.

Ей вдруг вспомнился продавец из магазина, его синие, как сердце пламени, глаза.

– Я не шучу. – Одри смахнула со лба длинные прядки челки цвета меди и бросила на Дженни взгляд из-под густых черных ресниц. – Если парень чувствует себя с девчонкой чересчур уверенно, его внимание к ней ослабевает. Он принимает ее привязанность к себе как должное. И естественно, начинает заглядываться на других. Нужно держать его в постоянном напряжении, не позволяя ему расслабиться. Он не должен знать, что его подружка выкинет в следующую секунду.

– Совсем как у тебя с Майклом, – рассеянно сказала Дженни.

– А что Майкл? – Одри беспечно махнула рукой с безупречным маникюром. – Майкл для меня вроде грелки на стуле – нужен до тех пор, пока место никем не занято. Придерживаю его на всякий случай. Ты хоть поняла, что я тебе говорила? Ди и та считает, что ты вся растворилась в Томе.

– Ди? – Дженни насмешливо подняла брови. – Ди ведь уверена, что все парни просто лживые скоты, по крайней мере все бой-френды.

– И правильно, – подытожила Одри. – Странно, – задумчиво добавила она, – что я настолько согласна с ней в этом, насколько не согласна во всем остальном.

Дженни скорчила гримасу:

– Одри, может, попробуешь изменить свое отношение к ней?

– Непременно... после дождичка в четверг, – отрезала Одри.

Дженни вздохнула. Одри влилась в их компанию позже всех, она только в прошлом году приехала в Виста-Гранде. Остальные были знакомы с начальной школы, а чернокожая Ди дружила с Дженни еще дольше. С появлением новой подруги Ди как будто бы приревновала к ней Дженни. Неудивительно, что они постоянно ссорились.

– Главное, сегодня постарайтесь не поубивать друг друга, – сказала Дженни. Она зачесала волосы назад – так, как нравилось Тому, – и перетянула их резинкой. Потом улыбнулась Одри и предложила: – Давай вернемся на кухню.

Там они обнаружили Майкла и Зака.

В мятом сером свитере, с взъерошенными каштановыми волосами, Майкл Коэн походил на плюшевого медвежонка. Светлые волосы ее кузена Закари Тейлора были собраны в конский хвост, а его большой нос напоминал птичий клюв.

– Как ты? – спросила Дженни, целуя брата в щеку.

Она не опасалась от него заразиться, потому что они уже виделись, пока он болел. Серые, как зимнее небо, глаза Зака на мгновение потеплели и опять стали чужими. Дженни никак не могла понять, нравится она Заку или он просто терпит ее, как всех остальных.

– Привет, Майкл! – Она хлопнула приятеля по плечу.

– Знаешь, – начал Майкл, – я часто думаю о нас, о судьбе нашего поколения. Станем ли мы лучше своих родителей? Чего нам ждать от жизни, за исключением новых моделей машин? В чем наше предназначение – вот что я имею в виду.

– Привет, Майкл, – поздоровалась Одри.

– Привет, о свет моих очей. Уж не блинчик ли я вижу? – воскликнул Майкл и потянулся к блюду.

– Не смей лопать! Лучше отнеси в гостиную.

– Слушаюсь и повинуюсь. – Майкл вышел из кухни.

«Боже мой, коробка!» – спохватилась Дженни.

Майкл был из числа людей, которые способны, слоняясь по дому, прочитать чужое письмо или заглянуть во все ящики комода. Ужасно любопытный тип. Она выскочила из кухни вслед за ним.

Коробка была на прежнем месте. Увидев ее, Дженни почувствовала спазм в желудке. Белая, глянцевая, идеально правильной формы, она лежала на сосновом кофейном столике. Мать Дженни гордилась этим столиком, она потратила уйму времени и денег на дизайнера, зато теперь с полным правом утверждала, что гостиная выглядела «абсолютно натуральной, этнической, но не эстетской». Гостиную украшали коврики, сплетенные индейцами навахо. Декоративные горшки на полу представляли культуру зани, корзинки плели индейцы хопи, а циновка перед камином попала в дом прямо из племени чимайо. Дженни строго запрещалось прикасаться ко всему этому руками.

«Успокойся», – сказала себе Дженни.

Но даже приблизиться к коробке почему-то оказалось непросто. А когда она взяла ее в руки, ладони сразу же вспотели, пальцы снова пронзило током. Странное ощущение тревоги не исчезло, а только усилилось.

«Вот черт! Выкину ее, – решила Дженни и изумилась тому, какое облегчение принесла эта мысль. – Лучше сыграем в канасту».

Майкл, уплетая блинчик, с интересом наблюдая за ней.

– Что за коробка? Подарок?

– Нет... это игра, я купила ее сегодня, но вообще-то предпочла бы от нее избавиться.

Майкл, ты умеешь играть в канасту?

– Не-а. Слушай, а где наш солнечный зайчик?

– Опаздывает... О, слышишь, это, наверное, она. Откроешь?

Майкл выразительно перевел взгляд с тарелки, которую он все еще держал, на недоеденный блинчик. Дженни, с коробкой в руках, побежала в прихожую.

Саммер Паркер-Пирсон, миниатюрная девушка с пушистыми волосами и очаровательными ямочками на щеках (так и хотелось потрогать их), пришла в тонком

ярко-голубом платье. Неудивительно, что она вся дрожала.

– Похолодало что-то... Дженни, как же мы будем плавать в такую погоду?

– Мы не будем плавать, – успокоила ее Дженни.

– Тогда зачем я принесла купальник? Вот мой подарок. – На белую коробку она кинула рубашку, завернутую в бордовую бумагу, сверху поставила сумочку и прошла в гостиную.

Дженни направилась следом, сложила все на столик и вытянула из-под вещей Саммер белую коробку. Она снова почувствовала спешное покалывание в пальцах.

– Ребята, – начала Дженни, – вы извините, я... – Ее прервал звонок в дверь. На сей раз Дженни никому не предлагала встретить гостя. – Я открою.

На пороге стоял Том.

Выглядел он классно. Конечно, для нее он всегда был самым красивым, но сегодня он был необыкновенно, чертовски привлекателен, этот парень с короткой стрижкой и озорной улыбкой. Том одевался так же, как и другие ребята, но ему удавалось носить простые вещи с какой-то особой элегантностью. Обыкновенные джинсы сидели на нем так, словно были сшиты на заказ. Сейчас на нем были футболка цвета морской волны, поверх нее – красивая ярко-синяя рубашка, оттенок которой о чем-то напомнил Дженни.

– Привет, – поздоровалась она.

Он развязно улыбнулся и протянул к ней руки. Дженни охотно нырнула в его объятия, по-прежнему прижимая к груди коробку.

– Том, мне нужно сказать тебе кое-что. Наедине. Это трудно объяснить...

– Что я слышу? Неужели ты бросаешь меня? В мой день рождения! – воскликнул он, увлекая девушку в дом.

– Перестань, – рассердилась Дженни. – Ты можешь хоть на минуту стать серьезным?

Но Том не был расположен к серьезному разговору. Не обращая внимания на слабый протест Дженни, он провальсировал с ней по коридору до самой гостиной, где уже собрались, смеясь и болтая, все, кроме Одри. В присутствии Тома Дженни всегда успокаивалась, рядом с ним просто невозможно было нервничать и тревожиться. Пугающие тени преследователей и странная коробка почти забылись и казались далекими детскими страхами.

И все же она почувствовала легкое беспокойство, когда со слонами «Это мне?» он забрал у нее коробку.

– Это игра, – сказал Майкл, – о которой Дженни говорит загадками. К тому же она не выпускает ее из рук.

– Кажется, я понимаю почему. – Том потряс коробку и прислушался.

Дженни не спускала с него глаз. Похоже, сейчас он не шутил, по крайней мере не больше, чем обычно. Но почему его так заинтриговали простая белая коробка? Почему он с таким интересом разглядывает ее?

«Все-таки что-то в ней не так», – подумала Дженни и собралась предостеречь Тома.

Но в этот момент в гостиную, благоухая духами, вошла ее мать. На ходу она застегивала сережку. Дженни промолчала.

Смолоду миссис Торнтон была блондинкой, как и Дженни, но с возрастом ее волосы потемнели, приобрели золотисто-каштановый оттенок. Она улыбнулась гостям, поздравила Тома с днем рождения и обратилась к Дженни:

– Джо уехал к Стенсонам, а мы вернемся в воскресенье к вечеру, так что отдыхайте и веселитесь.

На пороге гостиной появился отец Дженни с чемоданом в руках. Мать продолжала:

– Дорогая, если вы решите что-то разбить – в чем я не сомневаюсь, – пусть это будет не ваза работы Гормана, хорошо? Она стоит полторы тысячи, и, кроме того, это любимая ваза твоего папы. Но уж если разобьете, хотя бы соберите осколки. А главное, постарайтесь, чтобы крыша дома осталась на месте.

– Ничего, если она съедет, мы ее вернем, – пообещала Дженни и поцеловала мать.

– Суперклей в кухонном шкафчике, – шепнул отец Дженни, когда она подошла проститься с ним. – Но все-таки будьте осторожны с вазой, иначе твоя мама этого не переживет.

– Мы к ней и близко не подойдем, – заверила его Дженни.

– Да, и еще...

Отец сделал неопределенный жест рукой и бросил на Тома быстрый взгляд. («Именно это и называется «смотреть косо», – подумалось Дженни.) В последнее время он смотрел на Тома именно так.

– Папа!

– Ты знаешь, что я имею в виду. Ночевать могут остаться только девочки, понятно?

– Разумеется.

– Хорошо. – Отец сдвинул на нос очки в тонкой оправе, расправил плечи и взглянул на жену.

Оба оглядели гостиную, словно хотели получше ее запомнить, и, как пара солдат, идущих в последний бой, направились к двери.

– Похоже, нам не доверяют, – произнес Майкл, глядя им вслед.

– Просто это первая вечеринка, которую я устраиваю в их отсутствие, – объяснила Дженни. – Я хочу сказать, в их отсутствие и с их ведома, – добавила она и обернулась.

Том открывал коробку.

– О...

Больше Дженни ничего не успела сказать: Том уже вытаскивал из коробки листы плотного глянцевого картона, раскрашенные в яркие, почти светящиеся цвета. Дженни разглядела нарисованные двери, окна, крыльцо, башенку, черепичную крышу.

– Кукольный домик, – прошептала Саммер, – картонный, вроде тех, что бывают в детских книжках-картинках, их еще надо вырезать и склеить.

«Ничего опасного. Простая детская забава», – подумала Дженни и почувствовала облегчение.

Она даже ощутила, что ее клонит в сон. Из кухни донесся голос Одри: ужин был готов.

Том по достоинству оценил китайские блюда, но главное, что его впечатлило, – что все это приготовлено руками Одри.

– Оказывается, ты прекрасная хозяйка!

– Разумеется. А ты думал, что я в вашей компании только для красоты? – Одри улыбнулась, стрельнув в Тома глазами.

Не отводя взгляда, Том улыбнулся ей в ответ. Одри открыто флиртowała с ним, кокетничала, старалась коснуться его руки, когда передавала тарелки. Но стоило ему отвернуться, как она бросила на Дженни многозначительный мрачный взгляд, означавший: «Вот видишь!»

Дженни отвечала ей добродушной улыбкой. Том всегда был любезен с девчонками, и это ее совершенно не волновало, потому что в таком его поведении не было ничего серьезного. Друзья наполнили тарелки и вернулись в гостиную. Дженни чувствовала себя абсолютно довольной и умиротворенной.

Ужин был неформальный: ребята расселись вокруг столика – кто на низеньких кожаных скамеечках, а кто и просто на полу, выложенном мексиканской керамической плиткой. К огорчению Дженни, белую коробку никто так и не убрал со стола.

– Ножницы есть? – спросил Зак. – Вообще-то лучше даже не ножницы, а острый ножик и металлическая линейка. И клей.

Дженни удивленно взглянула на него:

– Ты хочешь клеить домик?

– Почему бы и нет? Симпатичный макет.

– Прико-ол, – хихикнула Саммер.

– Что за ребячество? – спросила Дженни. – Клеить бумажный домик... – Она обернулась к остальным в поисках поддержки.

– Между прочим, это игра, – сказала Ди. – Смотрите, вот тут внутри, на крышке, что-то написано. Какие жуткие правила. Здорово! – И она сделала зверское лицо.

Майкл с набитым ртом встревожено взглянул на них.

– Разве бумажный домик может быть игрой? – слабо запротестовала Дженни и заметила умоляющий взгляд Тома. Она понимала, что он дурачится, но не могла ему отказать. – Детский сад, штанишки на лямках, – фыркнула она. – Ну да будь по-вашему, если вам так хочется. Надо

было заодно купить погремушки и пустышки. – Покачивая головой, она пошла за ножницами.

Орудя китайскими палочками и изрядно закапав картон жиром, друзья склеили домик. Том командовал, Зак вырезал: он в этом деле был специалистом, поскольку увлекался составлением коллажей из фотографий собственной работы. Дженни восхищенно наблюдала за тем, как его умелые руки превращают плоские листы картона в трехэтажный викторианский дом высотой около девяноста сантиметров, с башенкой на съемной крыше, с трубами, карнизами и балконами. Именинник был в восторге от новой игры. Майкл ворчал.

– Глядите, тут и мебель есть! Ты закончил первый этаж, Зак? Смотри, это явно гостиная – здесь поставим стол. Неоготика, на мой взгляд... У мамы есть такой. Можно поставить его... например, сюда.

– А вот японская ширма, – добавила Саммер, – Я поставлю ее так, чтобы куклы, сидящие за столом, могли ее видеть.

– Тут нет кукол, – возразила Дженни.

– Нет есть, – подмигнула Ди. Она сидела, закинув ноги на край стола, и читала инструкцию. – Куклы – это мы. Здесь сказано, что каждый игрок должен нарисовать куклу, похожую на него. Цель игры заключается в том, чтобы куклы прошли по всем этажам дома и добрались до башенки. Вот и все.

– И что в ней жуткого? – удивился Том.

– Слушай и не перебивай. Это не простой дом, это дом с привидениями. В каждой комнате игроков, пытающихся пробраться в башню, ожидает встреча с новым кошмаром. И еще надо остерегаться Сумеречного Человека.

– Кого? – переспросила Дженни.

– Сумеречного Человека. Что-то вроде Оле-Лукояе, только он приносит страшные сны. Он прячется где-то в доме, и если он тебя поймает... Вот, послушайте: *«Он оживит твои сокровенные фантазии и заставит сражаться с собственными скрытыми страхами»*, – прочла она с явным удовольствием.

– Класс! – воскликнул Том.

– О господи, – вздохнул Майкл.

– А что это за сокровенные фантазии? – спросила Саммер.

«Тайна, – вспомнила Дженни. – Опасность. Соблазн. Страх. Раскрытие секретов. Разоблачение тайных желаний. Искушение».

– Что с тобой, Ежик? – ласково спросил ее Том. – Ты как будто нервничаешь?

– Мне... мне не очень нравится эта затея. – Дженни повернулась к нему. – А ты, я вижу, доволен?

– Ну да. – Его карие с зелеными крапинками глаза горели азартом. – Ты не бойся: если что, я тебя спасу.

Дженни усмехнулась и, подсев поближе, прижалась к нему. Ей всегда хотелось чувствовать его близость.

– Принеси из комнаты Джоуи мелки, – командовала Ди сидевшей рядом Саммер. – Придется много рисовать. И не только кукол. Нам предстоит изобразить наши самые страшные сны.

– Зачем? – несчастным голосом проговорил Майкл.

– Я же объяснила, что в каждой комнате нас будет поджидать очередной ужастик. Мы рисуем свои страшные сны на отдельных листочках, потом перемешаем их и разложим в комнатах рисунком вниз. И тогда, попав в очередную комнату и перевернув рисунок, мы узнаем, чей страшный сон нас ждет.

Том вытер руки о джинсы и, пересев на диван поближе к Ди, заглянул в инструкцию. Саммер побежала за цветными мелками в комнату младшего брата Дженни. Только Зак, несмотря на суету вокруг, продолжал работать. Зак вообще предпочитал молчать, если ему нечего было сказать.

– Мне это начинает нравиться, – заметила Одри, искусно расставляя мебель по комнатам.

– Вот мелки, и еще я захватила цветные карандаши, – сказала Саммер.

Она наклонилась над коробкой и вынула из нее картонку, на которой были изображены человеческие фигурки.

Все развлекались от души: игра имела успех, вечеринка удалась. Дженни по-прежнему ощущала знакомый неприятный холодок. Но даже она признавала, что есть что-то захватывающее в аккуратном вырезании картинок по пунктирным линиям. Знакомое с детства чувство. И раскрашивать бумажных кукол было забавно, восковые мелки густо замазывали твердый матовый картон.

Когда и с этим было покончено, Саммер передала Дженни чистый лист бумаги, и та ощутила полную беспомощность. Нарисовать страшный сон? Самый страшный? Этого она не могла сделать. Потому что у нее был свой страшный сон. Он был связан с одним событием, произошедшим много лет назад... Проснувшись тогда, Дженни никак не могла вспомнить, что ей приснилось. Какой-то ужасный секрет, который не поддавался разгадке. С тех пор она иногда просыпалась среди ночи, уверенная, что вспомнила. Но сон всегда ускользал от нее. Оставалось лишь неприятное чувство, ощущение страха.

Она вдруг вспомнила дедушку, маминого отца. Реденькие седые пряди, доброе лицо, усталые, часто моргавшие темные глаза. Он развлекает ее, пятилетнюю внучку, забавными сувенирами из разных стран и фокусами, которые кажутся ребенку настоящим чудом. В подвале его дома полным-полно всяких удивительных вещей. А потом... В тот ужасный день...

Картины прошлого исчезли, и Дженни была этому рада. Вспомнить – еще страшнее, чем не вспомнить. Лучше вообще не думать об этом. Психологи, правда, советуют обратное, но им-то почем знать.

Как бы то ни было, нарисовать это невозможно.

Друзья тем временем что-то прилежно рисовали Том и Ди сидели рядышком, подложив под бумагу крышку от коробки, и время от времени давились от смеха. Саммер, отбросив со лба пушистые светлые локоны, хихикала и все время требовала разные карандаши. Зак хмурился над своим рисунком, выражение его лица было напряженнее, чем обычно. Брови Одри то и дело взлетали вверх, словно девушка чему-то весело изумлялась.

– У кого зеленый? Срочно нужен зеленый. – Майкл копался в куче мелков.

– Зачем? – прищурилась Одри.

– Не скажу, это секрет.

Одри повернулась к нему спиной, демонстративно закрыв свой рисунок.

– Правильно, это секрет, – подтвердила Ди. – Мы не должны знать, кто что нарисовал, пока не попадем в соответствующую комнату.

«Вряд ли у них могут быть секреты от меня, – подумала Дженни. – Разве что у Одри, остальных-то я знаю как облупленных. Знаю про первый выпавший зуб и про первый бюстгальтер. Ни у одного из них не может быть такой страшной тайны, как у меня. Но... если есть у меня, почему, собственно, не может быть у них?»

Дженни взглянула на Тома. Красивый упрямый, немного высокомерный (даже она не могла не признать этого) Что он сейчас рисует?

– Мне тоже нужен зеленый. И желтый, – объявил он.

– А мне – черный, – сказала Ди и хрюкнула от смеха.

– Готово, – заключила Одри.

– Давай, Дженни, – сказал Том – Ты закончила?

Дженни смотрела на листок. По его краям она нарисовала бесформенную загогулину, середина осталась чистой. Смущенная тем, что привлекла к себе внимание, она сложила рисунок и протянула его Ди.

Ди перемешала листочки и разложила их по комнатам на верхних этажах игрушечного домика.

– Теперь всех кукол нужно разместить в гостиной на первом этаже, – сказала она. – Отсюда начинается игра. Тут должны быть еще карточки с указаниями, куда идти и что делать. Высыпай их на стол, Саммер.

Саммер занялась карточками, а Одри тем временем укрепила всех кукол на пластиковых подставках и поставила их в гостиную.

– Так, осталось еще кое-что. – Ди выдержала драматическую паузу и торжественно объявила: – Сумеречный Человек!

– Вот он, – откликнулась Саммер, вынимая последний лист картона из коробки. – Я

сначала вырежу его подручных. Василиска и Вервольфа. Она передала вырезанные фигурки Одри. Василиск оказался гигантской змеей, а Вервольф – свирепым волком. Их имена были напечатаны кроваво-красными буквами.

– Чудесно! – Одри и к ним приделала подставочки. – Ди, скажи, их надо поставить в какое-то конкретное место?

– Нет, на карточках должно быть сказано, в какой момент они нам встретятся.

– А вот и Сумеречный Человек. Если ему так хочется, может следить за мной: по-моему, он довольно милый, – пропела Саммер.

Одри протянула руку, чтобы взять у нее куклу, но Дженни вдруг с силой стиснула ее запястье. Слова застряли у нее в горле. Дыхание перехватило.

Этого не могло быть – но это было так. Никаких сомнений. Это лицо нельзя было не узнать.

Это парень в черном, парень из магазина «Иные игры». Парень с пронзительными голубыми глазами.

Глава 4

Словно водяной вал обрушился на Дженни и накрыл ее с головой. Она не ошиблась. Она узнала его, хотя это была не фотография, а всего лишь рисунок, такой же, как рисунки змеи и волка. Серебристо-белый цвет волос, черные ресницы. Незнакомец выглядел настолько живым, что казалось – секунда, и он заговорит. А еще от него исходила угроза. Опасность.

– Что с тобой? – допытывалась Одри.

Лицо подружки расплывалось. Наконец Дженни удалось сфокусировать взгляд на родинке Одри над верхней губой. Но смысл слов никак не доходил до сознания.

– Что с тобой, Дженни?

Что им сказать?

«Я знаю его. Я видела его в магазине. Это настоящий, живой человек, а не выдумка. А значит...»

Значит – что? Естественно, ей зададут такой вопрос. Впрочем, какая разница? Может, автор игры знаком с тем парнем и рисовал картинку с него. Может, игра самодельная и ее нет в массовом производстве. А может, этот парень просто псих, у него мания и он красит волосы и одевается так, чтобы походить на Сумеречного Человека.

Наверняка кто-нибудь из ребят предложит такое объяснение. Скажем, Том – ему явно хочется сыграть в эту игру, и уж если он что-то задумал, его не переубедить. Или Ди – ее всегда привлекает опасность. И Зак – игра пришлась ему по вкусу, он может проявить свои художественные способности. И Саммер – она сочла Сумеречного Человека «довольно милым». Им всем хочется поиграть.

Что ж, хорошей хозяйке не пристало впадать в истерику и портить настроение гостям.

Дженни вымученно улыбнулась.

– Ничего, – прошептала она, отпуская руку Одри. – Извини, мне показалось, что я где-то его видела. Глупо, правда?

– Опять перебрала микстуры от кашля? – спросил Майкл.

– Ежик, все порядке? Точно? – Взгляд Тома встретился с ее взглядом, и Дженни кивнула.

Том встал и погасил верхний свет.

– Эй! – возмутился Майкл.

– Для произнесения клятвы нужна темнота, – объяснила Ди.

Она окинула взглядом собравшихся, и белки ее глаз сверкнули, как перламутровые жемчужины.

– Какой клятвы? – подозрительно спросил Майкл.

– Здесь написано, мы должны поклясться, что играем по доброй воле и понимаем, что игра реальна, – возвестил Том зловещим тоном.

Он перевернул крышку от коробки и показал друзьям эмблему. Она напоминала перевернутую угловатую букву «U», но ее направленные вниз рожки были разной длины. Символ был вдавлен в поверхность крышки и раскрашен, как показалось Дженни в полумраке,

ржаво-красной краской.

«Я не стану портить им вечер, я не стану портить им вечер, – повторяла про себя Дженни. – Не стану».

А Том тем временем читал вслух:

– *«Сумеречный мир подобен нашему, но во многом отличается от него. Два мира существуют параллельно и никогда не пересекаются. Некоторые люди называют его миром снов, но он не менее реален, чем наш мир...»* Далее написано, что входить в Сумеречный мир небезопасно и что игрок действует на свой страх и риск. – Он ухмыльнулся. – Короче, тут предупреждают, что игра может быть опасна для жизни. И мы должны поклясться, что отдаем себе в этом отчет.

– Ой, что-то мне это не нравится, – пробормотала Саммер.

– Да ладно тебе, – заявила Ди. – Надо рискнуть!

– Ну... – Саммер восприняла предостережение всерьез. Откинув со лба волосы, она нахмурилась. – Что-то мне жарко...

– Давай же, клянись, – торопил ее Майкл. – И покончим с этой затеей. Я клянусь, что отдаю себе отчет в том, что, играя в эту игру, могу отбросить коньки и не буду таскаться по утрам в офис, как мой братец Дэйв.

– Теперь ты, – Ди вытянула ногу в направлении Зака. – Клянись.

– Клянусь, – отозвался Зак скучным голосом.

Его серые глаза, как всегда, оставались непроницаемыми.

Саммер вздохнула и уступила:

– Ладно, и я с вами.

– И я, – сказала Одри, разглаживая клетчатую кофточку – Ну а ты, Дейдра?..

– Как раз собиралась, Од. Я клянусь клева провести время и всыпать Сумеречному Придурку по его сумеречной заднице.

Том, привстав, поглядывал на Дженни:

– А что скажет демоническая женщина? Я клянусь. А ты?

В другом случае Дженни с удовольствием ткнула бы его под ребра локтем. Но сейчас она была способна лишь на слабую улыбку. Все ждут от нее клятвы. Она хозяйка. Они – ее гости.

И этого хочет Том.

– Я клянусь. – Голос все-таки дрогнул, и Дженни смутилась.

С радостным воплем Том подбросил вверх крышку от коробки. Ди попыталась отбить ее ногой. Крышка упала на пол рядом с Дженни.

«Обманщик, если бы ты и вправду заботился обо мне, тебе были бы безразличны мои чувства, – подумала Дженни, разозлившись на Тома (что случалось очень редко). Но тут же одернула сама себя. – Это же его день рождения. Мы должны исполнять его желания».

Крышка от коробки по-прежнему валялась на полу, и что-то в ней привлекло внимание Дженни. Ей на секунду показалось, будто перевернутая буква «U» вырезана из красной фольги.

«Она... она словно бы вспыхнула, – подумала Дженни. – Нет, наверное, просто обман зрения».

Ребята встали на колени вокруг столика.

– Итак, – начала Ди, – все куколки в гостиной? Теперь кто-то должен перевернуть карточку. Кто хочет быть первым?

«Идти, так до конца», – решила Дженни.

Она протянула руку и взяла верхнюю карту. Та была глянцевая, как и коробка, скользкая на ощупь. Дженни перевернула ее и прочла:

– *«Вы все собрались в гостиной и ждете начала игры».*

Повисла пауза. Саммер хихикнула.

– Не слишком информативно, – пробормотала Одри. – Кто следующий?

– Я, – вызвался Том. Он перегнулся через Дженни, взял карточку – *«У каждого из вас есть тайна, каждый предпочтет умереть, но не признаться»*, – прочел он.

Дженни вздрогнула. Конечно, это простое совпадение, карточки-то были напечатаны заранее. Но прозвучало это так, словно кто-то отвечал на ее мысли.

– Теперь я, – весело сказала Саммер и прочитала: – *«Вы слышите шаги в одной из комнат»*

этажом выше». – Саммер нахмурилась. – Как это? Здесь же всего один этаж.

Том фыркнул:

– Ты что, забыла? Мы же не в доме Дженни, а в этом доме.

Саммер часто-часто заморгала, взглянув на светлые, увешанные ковриками стены гостиной Торнтонов. Затем посмотрела на викторианский картонный дом, на комнату, в которой, словно вежливые гости, не желающие огорчить хозяев ранним уходом, расположились куклы.

– О! – Она положила карточку на стол, и тут сверху раздался звук.

Шаги. Легкие, быстрые, словно ребенок пробежал по деревянному полу.

Саммер вскрикнула и уставилась в потолок. Ди вскочила, сверкая черными глазами. Одри замерла как вкопанная. Майкл ухватился за нее, но она скинула его руку. Зак, весь напрягшись, смотрел вверх. Том рассмеялся.

– Это белки, – заявил он. – Они часто бегают по крыше. Правда, Дженни?

Дженни вновь ощутила спазм в желудке. Ее голос предательски дрогнул, когда она ответила.

– Да, но...

– Никаких «но». Кто следующий берет карту?

Никто шелохнулся.

– Что ж, придется мне. Хотя вообще-то теперь твоя очередь, Майкл.

Том поднял карточку.

– *«Вы идете к двери, пытаетесь открыть ее, но, похоже, дверь заклинило»*, – прочел он и обвел глазами компанию. – Да что с вами? Это же просто игра! Вот, смотрите.

Он вскочил на ноги и подошел к стеклянной двери, ведущей во двор. Дженни увидела, как его пальцы дергают задвижку, и ее охватил ужас.

– Не надо, Том, – прошептала она.

Не осознавая, что делает. Дженни подбежала к Тому и схватила его за руку. Если бы он не попытался открыть дверь, написанное на карточке не могло бы оказаться правдой.

Не обращая на нее внимания. Том продолжал возиться с дверью.

– Что-то с ней не так... Может, она заперта на замок?

– Ее заклинило, – подсказал Майкл.

Он запустил руку в волосы и беспомощным жестом взъерошил их.

– Не говори глупостей, – огрызнулась Одри.

Ди, резко протянув руку, схватила другую карту.

– *«В доме не открываются ни окна, ни двери»*, – прочитала она.

Том продолжал остервенело дергать дверь. Она не поддавалась. Дженни снова схватила его за руку. Ее трясло.

– Следующую карту, – тихо сказал Зак.

Странное выражение появилось на его лице, словно он впал в транс. Сейчас он напоминал зомби.

– Нет! – кричала Дженни.

Закари взял карту.

– Нет, – повторила Дженни. Нужно было во что бы то ни стало остановить брата, но она не могла отпустить руку Тома. – Зак, не читай.

– *«Вы слышите, как часы бьют девять»*, – прочитал Закари.

– У Дженни в доме нет часов с боем, – отозвалась Одри. Она пристально посмотрела на Дженни. – Нет? Ведь нет?

Дженни покачала головой. В горле пересохло. Она вся обратилась в слух.

Чисто и нежно зазвенели колокольчики. Это звонили часы из магазина, те часы, которых она так и не увидела. Звук, казалось, доносился издалека. Часы начали отбивать удары. Один. Два. Три. Четыре.

– О господи, – вздрогнула Одри.

Пять. Шесть. Семь.

«В девять, – вспомнила Дженни. – До свидания – в девять». Восемь...

– Том, – прошептала Дженни.

Под ее ладонью его мускулы напряглись. И – слишком поздно! – он обернулся.
Девять.
Поднялся ветер.

Сначала Дженни казалось, что она тонет. Потом она решила, что началось землетрясение. Она ощущала свистящие вокруг нее потоки воздуха, словно сквозь закрытую стеклянную дверь в гостиную ворвался ураган. Черный ревущий смерч, обжигающий ледяным холодом. Она физически чувствовала его, ветер больно хлестал по лицу и глазам. Она перестала различать что-либо вокруг себя. На всем свете осталось лишь одно – зажатый в ее кулаке рукав Тома.

Потом не стало и этого. Боль немного стихла, и Дженни отдалась на волю смерча.

Очнулась она на полу. Наверное, с ней случился обморок. Такое уже было однажды, когда они с Джоуи одновременно подхватили грипп. Она тогда вскочила с постели, чтобы заставить его выключить идиотский мультитик, а очнулась на ковре с корзиной для бумаг на голове.

Поморщившись от боли, Дженни подняла голову и осмотрелась. Что-то не так. В ее доме стены светлые, с циновками и ковриками, она точно это помнит. Сейчас ее окружали панели темного дерева; она увидела ширму с восточным орнаментом, окно с тяжелыми бархатными шторами, бронзовый подсвечник на стене. Все эти предметы Дженни видела впервые.

«Где это я?»

Трудно представить более глупый вопрос.

Но ответить на него Дженни не могла. Она не узнавала место, не помнила, как сюда попала, но чувствовала – происходит что-то странное.

Так не бывает. Но тем не менее это случилось.

Две мысли одновременно пришли ей в голову. Она была на грани истерики, ее трясло, словно в лихорадке. К горлу подступил комок.

Нет! Если дать волю слезам, не остановишься.

«Не думай об этом. Не думай! Найди Тома».

Дженни огляделась и увидела своих друзей. Конский хвост Зака разметался на зеленом ковре с рисунком из пышных роз...

«Только не думай, не думай сейчас об этом!»

Саммер, словно защищаясь, зажала в кулачки свои светлые локоны. У Одри растрепался пучок. Ди, раскинув длинные ноги, лежала возле окна, а Майкл свернулся калачиком неподалеку от нее. Том лежал у стены – там, где должна была быть стеклянная дверь во двор. Когда Дженни, неуверенно поднявшись, направилась к нему, он пошевелился.

– Том? Как ты? – Она схватила его за руку, и это вселило в нее уверенность.

Том застонал и открыл глаза.

– Голова раскалывается, – пробормотал он. – Что это было?

– Не знаю, – ответила Дженни. Она все еще была близка к истерике и насмерть вцепилась в руку Тома. – Но мы уже не в моей гостиной.

Ей нужно было произнести эти слова, чтобы разделить с кем-то свое страшное открытие, подобно тому как Саммер нужно было разделить с кем-нибудь свое горе, когда пришлось усыпить ее старого пса. Но Том зло взглянул на подругу.

– Не будь дурой, – бросил он, вырывая руку, и Дженни, как всегда, когда он бывал груб с ней, почувствовала легкий, но ощутимый укол. – Где же нам еще быть? Все в порядке.

От его добродушия не осталось и следа, он больше не улыбался. Каштановые волосы его были взлохмачены, а в карих глазах застыл сердитый упрек.

«Он защищается, – догадалась Дженни – Боится, что я буду обвинять его».

Она хотела снова взять его за руку, но он уже поднимался на ноги.

Остальные тем временем тоже пришли в себя. Потирая ушибленную шею, Ди настороженно озиралась по сторонам. Потом она наклонилась и помогла подняться стонущему Майклу. Одри встала и, разглядывая комнату, машинально поправляла прическу. Саммер съежилась возле тонконового стола, занявшего место кофейного столиков Торнтонов. Только Зак, казалось, не был испуган и пребывал в странном оцепенении. Глаза его были широко открыты, губы беззвучно шевелились. Он двигался словно во сне.

Никто не произнес ни слова.

Они находились в викторианской гостиной с роскошным ковром на полу, на нем были расставлены столы и стулья. С потолка свешивалась лампа под зеленым абажуром с шелковой бахромой. Отличное место для спиритического сеанса.

И тут Дженни вспомнила.

Она видела этот узор из махровых роз – на листе картона. Деревянные панели вырезал Зак, стол из красного дерева клеила Одри.

Они в бумажном доме. Он стал настоящим, и они оказались внутри...

Дженни непроизвольно зажала рот руками. Сердце отбивало глухие болезненные удары.

– О господи, – прошептала Саммер. Потом громче: – О господи, о господи...

Майкл истерически захохотал.

– Заткнитесь, – приказала Одри, тяжело дыша. – Заткнитесь, вы оба.

Ди подошла к стене и потрогала подсвечник, погладив темными пальцами бронзу. Потом, приподнявшись на носочки, вдруг сунула пальцы прямо в пламя свечи.

– Ди! – испуганно вскрикнул Том.

– Настоящее, – скатала Ди, разглядывая руку – жжется.

– Разумеется, не настоящее! – возразила Одри. – Это... что-то вроде галлюцинации.

Виртуальная реальность...

Ди сверкнула глазами:

– Это не виртуальная реальность. Моя мама спец по компам, она знает все про виртуальную реальность. Это вам не «Пэкмэн», не компьютерная игра. Даже самые крутые спецы не могут такого создать. И потом, где же компьютер? Где наши шлемы? – Она шлепнула ладонью по стене. – Нет, все это настоящее.

Майкл, продолжая нервно хихикать, ощупывал стул.

– Может, это грибы, которые Одри положила в начинку? Как их там? Шиитаке? Может, нас глючит?

– Расслабься, Майкл! – рассердился Том.

По его виду Дженни поняла, что он в полном замешательстве. Он то и дело нервно проводил рукой по столешнице. Дженни чувствовала то же, что Ди и Майкл, – ей хотелось потрогать предметы в комнате. Ей казалось, что, прикоснись она к ним, и они окажутся картонными.

– Ладно, – согласился Том. – Мы не у Дженни. Мы... каким-то образом переместились. Кто-то сыграл с нами злую шутку. Но почему мы стоим как дураки и чего-то ждем?

– А что ты предлагаешь? – съязвила Одри.

Юноша шагнул к приоткрытой двери, за которой находилась прихожая.

– Парни могут пойти со мной на разведку, а девчонки останутся тут.

Ди бросила на него презрительный взгляд, потом, прищурившись, обвела взглядом «парней». Майкл, что-то бормоча, колотил по стене руками, Зак уставился в одну точку, его лицо казалось еще более бледным, чем обычно. Дженни хотела подойти к нему, но не нашла в себе силы сдвинуться с места.

– Ну что ж, удачи, – пожелала Тому Ди. – Поскорее возвращайтесь, будете защищать нас.

– Не уходите, – взмолилась Саммер, ее голубые глаза были на мокром месте.

– Ты будешь защищать Дженни, – строго произнес Том, взглянув на Ди.

На секунду Дженни стало тепло от его слов, но это чувство тотчас угасло, уступив место страху.

Ди пересекла комнату, подошла к Дженни и обняла ее за плечи крепкими, как у мальчишки, руками.

– Хорошо, – просто сказала она.

– Мне кажется, лучше не разделяться, – нервно заметил Майкл.

– Да какая разница? – откликнулась Одри – Это же все понарошку, мы не на самом деле здесь.

– Тогда где? – спросила Саммер, еле сдерживая слезы. – Где мы?

– Вы в игре.

Голос донесся из угла комнаты, из-за японской ширмы. Он не принадлежал ни одному из

ее друзей, но Дженни узнала его, хотя слышала всего раз. В нем звучала скрытая музыка, стихийная, как льющаяся на камни вода.

Все повернулись, словно по команде.

Из тени вышел он.

Он показался Дженни таким же красивым, как в магазине. И все же облик незнакомца странно не соответствовал причудливой пышной обстановке, в которой они находились. На нем были черный жилет, оставлявший открытыми мускулистые руки, и брюки, выглядевшие так, словно они были сшиты из кожи змеи. Его волосы блестели в полумраке комнаты, как кошачья шерсть или снежная шапка на горной вершине. Длинные ресницы почти скрывали глаза. Он улыбался.

Саммер ахнула:

– Картинка... Та кукла из коробки... Это он...

– Сумеречный Человек, – охрипшим голосом уточнил Майкл.

– Не смешите меня, – сказал Том, разглядывая пришельца. – Кто ты и какого черта тебе от нас надо?

Парень в черном сделал шаг вперед. Теперь Дженни отчетливо различала необыкновенный цвет его глаз, хотя он и не смотрел на нее. Он обвел ее друзей таким холодным взглядом, словно налетел порыв ледяного ветра. Они встали теснее друг к другу. Дженни заметила: каждый заглянувший в глаза парня в черном увидел там нечто ужасное.

– Почему бы тебе не назвать меня Джулианом?

– А что, это твое имя? – без прежней уверенности спросил Том.

– Оно не хуже и не лучше других.

– Кто бы ты ни был, мы тебя не боимся, – неожиданно заявила Ди, отпустив Дженни и шагнув вперед.

Это подбодрило остальных.

– Мы хотим знать, что происходит! – Том снова говорил громко.

– Мы тебе ничего не сделали. Пожалуйста, отпусти нас домой, – добавила Саммер.

– Ты больше никогда не попадешь домой, – пробормотал молчавший до сих пор Зак и странно улыбнулся.

– Я гляжу, тебе еще хуже, чем мне, приятель, – тихонько сказал ему Майкл.

Но Зак не ответил.

Дженни стояла позади всех. В ее сердце рос страх. Она вспомнила взгляд голодного тигра...

– Скажи хотя бы, зачем мы здесь, – сказала Одри.

– Вы играете.

Друзья уставились на него.

– Это было ваше желание. Вы прочли правила.

– Играем? Как – играем? Ты хочешь сказать...

– Не разговаривай с ним об этом, Майкл, – оборвал друга Том. – Мы не будем играть его дурацкую игру.

«Он напуган, – подумала Дженни. – И по-прежнему чувствует себя виноватым. Но ты не виноват, Том, не виноват...»

– Я хочу напомнить, – Джулиан обращался к Майклу, – вы поклялись, что начинаете игру по доброй воле и знаете, что она реальна. Вы пробудили руну Уруз. – Он начертал пальцем в воздухе перевернутую букву «U» Дженни заметила, что татуировка в виде змеи исчезла с его запястья. – Вы проникли сквозь завесу между двумя мирами.

Одри засмеялась ненатуральным хриплым смехом, похожим на дребезжание стекла.

– Чушь, – выдохнул Майкл.

По лицу Ди было понятно, что она разделяет это мнение.

– Что еще за руна?

Одри открыла рот, но тут же его закрыла.

Джулиан, насмешливо скривившись, понизил голос.

– Магическая, – сказал он. – Могущественная буква древнего алфавита. Это она помогла вам проникнуть из одного мира в другой. А если вам это ни о чем не говорит, зачем вы полезли

сюда?

– У нас и в мыслях не было... – прошептала Саммер. – Это какая-то ошибка.

Ощущение страха сгущалось. Дженни показалось, что их окутывает желтое облако.

– Никакой ошибки. Вы сами решили играть, – повторил Джулиан. – Теперь вы будете играть, пока кто-нибудь не выиграет – вы или я.

– Но почему? – рыдая, спросила Саммер. – Что тебе от нас нужно?

Джулиан улыбнулся, не обращая на нее внимания. Сейчас он пристально смотрел на человека, не проронившего до сих пор ни слова. На Дженни.

– В каждой игре победителя ждет приз, – сказал он.

Дженни встретила взглядом с его невероятно голубыми глазами и все поняла. Они стояли, разглядывая друг друга.

Улыбка Джулиана стала шире. Том переводил взгляд с него на Дженни и, кажется, тоже начинал догадываться...

– Нет... – прошептал он.

– В каждой игре победителя ждет приз, – повторил Джулиан. – Победитель получит все.

– Нет! – кричал Том, бросаясь на него.

Глава 5

Том рванулся через всю комнату к Джулиану, но внезапно замер. Казалось, его остановило что-то ужасное, лежащее на ковре у его ног. Но Дженни ничего не видела. Том повернул обратно – и опять остановился: это что-то снова было перед ним. Медленно отступая назад, он оказался у стены.

Дженни с тревогой наблюдала за другом. Сейчас он напоминал ей актера-мима. По его движениям она поняла: Том видит что-то, что пытается вскарабкаться по ногам, приводя его в ужас. Но на ковре ничего не было.

– Том, – позвала она тихонько и шагнула к нему.

– Не подходи ко мне! А то они набросятся и на тебя!

Это было ужасно. Том, ее бесстрашный Том, отступал, испугавшись... пустого места.

Он тяжело дышал, облизывая пересохшие губы.

– Что это? – заплакала Саммер.

Остальные молчали. Дженни повернулась к Джулиану, который прислонился к стене и с удовольствием наблюдал за происходящим.

– Что ты с ним сделал?

– В игре вы встретитесь со своими страхами. Это всего лишь начало. Не советую вам вмешиваться.

Дженни опять обернулась к Тому – тот едва переводил дыхание. Она решительно шагнула к нему.

– Не подходи! – резко крикнул Том.

– М-да, не похоже, что он преодолеет это, – заметил Джулиан.

Еще шаг – и Дженни оказалась там, куда испуганно смотрел Том. И ничего не почувствовала. В ту же секунду Том рывком притянул ее к себе, и они оба упали на пол. Том брыкался, пытаясь кого-то отогнать, его лицо свело судорогой.

– Перестань! Здесь же ничего нет! Том, посмотри на меня! – просила Дженни.

Но Том, казалось, не слышал ее.

– Не трогайте ее! Прочь! – кричал он.

– Том! – Всхлипывая, Дженни трясла его за плечи, но он даже не взглянул на нее.

Она обняла его со всей силой, на которую была способна, спрятала лицо на его груди, пытаясь привести в чувство.

И вдруг... она поняла, что обнимает пустоту. Это было похоже на цирковой фокус: девушка прячется за ширмой, ширма падает, девушка исчезает. Вот и Том исчез.

Дженни беспомощно озиралась по сторонам. Комната опустела. Исчез не только Том. Исчезли Ди, и Одри, и Зак, и Майкл, и Саммер – все пропали, будто испарились. Все пятеро. Как во сне.

«Пусть это окажется сном, пожалуйста, – молила Дженни. – Я больше не выдержу, хватит! Позвольте мне проснуться».

Она изо всех сил вцепилась в ковер, так, что посинели ногти. Ничего не изменилось: она ощутила боль, но не проснулась. Ее друзья исчезли.

А вот парень в черном по-прежнему находился здесь. Теперь Дженни заметила его.

– Где они? Что ты с ними сделал? – Она была настолько потрясена, что внезапно ощутила спокойствие, граничащее с безумием.

Джулиан ухмыльнулся:

– Они в доме. Ждут встречи со своими страхами. И ждут тебя. Ты найдешь их, проходя игру шаг за шагом.

– Проходя игру, – повторила Дженни. – Ты не понял. Я не знаю, что...

– Ты знаешь главное: ты основной игрок, – прервал он ее. – Дверь в ваш мир на самом верху. Она открыта. Попадешь туда – сможешь вернуться. Одна или с друзьями.

– Где Том? – Ни о чем другом Дженни не могла сейчас думать.

– Твой... Том на самом верху, – Джулиан произнес имя так, точно это было бранное слово. – О нем я позабочусь особо. Ты найдешь его, когда доберешься туда. Если доберешься...

– Послушай, я вовсе не собираюсь играть. – Дженни по-прежнему пыталась вести себя так, будто произошла ошибка и все вот-вот разъяснится. Она старалась рассуждать разумно и еще – избегала смотреть ему в глаза. – Я не знаю, что ты подумал, но...

Он снова перебил ее:

– А если нет, выиграю я. И тогда ты останешься здесь, со мной.

– Как это – с тобой? – резко сказала Дженни, отбросив учтивость.

– Со мной – значит, здесь, в моем мире. Ты будешь моя.

Измученная, Дженни устала на него. Потом вскочила на ноги, теряя самообладание.

– Ты сошел с ума! – закричала она, едва сдерживаясь, чтобы не пустить в ход кулаки.

– Осторожнее, Дженни.

Она застыла на месте, пытаясь понять, что он имеет в виду. В его глазах она увидела странное, нездешнее, пугающее выражение – и наконец поверила в случившееся. Парень, стоящий напротив и ничем не отличающийся от обычного человека, обладал магическими способностями.

– О господи, – прошептала она.

Ярость сменилась животным страхом – чувством, старым как мир, известным человеку с доисторических времен: с тех времен, когда девушки ходили на реку, чтобы наполнить водой кожаные мехи, когда вокруг хижин бесшумно скользили пантеры, когда не было электричества и даже свечей, а были только наполненные жиром лампадки, когда темнота была сомой большой опасностью.

Дженни присмотрелась к стоящему перед ней парню. Его волосы отливали лунным светом. Если бы тьма имела лицо и голос, если бы все силы ночи соединились в одном человеке, это был бы не кто иной, как Джулиан.

– Кто ты? – прошептала Дженни.

– А ты не догадалась?

Дженни отрицательно качнула головой.

– Скоро поймешь. Во время игры.

Дженни попыталась собраться.

– Послушай... но ты же был в магазине игр.

– Там я ждал тебя.

– Значит, все подстроено? Но почему именно я? Почему ты выбрал меня? – Она снова была близка к истерике.

И тогда, глядя на нее в упор своими необыкновенными глазами цвета ноябрьского утра, он улыбнулся уголками рта и произнес мрачно и сухо:

– Я полюбил тебя.

Дженни устала на него.

– Удивлена? А между тем в этом нет ничего особенного. Впервые я увидел тебя много лет назад – тогда ты была милой маленькой девочкой. Знаешь легенду про Аида?

– Что? – Дженни не могла уследить за ходом его мысли.

– Легенду про Аида, – повторил он терпеливо, явно желая, чтобы она выслушала до конца все, что он намеревался ей рассказать. – Это греческий бог подземного царства. Его правитель. Он жил в царстве теней и был одинок. Однажды он обратил свой взгляд на землю и увидел Персефону. Она, должно быть, собирала полевые цветы и смеялись. Он влюбился в нее решил, что сделает ее своей царицей. Но Аид понимал, что она не пойдет с ним по доброй воле. И тогда...

– Что тогда?

– Тогда он запряг в колесницу черных коней. И земля разверзлась у ног Персефоны. На земле остались лишь собранные ею полевые цветы.

– Но это же легенда! – Дженни старалась, чтобы ее голос звучал твердо. – Миф. На самом деле никакого Аида не существует.

– Ты уверена? Имей в виду, тебе повезло больше, чем Персефоне, Дженни. У тебя есть шанс выбраться отсюда. Я мог бы не оставить его тебе.

Он взглянул на Дженни, и та не нашлась, что ответить.

– Кто ты? – снова прошептала она.

– А ты как думаешь? Я люблю тебя, Дженни, я пришел за тобой из мира теней. Я могу стать таким, каким ты пожелаешь, я дам тебе все, что ты захочешь. Ты любишь драгоценные камни? Изумруды? Они бы так подошли к твоим глазам... Бриллианты? – Он потянулся к ней, однако не дотронулся. – А наряды? Каждый час – новый наряд! Ты любишь животных? Хочешь живых мартышек или белого тигра? Мечтаешь путешествовать? Мы будем нежиться на солнце в Кабо Сан-Лукас или в Кот-д'Азур. Все, что захочешь, Дженни, все, что захочешь!

Дженни закрыла лицо руками:

– Ты сумасшедший.

– Я могу осуществить твои самые смелые мечты, Проси, что угодно. Быстрее, я не делаю таких предложений дважды.

Дженни плакала. От его тихого, но настойчивого голоса у нее почему-то кружилась голова. Она чувствовала: еще немного – и она... бросится в его объятия.

– Ну же, Дженни, пока мы друзья. Возможно, позже все будет не так безоблачно. Я не хочу причинять тебе боль, но, если ты меня вынудишь, я не буду раздумывать. Так позволь мне сделать тебя счастливой прямо сейчас. Уступи мне. Рано или поздно все равно придется.

Дурман рассеялся. Голова внезапно перестала кружиться.

– Почему же? – поинтересовалась Дженни.

– Я никогда не проигрываю.

Дженни всегда было легко рассердить, но и прощала она быстро, забывая обиды, – словно облачко набежит в летний день, и вот уже снова сияет солнце. Но сейчас в ее душе медленно росло и крепло новое, незнакомое чувство – ярость.

– Осторожнее. Дженни, – предупредил Джулиан.

– Я никогда не уступлю, – спокойно сказала она. – Предпочту умереть.

– Надеюсь, до этого не дойдет, хотя может случиться все, что угодно. Раз уж ты решила играть, я не в силах изменить правила. Твоих друзей ждут страдания.

– Что?!!

Он укоризненно покачал головой:

– Дженни, Дженни. Неужели ты так и не поняла, что происходит? Они добровольно решили рискнуть. Теперь пожинают плоды.

Он повернулся, чтобы уйти.

– Подожди!

– Поздно. Я дал тебе шанс, ты его отвергла. Мы начинаем.

– Но...

– Вот тебе загадка:

Я – с двумя двух слиянье. Прохладен и жарок.

Я – в природе вещей, я – бесценный подарок.

Я – начало начал, я и грешен, и свят,

И охотно сдаюсь, если силою взят.

Дженни потрянула головой:

– Это загадка о том, кто ты такой?

Джулиан рассмеялся:

– Нет, это загадка о том, что мне от тебя нужно. Отгадаешь – освобожу одного из твоих друзей.

Дженни постаралась запомнить слова, хотя не видела в них смысла, к тому же присутствие Джулиана мешало ей сосредоточиться.

На протяжении их разговора он не утратил своего шарма и нарочитой вежливости. И еще – он явно наслаждался игрой.

– Имей в виду: все ушибы и раны в этой игре настоящие. Если ты погибнешь в одной из комнат – погибнешь всерьез. А один из вас не сможет дойти до конца.

Дженни вскинула голову:

– Кто?

– Догадайся сама. У одного из вас, похоже, недостаточно сил для игры... Да, кстати, я забыл сказать про время. Дверь в башне – выход в твой мир – закроется на рассвете, ровно в шесть часов одиннадцать минут. Не успеешь – навсегда останешься здесь, так что не теряй времени даром. Вот тебе мой совет.

Раздался бой невидимых часов. Дженни считала удары. Десять.

Джулиан исчез.

Мертвая тишина. Бахрома на зеленом бархатном абажуре слегка покачивалась. Оказывается, достаточно остаться одной – и она уже паникует. В полном одиночестве, в доме, которого на самом деле нет!

«Нельзя терять самообладания. Думай. Осмотрись. Может быть, выход найдется».

Девушка подошла к окну, раздвинула тяжелые синие шторы и остолбенела. Некоторое время она стояла молча, широко распахнув глаза и затаив дыхание. Потом рывком задернула шторы и прижала их руками к стеклу, стоило невероятных усилий отпустить бархатную ткань, после чего она торопливо попятилась. Ни за что на свете она не решилась еще раз выглянуть в окно.

Первобытный хаос. Что-то похожее на пейзаж эпохи ледникового периода кисти выжившего из ума импрессиониста: снежная буря, сквозь которую едва просматривались какие-то неуклюже передвигающиеся массивные фигуры; синие и зеленые вспышки молний, на мгновение озаряющие ледяную пустыню, по которой ползут странные скорчившиеся существа; острые вершины скал, ввинчивающиеся в пустое белое небо.

Человек здесь не выжил бы и минуты.

«Неужели ад холодный? А я думала, что там пекло. Смешно. Майкл оценил бы эту шутку», – Дженни почувствовала, как нос и глаза защипало от слез.

Обняв себя руками, она стояла посреди пустой комнаты. Никогда в жизни она не чувствовала себя такой одинокой... Или такой напуганной? Как ей сейчас недоставало друзей! Не хватало смелости Ди, остроумия Майкла, рассудительности Одри. Даже с Саммер она чувствовала бы себя уверенней, и с Заком тоже. Ей очень хотелось понять, что же случилось с Заком, почему он был сам не свой. За те годы, что Дженни его знала, он никогда не вел себя так странно.

Но больше всего ей недоставало Тома. Она сосредоточилась на мысли о нем. Он в беде. Бог знает, какие страдания он терпит сейчас: Джулиан ведь пообещал «особо позаботиться» о ее приятеле. Упрек самой себе возымел действие, внутренний голос, нашептывавший Дженни, что она бессильна, смолк.

Джулиан сказал, что все зависит от нее.

Ну что ж. Дженни собралась с мыслями и поняла, что должна куда-то идти. Но куда? Надо вспомнить планировку картонного домика. Вход в гостиную находился в конце длинного коридора на первом этаже. А в противоположном конце того же коридора – лестница.

«На самом верху», – сказал Джулиан.

Дженни пошла по освещенному свечами коридору мимо портретов в золоченых рамах,

осуждающе взиравших на нее.

Вот и лестница. Широкая, покрытая ковровой дорожкой. В ней не было абсолютно ничего зловещего, и тем не менее Дженни не могла заставить себя ступить на нее.

«Если что – развернусь и убегу», – думала она.

Ей все еще казалось, что достаточно обернуться в гостиную и путь домой будет найден. Но умом она понимала, что в гостиной ей больше нечего делать. А о том, чтобы открыть входную дверь, она боялась даже подумать. Остается одно из двух: либо притаиться и ждать, либо идти вперед.

Дженни осторожно поставила ногу на первую ступеньку и медленно, шаг за шагом, поднялась наверх. Здесь царил полумрак. В темноте Дженни не видела ни входа, ни выхода из коридора, в котором оказалась. По стенам довольно далеко друг от друга были развешаны бронзовые подсвечники, но свечи горели неярко. Дженни не могла припомнить этого коридора в картонном ломе. В какой-то момент это место напомнило ей дом с привидениями в Диснейленде. Как и любой ребенок из Южной Калифорнии, Дженни не раз была в Диснейленде и хорошо там ориентировалась. Она шла, касаясь пальцами стены, как вдруг заметила в дальнем конце коридора какое-то движение.

От испуга Дженни замерла. Но что-то знакомое было в этой поджарой длинноногой фигуре.

– Ди!

Ди едва взглянула на торопившуюся к ней Дженни. Она была занята дверью, похожей на дверь из дома с привидениями, ту, которой Дженни в детстве очень боялась. В доме с привидениями было много непонятных, поражающих воображение предметов, но маленькая Дженни всегда с ужасом вспоминала именно ту дверь. Закрытая, она была выпуклой посередине, словно с другой стороны на нее наваливалась огромная тяжесть, издававшая нечеловеческие гортанные звуки, доски выгибались, трещали, снова распрямлялись.

Дверь, с которой боролась Ди, «вытворяла» то же самое. Всем телом, гибким, как у рыси, Ди навалилась на дверь, нагнула голову, одна нога ее, согнутая в колене, прижималась к двери, другая упиралась в пол, да так, что носок туфли зарылся в ковер. Но ей никак не удавалось захлопнуть дверь. Не теряя времени, Дженни подбежала к подруге, уперлась руками в верхнюю часть двери и пониже ручки, за которую держалась Ди. В замочной скважине торчал огромный ключ.

– Р-раз, – выдохнула Ди.

Подруги всем своим весом легли на дверь. Та снова выпятилась. Низкое, утробное ворчание зазвучало громче. У Дженни задрожали коленки. Она нагнула голову и, закрыв глаза, крепко сжала зубы.

– Р-раз!

Дверь поддалась и, преодолев последний дюйм, захлопнулась. Рука Ди метнулась к ключу и молниеносно повернула его. Щелкнув, язычок вошел в паз.

Дженни отошла, пошатываясь, ноги все еще дрожали, по лицу струился пот. Она взглянула на дверь. Та больше не выпячивалась, из-за нее не доносилось ни звука. Обыкновенная деревянная дверь.

В коридоре стало совсем тихо.

Дженни прислонилась спиной к стене и потихоньку сползла по ней, сев на корточки. Ди стояла напротив.

– Привет, – сказала наконец Дженни.

– Привет.

Они продолжали молча глядеть друг на друга.

– Ты видела остальных?

Ди отрицательно покачала головой.

– Я тоже. Он сказал... ну, ты поняла, кто он, – Дженни подождала, пока Ди кивнет, – он сказал, что мы все находимся в разных уголках дома. Ждем встречи с нашими страшными снами. – Дженни покосилась на дверь. – Ты была внутри?

– Нет. Я была в гостиной, смотрела на Тома, потом внезапно почувствовала головокружение. Очнулась здесь, на полу. Увидела дверь, открыла, чтобы посмотреть, что за

ней.

- И что ты увидела?
- Мерзкого монстра, не очень большого.
- Одного из тех, с картинок? Василиска или Вервольфа?
- Нет, очень мерзкого. Как наш тренер Роджерс.
- «Ди довольно спокойна», – отметила Дженни.

Подруга выглядела настороженной и суровой, но по-прежнему очень красивой, как статуэтка из черного дерева.

- Попробуем найти остальных.
- Хорошо. – Дженни не двинулась с места.

Ди потянула ее за руку.

- Пойдем, вставай.
- По-моему, я сейчас упаду в обморок.
- Даже и не думай. Ну-ка, подъем!

Дженни поднялась, озираясь.

- Ты же сказала, здесь только одна дверь. А это что?
- Этой раньше не было.

Вторая дверь ничем не отличалась от первой – с шестью филенками, совершенно безобидная с виду.

- Как ты думаешь, что там, за ней? – осторожно спросила Дженни.
- Сейчас узнаем. – Ди потянулась к ручке.

– Постой, ненормальная! – Уняв дрожь, Дженни припала ухом к дереву. До нее не донеслось ни единого звука, кроме собственного дыхания. – Ладно, открываю, но будь готова.

Ди встала наизготове. Дженни повернула ручку.

- Давай, – скомандовала Ди, и Дженни распахнула дверь.

Глава 6

За дверью была комната с выкрашенными в золотисто-желтый цвет стенами. На одной из них висела древняя африканская маска. На встроенных полках тикового дерева стояли глиняные фигурки, одна из них отдаленно напоминала Нефертити. На полу возле домашнего спортивного уголка, поражавшего количеством снарядов, в беспорядке валялись кожаные подушки. Это была комната Ди. Фигурки лепила ее бабушка Эба, для Нефертити ей позировала сама Ди. Рядом с кроватью скопилась груда учебников, на тумбочке валялась незаконченная домашняя работа.

Дженни любила бывать у подруги, ей нравилось разглядывать новые диковинки, которые Эба привозила Ди из путешествий. Но сейчас комната внушала беспокойство.

Стоило им войти, дверь захлопнулась – и исчезла. Обернувшись на стук, Дженни увидела лишь стену на том месте, где только что находился вход.

- Ну вот, мы в ловушке, – сказала Дженни.

Ди нахмурилась:

- Должен быть какой-то выход.

Подруги поспешили к окну. Из него открывался тот же вид, что и из настоящей комнаты Ди. Никакой ледяной пустыни. Дженни отчетливо видела лужайку, освещенную фонарем. Но окно не открывалось. Разбить его тоже не удалось, – Ди тут же попробовала это сделать пятикилограммовой гантелью.

– И что дальше? – спросила Дженни. – Зачем здесь твоя комната? Не понимаю, что происходит.

– Если это место нам снится, тогда мы можем многое изменить одной лишь силой мысли. Попробуем проделать выход в стене.

Они попытались, но безрезультатно. Дженни старалась как можно отчетливее представить себе дверь на прежнем месте, но у нее ничего не выходило.

– Сдаюсь. – Ди скинула куртку и плюхнулась на кровать, как будто и вправду находилась у себя дома.

Дженни присела рядом, размышляя. Голова не соображала, – наверное, скалывалось потрясение.

– Давай рассуждать логически. Этот парень сказал, что каждый из нас встретится со своим кошмаром. Тогда это, должно быть... – начала она.

Но Ди перебила ее:

– А что он еще сказал? Кто он?

– Ди, ты веришь... в дьявола?

Ди презрительно усмехнулась.

– Единственный дьявол, в которого я верю, – Дакаки, и единственное, что в его власти, – сделать человека сексуально озабоченным. По крайней мере, если верить Эбе.

– По-моему, ему хотелось, чтобы я поверила, что он дьявол, – медленно произнесла Дженни. – Но я не знаю...

– И он хочет, чтобы мы играли в его игру? Только по-настоящему, да?

– Если мы до рассвета доберемся до башни, то сможем уйти, если нет – выиграет он. – Дженни взглянула на подругу – Ди, тебе страшно?

– Боюсь ли я сверхъестественного? – Ди пожала плечами. – А чего бояться? Мне всегда нравились легенды. Не понимаю, что нам мешает победить. Я же поклялась всыпать по заднице Сумеречному Человеку, и я от своих слов не отказываюсь. Вот увидишь.

– Это какое-то безумие, – сказала Дженни. Теперь, когда она села и немного подумала, ее снова начало трясти. – Одно дело утверждать, будто веришь в мистику, в экстрасенсов и тому подобное, и совсем другое – допустить, будто что-то мистическое может произойти с тобой.

Ди открыла рот, чтобы возразить, но Дженни поспешно продолжила:

– А когда что-то такое случается, все становится с ног на голову, и тогда тебе уже кажется, что этого не может быть, но тем не менее это происходит на самом деле.

Она заглянула в темные глаза подруги, ища в них понимания.

– Согласна, – коротко ответила Ди. – Это происходит на самом деле. Правила изменили! Нужно приспособиться к ним – и как можно быстрее. Иначе нам не на что рассчитывать.

– Но...

– Никаких «но», Дженни. Знаешь, в чем твоя проблема? Ты слишком много думаешь. Больше не о чем говорить. Надо спасать шкуру.

Ди попала и самую точку. Что бы ни происходило, хочется этого или нет, но это реальность. Хочешь выжить – прими законы происходящего. Дженни хотелось жить.

– Ты права, – вздохнула она. – Значит, приспособимся.

Ди сверкнула белозубой улыбкой.

– Кроме того, все ведь довольно забавно, – сказала она. – Ты не находишь?

Дженни вспомнила Тома, скорчившегося на полу и тщетно пытающегося отпихнуть от себя нечто невидимое для остальных, и опустила голову на переплетенные пальцы.

– Неужели ты вообще ничего не боишься? – спросила она через минуту. – Ты же нарисовала какой-то кошмар.

Ди вертела в руках бисерный браслет из Зимбабве, который взяла с тумбочки.

– Я иногда боюсь маму. Честно, – добавила она. Дженни недоуменно глядела на нее. – Вернее, не ее, а всех этих штук, с которыми она работает в университете, – компьютеров и тому подобное. – Ди отвернулась и стала смотреть в окно.

Дженни тоже бросила взгляд на пестрые дагомейские занавески.

– Ты хочешь сказать, что тебя пугает техника? – спросила Дженни, не веря своим ушам.

– Нет, техника меня не пугает. Просто я люблю иметь дело с чем-то осязаемым. – Ди сжала кулак, и Дженни увидела, как на ее черной руке выступили жилы. Неудивительно, что Ди нравились всякие легенды, она бы органично вписалась в любой героический миф. – Поэтому я и в институт не хочу идти, – сказала Ди. – Я люблю работать руками. Только если это не связано с искусством.

– Эба выпорола бы тебя за такие слова, – засмеялась Дженни. – Зря ты так, голова у тебя работает не хуже, чем руки...

Она замолчала, заметив, что Ди снова отвернулась к окну.

– Ди, скажи, что ты нарисовала? – Дженни только сейчас задала вопрос, который

следовало бы задать намного раньше.

– Да так, пустяки...

– Что ты нарисовала?

За окном появились странные красные блики, похожие на отсвет далекого костра. Дженни резко обернулась, услышав потрескивание, и увидела, что из стереосистемы, стоявшей в комнате Ди, повалил дым.

– Что?.. – выдохнула Дженни.

Ди метнулась к окну.

– Что должно произойти? – закричала Дженни, вскакивая на ноги.

Комнату заполнил сильный пульсирующий звук, он сотрясал все, – казалось, кости вибрируют ему в такт. Снаружи, за окном, на фоне красного свечения возник неопознанный летающий объект.

– Ди! – Дженни схватила подругу и попыталась оттащить ее от окна.

НЛО стал гигантским, заслонил собой звезды. Черная громадина, окруженная бледным ореолом, не отражала света. Росшие под окном эвкалипты пригнулись к земле от резких порывов ветра.

– Что это? – вопила Дженни, смутно осознавая, что Ди тоже вцепилась в нее.

Глупый вопрос. НЛО в форме полусферы завис на уровне второго этажа. Шесть нестерпимо ярких лучей вырвались из его днища. Один из них изменил направление и нацелился прямо на них. Ослепленная и парализованная страхом, Дженни услышала звон разбитого стекла, и тут же волосы ее взметнул мощный воздушный поток. Воздух в комнате стал ледяным и словно наэлектризованным. Где-то сзади с полки с грохотом свалился бронзовый поднос. Запахло озоном.

Дженни теряла сознание.

«Я умираю», – решила она.

Невероятным усилием воли девушка повернула голову к Ди, чтобы позвать подругу на помощь. Та застыла, глядя на свет, зрачки ее сузились до размеров булавочного острия. Она ничем не могла помочь ни Дженни, ни самой себе.

«Сопrotивляйся», – слабея, подумала Дженни и погрузилась в вязкую черную жижу.

Помещение оказалось круглой формы. Дженни лежала на столе, в точности повторявшем контуры ее тела. Глаза горели и слезились, двигаться не хотелось. С потолка прямо на нее был направлен луч прожектора.

– Точно так я все себе и представляла, – произнес хриплый голос рядом.

Дженни преодолевая слабость, повернула голову. На соседнем столе лежала Ди.

– Именно так я и представляла себе пришельцев. Прямо как в моих снах.

Дженни прежде не задумывалась об НЛО, она лишь слышала, что энлонавты ставят на людях медицинские опыты.

– Так вот он какой, твой кошмар!

Тонкий профиль Ди, напоминавший профиль египетских цариц, слегка качнулся в белом луче.

– Блестяще, – съязвила Ди. – Будут еще выводы?

– Да, – отозвалась Дженни. – Вывод один – надо отсюда выбираться.

– Я даже пошевелиться не могу, – сказала Ди. – А ты?

Никаких пут на ней не было, но руки и ноги Дженни словно налились свинцом и не слушались свою хозяйку. Она могла дышать и слегка поворачиваться всем корпусом.

«Мне страшно», – подумала Дженни и представила себе, что сейчас чувствует Ди, спортсменка, обладательница стройного и сильного тела, над которым так упорно работала.

– Здесь все такое... стерильное. – Ди раздувала ноздри. – Чувствуешь? Думаю, они вроде насекомых... Если бы мы смогли подняться и оказать им сопротивление... Впрочем, у них, наверное, есть оружие.

Дженни начинала понимать: сила и изобретательность бессильны против дьявольской рациональной техники. Неудивительно, что Ди видела это в своих страшных снах.

Боковым зрением Дженни заметила легкое движение.

Энлонавты были невысокого роста, не выше Саммер. Дженни они показались похожими на чертей – безволосые, тощие, с огромными блестящими темными глазами. Носов нет, вместо ртов узкие щели. Кожа бледная, словно светящаяся, – так выглядят поганки, выросшие в темном погребке. Дженни почувствовала слабый запах миндаля. Вид пришельцев, чужих, бесцветных, как обитатели подводных глубин, привел ее в ужас. Они были кукольно гладкие и абсолютно голые, но Дженни не заметила никаких признаков, по которым можно было бы определить пол.

«Наверное, они среднего рода», – решила она.

Никто не говорил ей, но Дженни знала: энлонавты причинят им боль.

Ди издала какой-то звук. Дженни повернулась, на сей раз это оказалось проще. Она отметила, что свет прожектора над ней стал менее ярким.

Зато над Ди свет сделался ослепительным. Ди пыталась освободиться. Дженни никогда раньше не видела подругу напуганной, – даже в гостиной она держалась увереннее остальных. Но сейчас Ди напоминала обезумевшего от страха зверька. От усилий, которые она предпринимала, на ее лбу выступили капельки пота. Чем сильнее она металась, тем ярче разгорался над ней прожектор.

– Ди, перестань, – выдавила Дженни. Она не могла вынести это зрелище. – Это же сон, Ди! Не поддавайся!

Но Джулиан предупреждал, что все раны будут настоящими.

Энлонавты, не выказывая тревоги, окружили Ди. Они выглядели совершенно безразличными. Одни из них подкатил тележку к дальнему концу стола. Дженни увидела лотки со сверкающими инструментами.

«О боже, нет», – подумала Дженни.

Ди вжалась в стол.

Другой пришелец взял с лотка и внимательно осмотрел какой-то длинный блестящий инструмент, несколько раз согнул его, подобно тому, как художник перед работой проверяет, хороша ли кисть, и, похоже, остался недоволен, хотя Дженни не смогла бы объяснить, как определила это по его лишенному выражения лицу. Инструмент приблизился к бедру Ди, и девушка вскрикнула.

Дженни рванулась, пытаясь подняться, и ей удалось чуть-чуть переместить ноги. Один из энлонавтов спокойно приблизился к ней и восстановил порядок, потянув ее за ступни. Никогда в жизни Дженни не чувствовала себя до такой степени незащищенной и уязвимой.

Черные эластичные брюки Ди лопнули там, где инструмент коснулся ее ноги. Дженни увидела кровь. Пришелец передал инструмент напарнику, и тот унес его. Со стороны невозможно было заметить, каким образом они общаются между собой. Никто из них не пытался заговорить с пленницами.

Теперь настал черед Дженни. Один из пришельцев – тот, что нанес рану Ди, или другой? – быстрым отработанным движением коснулся ее руки. Дженни почувствовала укол. Затем к ее уху приблизился зонд. Она хотела повернуть голову в сторону, но маленькие лапки, цепкие, как клешни, крепко держали девушку. Она бешено извивалась, чувствуя, как зонд достиг барабанной перепонки. Потом ее пронзила острая боль. От этой боли, беспомощности и ярости из глаз брызнули слезы. Зонд переместился в другое ухо. Кто-то приподнял ей веко. Дженни ощутила холодное прикосновение металла к главному яблоку.

– Это сон! – рыдая, прокричала она Ди, когда из ее уха удалили зонд.

Ответа не было.

Что это за проклятая игра, в которой у тебя нет ни единого шанса? Джулиан предупреждал, что придется пройти через кошмары, но ведь это вовсе не означает, что придется ждать, когда они сами пройдут. Надо что-то делать, но что?.. Вряд ли им удастся выжить, если они будут вот так лежать и ждать.

– Что вам нужно? – вырвалось у нее. – Чего вы хотите?

Среди энлонавтов появилось новое существо. Выше остальных, явно предводитель, с белой, словно восковой, кожей, с пальцами вдвое длиннее человеческих. Дженни бросилось в глаза свирепое выражение его лица. Он взял что-то с тележки с инструментами и подошел к Ди. Потом взглянул в сторону Дженни, и она увидела, что у него голубые глаза. Не блестящие

черные, как у остальных, а голубые-голубые, глубокие, как горное озеро. Глаза, которые видели насквозь.

Дженни загляделась на него и только потом заметила, что он держал в руках. Иголку. Тонкую, отвратительно длинную, длиннее, чем используется для спинномозговой пункции.

Пришелец занес ее над животом Ди. Тело девушки напряглось, футболка цвета хаки прилипла к телу, когда она предприняла отчаянную попытку пошевелиться. Мокрые от пота волосы блестели, как слюда.

– Не трогай ее! – Смотреть, как издеваются над подругой, было невыносимо.

Игла зависла в воздухе над пупком Ди. Та втянула живот, пытаясь отдалиться от страшного инструмента. Потом стала извиваться, но это больше походило на беспомощное подергивание на месте. Свет над столом разгорелся ярче, и Ди выбилась из сил.

– Ты, ублюдок, оставь ее в покос!

«Что я могу сделать? – лихорадочно соображала Дженни. – Нужно остановить их! Но как? Может, все дело в свете? Он угасает надо мной, когда разгорается над Ди. Если бы мне удалось...»

Дженни начала раскачиваться. Теперь она ощущала свое тело. Правда, руки и ноги по-прежнему не подчинялись ей. Дженни раскачивалась из стороны в сторону сильнее и сильнее – так раскачивается жук, упавший на спинку и пытающийся перевернуться. Ди заметила движения подруги. Взгляды девушек на миг встретились, и они поняли друг друга без слов. Ди снова заметалась на столе.

Чем яростнее она это делала, тем ярче разгорался над ней свет. Чем ярче становился свет над Ди, тем слабее делался он над Дженни.

«Стол опрокинется, и я свалюсь, – думала Дженни. – Сломаю руку или ногу, а может, нос, если упаду лицом вниз».

Но она продолжала раскачиваться.

«Во что бы то ни стало надо отвлечь пришельцев, не дать мерзким длинным пальцам вонзить иголку в тело Ди! Если я грохнусь и все себе переломлю, им придется заняться мною. Тогда они оставят ее в покое».

Собрав силы, она рванулась – и перевалилась на бок. Еще секунду она удерживалась в таком положении, потом грохнулась вниз...

Прожектор над ее столом разгорелся в полную мощь.

«Теперь уже все равно. С силой тяжести никто не поспорит».

По крайней мере, Дженни так всегда казалось. Отражающийся от белого пола свет ослепил ее, Дженни зажмурилась в ожидании удара, но, не дождавись его, открыла глаза. Она парила в воздухе, примерно в дюйме от пола. По-прежнему парализованная, но теперь еще и в подвешенном состоянии. Инопланетяне засуетились, не зная, что предпринять. Как будто они были удивлены не меньше ее самой. Дженни парила. Это было очень странное ощущение.

Словно муравьи, пришельцы облепили девушку и положили на прежнее место. На этот раз свет над ней стал чуть тусклее. Дженни, которая полчаса смотрела на ярким прожектор, обратила на это внимание.

Голубоглазый инопланетянин с иглой в руках оказался возле нее.

Она ожидала боли, но пришелец лишь пристально глядел на Дженни, а Дженни на него. Неожиданно он повернулся и подошел к остальным, после чего скрылся за восьмиугольной формы дверью, увозя за собой тележку. Несколько энлонавтов приблизились к Дженни и влили ей в рот зеленую жидкость, сладковатую на вкус и с сильным запахом йода. Дженни немедленно выплюнула ее. Тогда они запрокинули ее голову и снова наполнили ей рот. Теперь она сомкнула губы, удерживая жидкость во рту и стараясь не проглотить ни капли. Сейчас Дженни могла бы сопротивляться пришельцам, руки и ноги повиновались ей, как прежде, но девушка предпочла притвориться. Наконец ушли все.

Дженни немедленно выплюнула жидкость. Губы и язык онемели. Она увидела, что Ди сделала то же самое.

Подруги переглянулись и посмотрели на прожекторы.

– Оба тусклые, – сказала Дженни.

Ди согласно кивнула.

Внимательно наблюдая за входом, они принялись крутиться на столах. Это давалось непросто, но теперь, когда прожекторы стали менее яркими, было легче.

Дженни упала и больно ударилась рукой и коленом. Ди перетащила ее в уголок, туда, где они смогли размять затекшие руки и ноги.

– Смотри... – Дженни кивнула на дверь.

В стене позади них находилась изогнутая дверь – такие обычно бывают в самолетах. Дженни однажды пять часов подряд разглядывала ее, когда летела с родителями во Флориду на каникулы.

«Абсурд, – удивилась Дженни – Зачем на космическом корабле такой вход?»

Ди без промедления нажала на ручку, дверь открылась наружу. Дженни вскрикнула. Она всегда боялась высоты, но так высоко она еще не забиралась. Далеко внизу плыли облака.

«Мы обе обратили внимание на эту дверь, – размышляла Дженни. – Мы вошли в комнату Ди, и вход тут же исчез. Это первая дверь, которая нам с тех пор попала. Значит, это выход».

Она взглянула вниз и почувствовала головокружение.

– Лучше умереть, чем оставаться здесь. Я всегда мечтала прыгнуть с парашютом, – выпалила Ди и, схватив Дженни за руку, шагнула в темноту.

Ветер свистел в ушах, хлестал по лицу, обжигал ледяным дыханием. Дженни крепко зажмурилась. Она не ощущала своего веса, но знала, что падает. Сознание она не потеряла, хотя и не понимала, что происходит. Она ничего не видела и не слышала вокруг... и вдруг с глухим стуком врезались в желтую деревянную дверь. Сзади на нее навалилась Ди. Судя по направлению движения и скорости, они влетели в комнату Ди через окно. Дверь распахнулась, и подружки оказались в коридоре.

Коридор дома с привидениями. Темно, как в склепе. Дженни обернулась в сторону уютной комнаты подружки, но дверь захлопнулась прямо перед ее носом.

Они лежали на полу, тяжело дыша, пока их глаза не привыкли к полумраку. Неожиданно Ди толкнула Дженни:

– Ты их сделала, ха-ха! Ты меня спасла.

– Мы живы, – пробормотала Дженни – Мы выбрались. Ди, ты понимаешь, что произошло? Мы победили!

– А как же иначе? – отозвалась Ди.

Она нащупала дырку на брюках, и Дженни увидела, что из раны на ее бедре все еще сочится кровь. Ди задрала футболку – под бархатистой черной кожей проступали ребра. Над пупком не было ни царапинки.

– Я же говорю, ты меня спасла. Мне такое часто снилось – в меня тычут всеми этими штуками, а я ничего не могу поделать.

– Мы вдвоем победили – с помощью разума, – заключила Дженни. – Теперь-то мы знаем, что нужно делать в этих кошмарах: надо искать выход. Эй, а это что такое?

На темном ковре белел листок бумаги. Дженни расправила его – это оказался рисунок, сделанный цветными мелками. В середине был изображен большой черный предмет, по форме напоминающий шляпу-котелок. Он парил в воздухе над вертикальными палочками, по-видимому деревьями. От шляпы в разные стороны расходились лучи света.

– Я плохо рисую, – призналась Ди – Но идея ясна, да? Что дальше?

Ди еще не совсем оправилась от пережитого ужаса, но выглядела оживленной и торжествующей. Готовой к любым неожиданностям.

Дженни ощутила прилив радости, оттого что эта красивая, смелая девчонка рядом с ней.

– Нужно найти остальных, – сказала она. – Поищем другую дверь.

Она скомкала рисунок и бросила его, потом поднялась на ноги и протянула руку Ди. Невидимые часы пробили одиннадцать. Дженни замерла.

– Это часы, которые я слышала в гостиной. Они отсчитывают наше время. Джулиан сказал, рассветет в шесть часов одиннадцать минут.

– Осталось семь часов с копейками, – поспешила уточнить Ди. – Уйма времени.

Дженни промолчала, ощутив, как задрожали пальцы. У нее было предчувствие, что подруга ошибается.

Глава 7

Коридор уходил влево и вправо, насколько хватало взгляда. Лестница исчезла.

– Здесь постоянно что-то меняется, – пробормотала Дженни. – Интересно почему?

Ди покачала головой.

– Куда пойдем? Предлагаю разделиться.

Дженни собралась возразить, но передумала: после того что с ними случилось, не так уж страшно идти одной. Она выбрала направление и пошла вперед, сразу потеряв из виду Ди.

«Наверное, ко всему можно привыкнуть», – подумала Дженни.

После ослепительной стерильности космического корабля мрачный коридор казался почти уютным. Никаких дверей! Дженни вдруг вспомнила про загадку. Если ее разгадать, одного из них отпустят. Значит, стоит попробовать.

Я – с двумя двух слиянью. Прохладен и жарок.

Я – в природе вещей, я – бесценный подарок.

Я – начало начал, я и грешен, и свят,

И охотно сдаюсь, если силою взят.

«Что же это? Два и два, жаркий и прохладный – что-то очень простое, почти детское».

– Ну, как тебе игра? – Голос был как сталь, задрапированная шелком.

Дженни резко обернулась. У стены стоял Джулиан. Он снова переоделся, теперь на нем были обычные черные джинсы и черная рубашка с закатанными рукавами.

Его неожиданное появление произвело эффект холодного душа.

– Это был ты? – спросила она. – Там, на корабле?

– Догадайся. – Он понизил голос, на секунду веки его опустились, прикрыв глаза тяжелыми ресницами.

– Почему ты не дал мне упасть?

– Твои глаза похожи на зелень кипариса. Это значит, что ты несчастна. Когда ты счастлива, они светлее, они становятся золотисто-зелеными.

– Откуда ты знаешь? Ты же никогда не видел меня счастливой.

Он бросил на нее смеющийся взгляд:

– Ты так думаешь? Ты, вероятно, забыла: я – Сумеречный Человек.

Пока Дженни пыталась понять, что он имеет в виду, Джулиан продолжал:

– Глаза – как кипарис, кожа – как золото... волосы – как янтарь. Зачем ты зачесываешь их назад?

– Так нравится Тому, – ответила Дженни – Послушай, а что ты имел в виду...

Джулиан покачал головой, прищелкнув языком.

– Ты позволишь? – спросил он вежливо, протягивая руку.

Его тон был таким заботливым, что Дженни машинально кивнула. Она по-прежнему обдумывала свой вопрос.

– А что ты... О нет, не надо!

Он стянул резинку, и волосы Дженни рассыпались по плечам. Пальцы Джулиана перебирали их. По телу девушки пробежала дрожь.

– Не надо, – повторила она, не зная, как вести себя в подобной ситуации.

Он не был груб. Он по-прежнему выглядел заботливым и дружелюбным. Пожалуй, было бы невежливо нанести ему сейчас коронный удар Ди, которому та научила подругу в целях самообороны.

– Прекрасно! – Прикосновения Джулиана были легкими, как касания кошачьей лапы, а голос мягким, как черный бархат. – Тебе не нравится?

– Нет. – Дженни чувствовала, что краснеет.

Она не знала, что делать. Не знала, как отделаться от него, и к тому же, прислушиваясь к себе, вовсе не была уверена, что хочет отделаться... Прохладные пальцы добрались до корней волос, и по коже Дженни пробежала легкая дрожь.

– А про губы я уже говорил? Нет? Они мягкие. Верхняя поуже, нижняя полнее. Почти

идеальный рот, только слишком редко улыбается. Дженни, есть ли на свете что-нибудь, чего ты очень хочешь, сама того не осознавая?

– Извини, мне пора, – перебила его Дженни.

Это была стопроцентная для вечеринок отмазка от парней, и Дженни не сразу сообразила, насколько нелепа она сейчас.

– Тебе некуда идти. – Казалось, он не может оторвать взгляд от ее лица. Никто и никогда не смотрел на Дженни так долго, – и ни у кого не было таких необыкновенных глаз. – Я могу открыть тебе, чего ты на самом деле хочешь, – продолжал он. – Ты позволишь? Позволь мне, Дженни.

Голос завораживал. Дженни тряхнула головой, реагируя скорее на свои внутренние ощущения, чем на вопрос. Она не понимала, что с ней происходит. Прикосновения Тома обычно вселяли в нее уверенность, сейчас же ее охватила странная слабость, сердце проваливалось куда-то в живот.

– Позволь показать тебе, – повторил Джулиан так вкрадчиво и тихо, что Дженни с трудом расслышала слова.

Его пальцы нежно гладили ее волосы. Его губы были уже в нескольких сантиметрах от ее губ.

– Не надо, – попросила она – Перестань.

– Ты действительно так хочешь?

– Да.

– Хорошо. – К ее изумлению, он отступил, убрав руку.

Кожа Дженни все еще горела от его прикосновений.

«Я чуть не поцеловала его, – думала она. – Я – его, а не наоборот. Еще минута, и это бы произошло. Том. О, Том!»

– Зачем ты это делаешь? – спросила она, и ее глаза наполнились слезами.

Он вздохнул:

– Я уже объяснил. Я влюблен в тебя. Поверь, это произошло не нарочно.

– Но мы же такие разные, – прошептала Дженни, по-прежнему ощущая слабость в коленках. – Зачем я тебе? Почему именно я?

Он глядел на нее насмешливо, склонив голову.

– Разве ты не знаешь? Свет притягивает тьму, Дженни. А тьма притягивает свет. Так было, и так будет. Всегда.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь. – Она и впрямь не понимала. Не позволила себе понять.

– Представь себе, что дьявол спокойно занимался своими делами – и вдруг увидел девушку. Девушку, которая заставила его забыть обо всем. Вокруг, конечно, были и другие девушки, и даже более красивые, но эта была особенной. Она излучала свежесть и доброту. Чистоту. То, что он хотел заполучить больше всего на свете.

– Чтобы разрушить.

– Нет. Чтобы лелеять. Чтобы согреть свое холодное сердце. Даже бедный дьявол может иногда помечтать.

– Ты пытаешься обмануть меня.

– Разве? – Он вдруг стал очень серьезен.

– Я не хочу тебя слушать. Ты не можешь заставить меня.

– Верно. – На мгновение Джулиан показался ей усталым. Потом на его лице снова появилась странная полуулыбка. – Что ж, продолжим игру. Другого выбора нет.

– Джулиан...

– Что?

Но Дженни прервала себя на полуслове, отрицательно покачав головой.

«Он сумасшедший», – решила Дженни.

Единственное, что казалось ей правдой, – он любит ее. Почему-то Дженни чувствовала, что это так.

Она поняла и еще кое-что – поняла с той секунды, когда заглянула ему в глаза и увидела там древние тени. Поняла, когда он унижал Тома и пугал Ди.

Он был воплощенное зло. Жестокий, капризный, опасный, как кобра. Князь тьмы.

Он был абсолютное зло – и он был в нее влюблен. Как ей с этим справиться?

– Если я нужна тебе, – сказала она, – почему ты не взял меня силой? Зачем нужна игра? Ты мог овладеть мною в любой момент... Почему ты не сделал этого?

Его густые ресницы снова опустились. Сейчас он выглядел точь-в-точь как мальчишка из магазинчика игр. Почти ранимым. Почти человеком.

Дженни вдруг догадалась.

– Ты не можешь, – заключила она. – Ты ведь не можешь, да? Даже здесь у тебя недостаточно силы, чтобы делать все, что ты пожелаешь.

Его глаза сверкнули. В них промелькнула змеиная ярость.

– Это мой мир. Здесь действуют мои правила...

– Нет. – Дженни торжествовала. – Ты можешь все, кроме этого. Поэтому ты просил разрешения прикоснуться к моим волосам. Поэтому ты пытался заставить меня поцеловать тебя. Ты не сможешь этого сделать, если я не захочу.

– Осторожнее, Дженни, – произнес он жестко.

Дженни нервно расхохоталась.

– Если ты можешь меня поцеловать вопреки моей воле, докажи! – воскликнула она. – Докажи – сделай это! – И добавила итальянскую фразу, которой научилась у Одри. – Come osì! (Попробуй, осмелся!)

– Ты не поняла, – произнес Джулиан. – Ты все равно будешь моею, любой ценой. Любой ценой, Дженни, далее ценой страданий. Если мне не удастся тебя заставить, то удастся убедить. Я умею быть очень убедительным.

Торжество Дженни угасло.

– Не забывай, где ты находишься. Не забывай, на чьей ты территории. Не забывай, на что я способен в этой игре.

Слова Джулиана полностью отрезвили Дженни.

– Ты бросила мне вызов – пришла пора показать тебе, на что я способен.

– Мне все равно, что ты со мной сделаешь.

– Может быть, я сделаю это не с тобой. Видишь вон там свою подружку? Она ведь тоже участница игры.

Дженни посмотрела в указанном направлении и увидела рыжие волосы, промелькнувшие в тусклом свете свечей. Она затаила дыхание.

– Не смей... – Дженни обернулась и замолчала на полуслове.

Джулиан исчез. Она осталась одна. Дженни закусил губу. Трудно разговаривать с человеком, который может исчезнуть посреди разговора. И пожалуй, не стоило смеяться над ним. Но теперь уже поздно жалеть об этом.

– Одри! – крикнула она, устремляясь вперед по коридору.

Белая, как цветок магнолии, кожа Одри при свечах казалась золотистой, волосы отливали медью.

Подруги обнялись, и Дженни отметила про себя, что никто, кроме Одри, не смог бы сохранять спокойствие в подобных обстоятельствах и выглядеть столь элегантно.

– Ты смотришься так, как будто с минуты на минуту ожидаешь вызова в посольство, – улыбнулась Дженни.

– Да уж, будь папа здесь, он бы живо навел порядок, – откликнулась Одри. – Он бы плюнул на свою отставку, и дела пошли на лад. С тобой все в порядке? Ты вся горишь.

Дженни смущенно прикрыла лицо:

– Это игра света. А... ты давно здесь? Ну, то есть я хочу сказать, ты меня видела до того, как я тебя окликнула?

– Нет. Я искала хоть кого-нибудь в этом пустом бесконечном коридоре.

– Хорошо. В смысле, хорошо, что я тебя нашла. Я видела Ди. Она пошла в другую сторону. Она только что чудом выбралась из своего кошмара. И, насколько я понимаю, теперь твоя очередь. Пойдем, я объясню по дороге.

И Дженни принялась рассказывать о том, что все они разбросаны по разным местам этого загадочного дома, и о том, что в каждом кошмарном эпизоде нужно искать дверь, и о том, что

надо успеть все испытания пройти до рассвета, и о том, что все раны оказываются настоящими. Она как раз закончила объяснять, когда увидела Ди, стоящую перед закрытой дверью.

– Я решила посторожить ее, чтобы она никуда не делась, – объяснила та, небрежно кивнув Одри.

У Одри после рассказа Дженни возник только один вопрос:

– Этот парень, он что, скандинав? Говорят, они чертовски сексуальные.

Дженни сделала вид, что не расслышала.

– Послушайте, если двери исчезают и появляются, откуда нам знать, что это не одна из тех двух дверей, которые мы уже видели?

– Мы и не можем этого знать. – Ди сверкнула белозубой улыбкой. Ее дикая, естественная красота всегда раздражала Одри. – Тут в замочной скважине нет ключа, но, честно говоря, я бы предпочла снова встретиться с тем монстром, нежели вернуться к инопланетянам.

Ди и Дженни собрались открыть дверь, готовые в любой момент молниеносно ее захлопнуть.

Брови Одри взлетели вверх.

– Нет уж, спасибо, – вежливо сказала она – Узкая льняная юбка не слишком подходит для подобных упражнений. Послушайте, почему бы нам не отказаться в этом участвовать?

– Ты что, совсем меня не слушала? – взвилась Дженни. – Если к рассвету мы все не уберемся отсюда, то останемся здесь навсегда. Мы проиграем.

– Никогда не выхожу из состязания без борьбы, – заявила Ди. – Давай!

За дверью был лес. Легкий ветерок, игравший листвой, разметал распушенные волосы Дженни. Пахло летом.

– Боже мой, – удивилась Дженни.

– Ну, пошли, – сказала Одри, щелкнув пальцами с отполированными ноготками. – Надо так надо.

– Странно, – заметила Дженни, когда они пошли... вернее сказать, вышли. – Спальня Ди была по крайней мере комнатой. Но это...

Они стояли на опушке густого леса на склоне холма. Небо было усыпано звездами, ярче и крупнее тех, которые Дженни привыкла видеть со своего участка в Виста-Гранде. Взошла серебристая луна.

Стоило девушкам перешагнуть порог, захлопнулась и исчезла дверь. Позади расстились луга и пастбища, впереди темнел лес переплетенные ветки кустарников, черные стволы. Вокруг не было ни души.

– Что дальше? – поинтересовалась Одри, грациозно поведя плечом.

– Тебе лучше знать. Это же твой сон, ты его нарисовала.

– Я нарисовала, как открываю каталог Bloomies, а в нем все страницы чистые. – призналась Одри. – Это и есть мой самый страшный сон. Не смотрите на меня так... Ну да, я предпочла дешево отделаться.

И она замолчала, не желая распространяться на эту тему.

В долине под холмом засветилось несколько огоньков.

– Слишком далеко, – прикинула Дженни – Не думаю, что, даже если мы туда доберемся, там окажутся люди.

Одри бросили на нее удивленный взгляд.

Ди кивнула.

– Похоже на пейзаж вокруг детской железной дороги или на театральные задники, – сказала она. – Фальшивый фон. Ты права, вряд ли в домиках найдется хоть одна живая душа. А это значит...

Они обреченно повернулись лицом к лесу.

– Что-то у меня нехорошее предчувствие, – пробормотала Дженни.

– Пошли, – скомандовала Ди. – Чему быть, того не миновать.

Лес казался сплошной стеной, но Ди решительно увлекла их за собой. Среди сосен и елей иногда попадалась березка, ствол которой серебристо мерцал на темном фоне.

– Боже мой! – воскликнула Одри, когда они зашли поглубже. – Холмы, хвойные деревья, скалы... Я знаю, где мы. Это Черный лес.

– Звучит как название сказки, – сказала Дженни, пробиваясь сквозь густой подлесок.

– Я его видела, когда мне было восемь, папа тогда работал в Германии. Я... я его немного побаивалась, это был такой... особенный лес.

Ди насмешливо взглянула на нее через плечо:

– Особенный?

– Лес, в котором случаются всякие необыкновенные вещи, – там находили свои сюжеты братья Гримм. Ну, вы помните – «Белоснежка», «Гензель и Гретель», «Красная Шапочка» и... – оборвав фразу, Одри замолчала.

Ди замерла. Дженни остановилась как вкопанная.

Впереди, в густом кустарнике, вспыхнула пара желтых глаз. Дженни даже показалось, что она увидела, как блестят в лунном свете острые зубы. Подруги замерли, стараясь не шуметь. Желтые глаза оставались неподвижными. Потом один глаз исчез. Вот снова сверкнули оба, и оба исчезли. Дженни услышала хруст веток, и все смолкло. В полной, зловещей тишине Дженни слышала гулкие и частые удары собственного сердца. Она выдохнула. Плечи Ди слегка приподнялись, она нагнулась и подняла длинную ветку толщиной с запястье. Поудобнее взялась за нее и несколько раз со свистом рассекала ею воздух.

Вышло неплохое оружие.

– «Серый волк», – закончила Одри подозрительно спокойно, поправила выбившиеся из пучка прядки и плотно сжала губы.

Подруги переглянулись и пошли в прежнем направлении.

– Странно, волк появился как раз в тот момент, когда ты о нем заговорила, – заметила Ди.

– Если только... – начала Дженни. – Погодите, похоже, очередной фрагмент мозаики идеально встал на свое место. Дайте-ка подумать... Ну конечно! Нет ничего странного в том, что волк появился, стоило Одри упомянуть о нем. Разве не ясно? Он берет все эти образы из нашего подсознания.

– Кто «он»? – полюбопытствовала Одри, раздувая красиво очерченные ноздри.

– А ты как думаешь? Джулиан. Сумеречный Человек. Он создает ситуации, в которые мы попадаем – или мы сами их создаем? – и источником которых являются наши мысли. Коридор в доме напомнил мне дом с привидениями в Диснейленде. В детстве я всегда его боялась, – значит, он появился из моей памяти. Дверь космического корабля как две капли воды похожа на дверь самолета, на котором я летала.

Глаза Ди сверкнули, как у ягуара.

– А гостиная – там была лампа, точно такую я видела в Джеймстауне. Я еще подумала, что это странно.

– Все эти мелочи он вытаскивает из наших мыслей, из нашей памяти, – продолжала Дженни. – Всякие детали. И использует против нас.

– А что дальше? – Ди торопила Одри. Вспомни, чего ты боялась в лесу больше всего. Чего опасаться нам: оживших деревьев, маленьких человечков в колпачках, волка?

– Мне было всего восемь лет, – отрезала Одри. – Я вряд ли вспомню, какая история казалась мне самой... самой страшной. У меня была няня-немка, она и рассказывала мне сказки.

Ди со злостью уставилась на нее.

– Мы можем встретить нечто, не имеющее отношение к Одри. Что-то из моей или твоей памяти, – примирительно сказала Дженни.

В глубине души она боялась, что их ожидает встреча несравненно более опасная, чем встреча с волком. Одри терпеть не могла ничего сверхъестественного, а что означало, что должно произойти что-то сверхъестественное.

«Это всего лишь игра», – напомнила себе Дженни.

Но в ее ушах по-прежнему звучал голос Джулиана: «... хочу тебя предупредить: скорее всего, один из вас не дойдет до финиша».

Они продолжали идти вперед. Ветки кустарника цеплялись за юбку Дженни как маленькие острые иголки. Девушек окружал хвойный аромат, как от тысячи новогодних елок. А впереди была тьма. Нервы Дженни напряглись до предела.

На поляну они наткнулись случайно. Единственное дерево – скорее всего, тис – росло у

груды камней и скальных глыб, оставленных должно быть, сошедшим ледником. У дерева была грубая, неровная кора, темно-зеленая и красные ягоды. Рядом расположились люди, одетые в старомодные кожаные туники отороченные мехом. Под деревом, в центре нарисованного круга, горел костер. Его отсветы падали на ножи на их поясах. Поляна была украшена цветами.

– Какой-то тайный обряд, – прошептала Ди. – А мы подглядываем, – добавила она с нескрываемым удовольствием.

– Они симпатичные, – заметила Одри.

Из семерых молодых людей, то ли подростков, то ли юношей лет двадцати, четверо оказались блондинами, волосы остальных были светло-каштанового цвета. Они громко смеялись и пели что-то веселое.

«Секта какая-то», – подумала Дженни и почувствовала резкий запах пива.

– Пожалуй, – продолжала Одри, – мне начинает нравиться эта игра.

И она вышла на поляну, прежде чем Дженни успела ее остановить. Пение смолкло. Семь голов, как по команде, повернулись в сторону подруг. Один из парней поднял над головой рог для вина, послышались одобрительные возгласы. Девушек пригласили к костру. Голые ноги Одри и эластичные брючки Ди вызывали явное восхищение.

– Нет-нет, благодарю вас, – сказала Дженни парню, который поднес ей в роге какой-то напиток. Символы, вырезанные на нем, о чем-то напомнили ей, и она занервничала. – Одри, что они говорят?

– Не могу понять. Это совсем не похоже на тот немецкий, который я учила, – пояснила Одри. Она сидела между двумя парнями, сияя бледной фарфоровой красотой и кокетливо взмахивая ресницами. – Наверное, это древний язык. Один из них сказал сейчас, что ты похожа на Сиф. Это комплимент: Сиф – богиня с золотистыми волосами.

– Ох, дайте присесть. – Ди отошла к камням.

Среди юношей возникло некоторое замешательство. Несколько человек приблизились к ней и увели от камней, качая головами. Ди неохотно подчинилась, ее подозрительность не усыпило даже их нескрываемое восхищение ее темной кожей. И когда один из парней протянул ей венок из цветов, предлагая надеть его, она только фыркнула.

– Ди, надень, что тебе стоит, – попросила, Дженни, сбрасывая маленького жучка со своего цветочного убора.

Ей начинали нравиться эти рослые симпатичные парни, их волосы, убранные цветами и лентами.

– Это церемония в честь весны, – сказала Одри, когда один из парней с криком «Ostara!» выплеснул на землю пиво. – Остара – богиня весны, от ее имени происходит немецкое название Пасхи – Ostern.

Молодой человек запел.

– Что-то про воскрешение жизни, – перевела Одри. – И еще... я не совсем поняла... Они... просят о чем-то? Молятся?

Парни поднялись на ноги, заставили встать трех подруг и повернулись лицом к груде камней.

– Dokkalfar! – нараспев повторяли они.

– Это означает темное... что-то темное. Я не могу... О боже! – голос Одри изменился. Она попыталось выйти из круга, но один из парней удержал ее. – Темные эльфы! – испуганно выпалила она. – Вот оно что: они просят милости у темных эльфов, а мы – их приношение.

Дженни никогда не видела Одри такой – подруга была на грани истерики.

– Мы – что? – переспросила она.

Широкие белозубые улыбки парней теперь перестали казаться ей дружелюбными.

– Мы – жертвы! – выкрикнула Одри и снова рванулась из круга, но это не привело ни к чему хорошему.

«Их больше, чем двое на одного, – подумала Дженни. – И все силачи».

Она взглянула на Ди и обомлела. Ди хохотала. Просто давилась от смеха.

– Эльфы? – произносила она между приступами хохота. – Это такие маленькие человечки, живущие в цветах? Лилипуты, сидящие на желудях?

– Дура, – прошипела Одри сквозь зубы – Темные эльфы – жители потустороннего мира.

Да где тебе понять!

Дженни услышала странный звук. Один из больших валунов пришел в движение. Он медленно двигался вперед, образуя перед собой горку земли. В груди камней открылась зияющая черная дыра. Туннель, ведущий вниз.

Смех Ди оборвался. Но было уже поздно. Девушек стали заталкивать внутрь. Дженни упиралась, но ее туфли без каблуков скользнули по песку, и она почувствовала, что падает.

Глава 8

Послышался скрежет, и свет луны над их головами погас. Одри, свернувшись в клубочек, лежала рядом с Дженни. Ди оказалась на самом дне туннеля. Дженни поразилась тому, что отчетливо видит обеих.

– Ты в порядке? – спросила она Ди и обняла Одри.

Одри трясло. Она тихонько стонала.

– Мне жаль, что это случилось, – шептала Дженни, прижимаясь к ней.

– Это не твоя вина. – Ди уже поднималась на ноги, ее лицо исказила презрительная гримаса. – Что там с ней стряслось?

Дженни повернула голову, чтобы ответить, но слова замерли у нее на губах. Только теперь она поняла, почему здесь не было темно. Вокруг них полукругом зажглись фонари, и держали их эльфы.

Эльфы были очень красивыми, очень бледными и очень странными. Их слегка раскосые глаза и резко очерченные высокие скулы напомнили Дженни пришельцев.

И еще: лица эльфов не выражали ни малейшей симпатии.

Один из них что-то сказал. Дженни решила, что это тот же язык, на котором разговаривали парни у костра. Голос эльфа, мелодичный и холодный, приказывал им встать.

Дженни опасалась этих бледных красавцев, но ей не хотелось подчиняться. Вскоре она поняла почему. Эльфы были полулюди-полуживотные. Уроды.

У эльфа, который заговорил первым, вместо одной руки было коровье копыто, черное и блестящее. Дженни ощутила приступ тошноты.

У другого был хвост – длинный, голый и розовый, как у крысы. У третьего на лбу росли маленькие шишковатые рожки. Шею четвертого покрывала густая блестящая шерсть.

«Совсем не похожи на склеенных из частей монстров», – подумала Дженни, вспомнив кунсткамеру Рипли.

– Одри, постарайся встать, – уговаривала она подругу, сглатывая поднявшуюся из желудка желчь. – Если ты не встанешь, они заставят тебя.

От отчаяния Дженни посетило вдохновение:

– Одри, ты же не хочешь, чтобы они увидели тебя такой? Готова поспорить, что у тебя вся тушь размазалась.

Это подействовало. Одри медленно села, вытирая мокрое лицо.

– У меня водостойкая, – с вызовом сказала она и машинально поправила прическу.

И тут она увидела эльфов.

Карие глаза широко распахнулись, сделавшись почти круглыми. Она не отрываясь смотрела на коровье копыто.

Дженни стиснула ее руку:

– Ты их так себе представляла?

Одри кивнула.

Эльф снова заговорил, сделав шаг по направлению к ним. Одри опять съежилась. Дженни помогла подруге подняться.

– Одри, нам придется пойти с ними, – прошептала она, опасаясь, что, если Одри заартачится, эльфы будут вынуждены применить силу.

Мысль о прикосновении блестящего копыта или, того хуже, плавника, который она заметила у одного из эльфов, была для Дженни невыносима.

– Пожалуйста, Одри, – просила она.

Эльфам не составляло особого труда вести пленниц в нужном направлении: достаточно

было приблизиться к ним с одной стороны, и они тут же шарахались в другую.

Так они шли, окруженные фонарями, по коридору, уходящему вниз. На их пути встречались развилки. Очевидно, система подземных ходов была гигантской. Девушки спускались все глубже и глубже. Дженни немного успокоилась. Скальная порода вокруг них имела причудливые формы: некоторые камни напоминали олени рога, рисунок других воспроизводил траву, склонившуюся от ветра. Тут были кружевные уступы, похожие на волосы ангела, могучие колонны с рельефными изящными цветами на поверхности, пласты, напоминающие срез гриба.

Пахло влажной землей, как после дождя. Было на удивление тепло.

Дженни сжала руку Одри.

– Скажи им что-нибудь, – предложила она. – Спроси, куда нас ведут.

Одри не была трусихой. И хотя глаза ее были полны слез и она старалась не смотреть на идущего рядом с ней эльфа, голос девушки прозвучал достаточно спокойно.

– Он говорит, нас ведут к Erlkonig, – сообщила она через минуту. Дженни уловила напряжение в ее голосе. – Это Лесной Царь, что-то вроде злого лесного духа. Я теперь припоминаю, была сказка про Лесного Царя. Говорят, он... он крадет людей. В основном юных девушек и детей.

– Почему девушек? – возмутилась Ди.

– Догадайся, – огрызнулась Одри. – Все темные эльфы такие. Ты взгляни на них – ни одной женщины! Это племя состоит только из мужчин.

Ди кровожадно ослабилась:

– По-моему, пора драться.

– Нет, – пробормотала Дженни. Сердце чуть не выпрыгивало у нее из груди, но она пыталась сохранять спокойствие. – Их слишком много, у нас нет шансов. Кроме того, мы должны встретиться с нашими страхами, помнишь? Если Одри больше всего боялась Лесного Царя, нам придется увидеться с ним.

– Идиотский кошмар, – прошипела Ди, передернув плечами, словно по спине у нее пробежала струйка ледяной воды.

– Уж поверь, – съязвила Одри, – я бы предпочла, чтобы вы не попали сюда вместе со мной.

В течение всего пути по лабиринтам и пещерам, похожим на великолепные подземные храмы, Ди и Одри игнорировали друг друга. Повсюду блестели кристаллы селенита, они крошились и хрустели под ногами, на них играли блики от света фонарей.

– Странно, – прошептала Одри. – Это никак не может быть связано со мной. Я ничего подобного в жизни не видела.

– Я видела, – отозвалась Ди, невольно понизив голос. – В мексиканских пещерах. Но тогда это не выглядело... так грандиозно.

Наконец они пришли в большую пещеру с огромными красного цвета колоннами, похожими на коралловые. У Дженни появилось ощущение, что они попали в подводный мир. Их подвели к двери в стене из красноватой горной породы. Стена была неровной, она волнами поднималась вверх, словно окаменевший перевернутый водопад.

– Дворец, – выдохнула Одри.

Эльфы мгновенно разделились на две группы, разлучив Дженни с подругами. Это произошло так быстро, что Дженни и глазом не успела моргнуть. Обернувшись, она заметила, что Одри и Ди повели в другую сторону. Она увидела, как мелькнула в толпе эльфов медная головка Одри, услышала гневный голос Ди. Потом все стихло, и Дженни очутилась в другой пещере.

Один из ее провожатых произнес какую-то фразу, оканчивавшуюся словом «Erlkonig», и эльфы замерли, словно почетный караул.

Дженни посмотрела по сторонам. Бело-золотистые каменные своды напоминали ей подмытые прибоем стены песчаных замков. Внезапно она осознала, что зал освещает луна, и, подняв голову, разглядела что-то вроде световых люков или дымоходов.

Делать было нечего, оставалось ждать. Дженни вспомнила о Томе, потом о загадке.

«Попробуй отгадать ее, – велела она себе. – Нечего напрасно тратить время:

Я – с двумя двух слиянье. Прохладен и жарок.
 Я – в природе вещей, я – бесценный подарок.
 Я – начало начал, я и грешен, и свят,
 И охотно сдаюсь, если силою взят».

И вдруг Дженни догадалась. Ну конечно! Что может быть и жарким, страстным, и прохладным, равнодушным? Что может быть и грешным, и святым? Слиянье двух – это слиянье губ. Поцелуй!

Дженни торжествовала. Она отгадала, теперь она сможет выручить одного из друзей. У нее не возникло ни малейшего сомнения, кто это будет. Конечно, она любит их всех, но Том особенно дорог ей.

В том, что загадка наконец разгадана, был один-единственный минус – ей было больше не о чем размышлять, разве что гадать, что произойдет дальше. Эльф, приведший ее сюда, сказал: «Erlkonig». Лесной Царь. Может быть, она ждет именно его?

Интересно, а какое у него окажется уродство? Копыта? Рога? Раз он царь – у него, наверное, уродство самое жуткое. Дженни поехала.

Кто-то вошел. Дженни, собравшись с духом, обернулась и в следующую секунду поняла, как ошибалась.

На нем была белая туника и брюки из белой кожи, очень мягкие и плотно прилегающие к бедрам. Мягкие ботинки тоже были белые. Тело Джулиана казалось гибким и мускулистым. В лунном свете его волосы отливали серебром. Он улыбался.

– Джулиан?!

– Добро пожаловать, – проговорил он, – во дворец Лесного Царя.

В их последнюю встречу Дженни была в ярости. Теперь ей трудно было это себе представить. Невозможно оставаться абсолютно равнодушной к парню, который смотрит на тебя глазами голодного тигра. Дженни смутилась.

Том выглядел классно в самой простой одежде, он всегда был очень консервативен, даже на Хэллоуин его трудно было заставить надеть костюм. Джулиан же, напротив, предпочитал вызывающие наряды. Широкий кожаный белый пояс, украшенный сапфирами, подчеркивал узкую талию и плоский живот. Дженни и сама не отказалась бы от такого.

– Значит, Лесной Царь, да? Наслаждаешься новой ролью?

– Охотно, – холодно заверил ее Джулиан.

– В этот раз ты хотя бы говоришь со мной, не то что там, на летающей тарелке.

– Дженни, я с удовольствием проговорил бы с тобой всю ночь напролет.

– Спасибо, но время не ждет, мне нужно выручать друзей.

– Тебе стоит сказать только одно слово.

Дженни удивленно взглянула на Джулиана, но тут же сообразила, что он имел в виду.

– Нет, – заявила она. – Я пойду трудным путем. Мы преодолеем кошмары и выиграем игру.

– Я восхищен твоей самоуверенностью.

– Лучше восхищайся моими успехами – я отгадала загадку. Между прочим, это типичный мужской шовинизм. Вряд ли можно говорить об удовольствии, если он взят силой.

– Кто – он?

– Поцелуй. – Дженни повернулась, чтобы лучше видеть Джулиана. – Это ведь и есть отгадка, да? Ты обещал отпустить одного из нас.

– Нет. – Он дождался ее реакции, и глаза его злорадно вспыхнули. – Я сказал, что отпущу одного из вас, если дождусь от тебя ответа. А я его еще не дождался. – Джулиан скользнул взглядом по ее губам. – Ну так как?

Гнев вспыхнул в душе Дженни.

– Ты!.. – Она отвернулась, чтобы лишиться его удовольствия видеть ее ярость.

– Я расстроил тебя. Ты обижена, – сказал он, и в его голосе зазвучало неподдельное раскаяние.

Дженни никак не могла привыкнуть к этим стремительным переменам тона.

– Но я принес кое-что, чтобы поднять твоё настроение.

Дженни нехотя обернулась. В его руках был цветок – белая роза. А может быть, серебряная, в лунном свете трудно разобрать. Более красивого цветка Дженни не видела никогда в жизни.

Взяв её в руки, она обнаружила, что роза искусственная – великолепной, безупречной работы. Полурастущий бутон поблескивал на ладони у Дженни. Лепестки казались прохладными и мягкими.

– Она сделана из серебра, добытого эльфами в самых глубоких, шахтах мира, – пояснил Джулиан.

Дженни покачала головой:

– Это же сказки. Неужели ты утверждаешь, что ты и вправду Лесной Царь? Может, ты заставишь меня поверить в Гензеля и Гретель?

– Ты не можешь себе представить все мои обличья. Я пытаюсь заставить тебя поверить только в то, что действительно случилось: дети, уходившие гулять в лес, не возвращались домой. Эти случаи превращались в легенды, объясняющие исчезновение. Некоторые из них были близки к истине, другие – нет.

Дженни смутилась.

– Роза очень красивая, – сказала она, проводя ею по щеке.

Глаза Джулиана блеснули.

– Давай выйдем во двор, – предложил он. – Там мы сможем по-настоящему любоваться луной.

Двор представлял собой пещеру с большим количеством естественных световых колодцев в потолке. Через них струился лунный свет. Дженни охватил благоговейный восторг. Волшебный лунный свет спускался с неба, и пещера с чередующимися на полу темными тенями и яркими серебристыми пятнами выглядела сказочно прекрасной.

Джулиан преобразился. Его лицо, скрытое тенью, стало угольно-черным, а в глазах мерцали две серебряные точки.

– Ты задумывалась когда-нибудь, почему из любых неприятностей ты всегда выходила без единой царапины? – неожиданно спросил он. – Почему подобранные тобой бродячие животные никогда не кусали тебя, почему тебя ни разу не ограбили, почему к тебе не приставали?

Дженни часто слышала от близких упреки в беспечности, но не придавала этому особого значения. Сейчас у неё возникло смутное подозрение.

– Нет, – ответила она. – Нет, не задумывалась.

Джулиан посмотрел ей в глаза:

– Я охранял тебя, Дженни. Заботился о тебе. Никто не сможет причинить тебе зло, кроме... меня.

– Но это невозможно, – возразила Дженни. – Ты... Но я всю жизнь... Как... – Её мысли путались.

– Ты не веришь? Но это так. Я всегда любил тебя.

Страстность его взгляда пугала Дженни, мешала разобраться в собственных чувствах. Она понимала, что не должна испытывать ничего, кроме ненависти, но не могла не признать, что очарована Джулианом. Он – Князь тьмы – выбрал её.

Дженни отошла от него на несколько шагов, отвернулась, пытаясь привести мысли в порядок.

– Я никогда никого не любил, – продолжал Джулиан. – Ты первая и единственная. Навсегда.

Мелодия его голоса обволакивала, словно сеть, сотканная из изящных снежинок, и уносила в другое измерение.

Дженни обернулась к нему, и он дотронулся до её щеки, очень легко, едва уловимо. Изумленная, Дженни не могла двинуться с места. Она опустила глаза. Джулиан взял её за руку.

«Но я думала, ты не можешь...»

Прохладные, как нефрит, пальцы касались её кожи. По руке Дженни побежали мурашки. Ей захотелось прижаться щекой к его руке.

«Не надо, – подумала она. – Не надо, нет, нет...»

– Не надо.

Он продолжал гладить ее руку, ласково кружа по ладони пальцами. Чувственное и опасное прикосновение... Дженни теряла контроль над собой.

Он был таким нежным, осторожно освобождая розу из ее пальцев...

«Роза, – подумала Дженни. – Его подарок. Я держала ее в руке. Я провела ею по правой щеке – по той щеке, которую он сейчас ласкает».

Она отшатнулась.

– Ты... обманул меня.

Он все еще держал ее за руку.

– Это имеет значение?

– Да, имеет! – яростно выкрикнула Дженни, пытаясь освободить руку. Как она могла так обмануться? Это же игра, он играет с ней, заставляя ее разрешить ему все больше и больше прикосновений. – Я поняла: отныне я не буду прикасаться ни к тебе, ни к тому, что ты мне дашь. Твой трюк больше не работает.

Его губы искривились в улыбке, но глаза оставались серьезными.

– Не работает этот – работает другой. Поверь, Дженни: до конца игры ты будешь принадлежать мне.

Дженни следовало сказать в ответ что-то более обдуманное, чем первая пришедшая на ум фраза:

– Не в этой жизни!

– Именно в этой, – ответил Джулиан. – И не забывай, здесь, в моем мире, сейчас не только ты.

И тут Дженни услышала вопли.

– Это Одри! – воскликнула она. – Это Одри! С ней что-то случилось!

Дженни резко выдернула ладонь из рук Джулиана и вдруг увидела его глаза.

– Ты все знаешь, – прошептала она. – Это твоих рук дело.

– Я предупреждал тебя, – сказал он. – В твоих силах прекратить это.

«Зло, – подумала Дженни. – Абсолютное зло. Жестокий, капризный, опасный, как кобра. Никогда больше не позволю себе забыть об этом».

– В моих силах – и я прекращу это, – сказала она тихо, но твердо. – Я обещала тебе, что собираюсь выиграть. И я выиграю. Я никогда не сдамся.

Дженни швырнула к его ногам серебряную розу и побежала туда, откуда раздавались крики Одри.

Эльфы-стражи попытались схватить ее, когда она выбежала из зала, но Дженни резко метнулась в сторону. Крики Одри слышались все отчетливее. Увидев в стене проход, Дженни нырнула в него и увидела подруг.

– Что стряслось?

Одри полусидела-полулежала на усыпанном селенитовой крошкой полу маленькой пещеры. Ее лицо искажала гримаса ужаса. Обернувшись, Дженни поняла почему.

Она полагала, что после всего, что с ней произошло, она готова встретиться с самыми странными существами. Но эти... эти...

– О господи, Одри, кто это? – выдохнула она.

Одри впиалась ногтями в руку Дженни.

– Это дрогры. Живые трупы. Они пришли за нами. Я... – Одри отвернулась, и ее вырвало.

В пещере стоял тошнотворный, сладковатый запах разложения. У одних дрогров были страшно раздувшиеся тела, у других – высохшая, сморщенная кожа, у третьих, к ужасу Дженни, кожи не было вовсе. Ей бросились в глаза ногти дрогров, потемневшие от времени и свисавшие длинными, закрученными спиральями. Ногти стучали друг о друга, и от этого звука кровь стыла в жилах.

Дженни не знала, как ей удалось пройти мимо них к Одри, потому что сейчас они наступали со всех сторон.

– Когда я скамандую, бегите к двери, – приказала Ди.

– К какой? – Дженни повернулась и взглянула в том направлении, куда указывала

подруга.

Позади ближайшего дрогра, справа в стене, была дверь. Готическая стрельчатая дверь, выкрашенная в синий цвет.

– Ясно? – крикнула Ди. – Приготовьтесь.

Она стояла, согнув колено левой ноги. Отставленная назад правая нога носком касалась пола. Это было похоже на балетную позу, но Дженни знала, что это называется стойкой кошки. Ди неоднократно пыталась научить подругу основным позициям кунг-фу. Внезапно распрямив правую ногу, Ди резко взмахнула ею в воздухе и ударила дрогра пяткой в челюсть. С глухим треском его голова откинулась назад: Ди сломала ему шею.

Однако это не остановило чудовище. Голова болталась у него за спиной, но он, словно на ощупь, неуверенно продолжал двигаться вперед.

Нервы Дженни не выдержали, она завизжала.

– Вставайте! – кричала Ди. – Быстрее, я их отвлеку! Бегите, выбирайтесь отсюда.

Одри не двигалась:

– Мы тебя не оставим одну...

– Обо мне не беспокойтесь! Дженни, уводи ее!

Дженни инстинктивно подчинилась команде. Она обхватила Одри рукой и потащила к двери. Рывком распахнув ее, подруги перевалялись через порог.

Дверь захлопнулась прежде, чем Дженни успела этому помешать. Они с Одри с тревогой переглянулись. Теперь им оставалось лишь одно – ждать.

Они ждали и ждали, и наконец Дженни начала понимать, что Ди никогда не придет. Одри плакала. Дженни подергала дверную ручку – та не поворачивалась.

– Это я виновата, – корила себя Одри.

«Один из вас не сможет дойти до конца...»

Дверь внезапно распахнулась, и в нее стремительно ворвалась Ди.

– Я была около самого входа, – заявила она, привалившись к двери. – Но я так соскучилась по хорошей драке! И, доложу я вам, это было недурно.

Раскрасневшаяся от азарта, она взглянула на Одри:

– Ну и видок у тебя!

Аккуратный рыжий пучок Одри растрепался, волосы закрывали лицо, роскошная челка прилипла ко лбу. Щеки покраснели от слез. Руки и ноги в ссадинах. Вишневая помада размазалась.

С таинственным видом Одри показала подругам кулак, потом разжала пальцы – на ладони лежал гребень из ее прически.

– Все на месте, – спокойно констатировала она.

И подруги разразились истерическим хохотом. Они смеялись и смеялись, освобождаясь от напряжения, от пережитого кошмара.

– Это победа – выбралась живой и спасла гребень, – произнесла наконец Ди.

Одри подняла брови, и на ее губах заиграла улыбка. Они с Ди улыбались друг другу. Невидимые часы пробили двенадцать.

– Полночь, – сказала Дженни тихонько, почти шепотом.

Каждый раз, когда они выигрывали, раздавался бой часов, напоминая о неумолимом времени. Интересно, где они, эти часы? Звук, казалось, наполнял весь дом.

– До рассвета еще шесть часов, – уточнила Ди, обращаясь к Одри. – А нам осталось пройти всего через пять испытаний. Пустяки. Думаю, мы легко справимся.

– Легко? Я в этом не уверена, – отозвалась Одри.

– Смотрите, – сказала Дженни, поднимая с пола листок бумаги.

Глава 9

На листке зеленым карандашом был нарисован лес.

– Это мой рисунок, – призналась Одри. – Мне почему-то всегда в страшных снах снился лес, хотя я никогда не могла толком объяснить почему.

– Он использует наше подсознание, – сказала Ди.

– А что с вами случилось после того, как нас разлучили? – спросила Дженни.

– Да почти ничего, – ответила Ди. – Они затолкали нас в ту пещеру, только поначалу там не было никакой двери. А потом мы ее заметили – и в ту же секунду появились трупы и Одри начала визжать. А с тобой что было? Ты видела Лесного Царя?

Дженни смотрела в сторону.

– Ну да, что-то в этом роде. Это был Джулиан. – Поколебавшись, она выпалила: – Это вы из-за меня страдаете, из-за меня, понимаете? Ему нужна я. Он сказал, что перестанет вас мучить, если я... если я соглашусь...

– Не смей! – Ди сверкнула черными глазами.

– Даже не думай, – приказала Одри с не меньшим жаром.

Дженни кивнула, почувствовав, как на глаза наворачиваются слезы. Чтобы скрыть их, она повернулась и стала смотреть на Одри. Пока они разговаривали, Одри успела снова уложить волосы, вытащила из кармана косметичку и искусно подкрасила губы вишневой помадой. Одри, объехавшая весь мир, всегда казалась Дженни идеальной и невозмутимой. Почему-то сейчас Дженни впервые задумалась о том, как воспринимает жизнь сама Одри.

– Должно быть, не так просто все время жить в чужих странах, – медленно произнесла она, покосившись на Ди.

Одри немного помолчала, взбивая челку. Потом с щелчком закрыла пудреницу.

– Если честно, это ужасно, – призналась она. – Вы представить себе не можете, какой каждый раз переживаешь шок. Путаница, неуверенность... И никогда заранее не знаешь, куда поедешь в следующий раз. Даже теперь, когда папа на пенсии, у меня иногда возникает ощущение...

– ...что трудно завести настоящих друзей?

Одри кивнула.

– Мне все время кажется, что в любую минуту придется собирать чемоданы и уезжать.

– Теперь не придется, – сказала Дженни. – Ты всегда будешь с нами. – Она снова взглянула на Ди. – Правда?

– Конечно! – В голосе Ди больше не было злости.

Она примирительно положила свою узкую ладонь на плечо Одри.

– Знаете, я что-то никак не пойму, – неожиданно пробормотала Дженни. – Эти ребята из леса были такими милыми... Почему же они так поступили с нами? Почему отдали нас эльфам?

– Считается, что эльфы помогают людям: отвечают на вопросы, выполняют вместо них работу. Но не бескорыстно, а в обмен на что-нибудь. Кроме того, они могут забрать к себе. Думаю, те парни решили, что безопаснее рискнуть нами.

Дженни кивнула:

– И еще один вопрос...

– Всегда у тебя есть вопрос в запасе! – вставила Ди.

– ...кто из вас представил ту дверь? Я точно знаю, что не я, потому что никогда в жизни не видела ничего подобного.

– Я, наверное, – ответила Одри. – Я видела такие в Германии. Только я ее не представляла – она сама появилась.

– В этом мире не удастся ничего менять силой мысли, – сказала Ди. – Нужно вести себя так, будто здесь все настоящее.

– Узнать бы еще, где это – здесь, – уныло промолвила Одри.

– Хороший вопрос, – сказала Дженни. – Судя по тому, что я увидела из окна на первом этаже, ясно, что этого места нет на Земле.

– Сумеречный мир, – понизила голос Ди. – Помните правила? Мир, который похож на наш, но во многом отличается, который существует параллельно с нашим, но нигде с ним не соприкасается.

– *«Некоторые люди называют его миром снов, но он не менее реален, чем наш мир»*, – процитировала Дженни. – Однако этой ночью он соприкоснулся с нашим миром... Что с тобой, Одри?

– Я вспомнила, что в скандинавской и германской мифологии считается, что существует девять миров. И наш мир – один из них, он где-то посередине.

– Девять? – удивилась Дженни.

– Девять. Есть Асгард – это небеса, есть Хел – это ад, есть мир первичного огня, мир первичной воды, мир первичного ветра – но слушайте дальше! – есть еще и мир первичного льда. Он сообщается с Хелом, и его также называют Сумеречным миром. Он называется Нифельхейм, а «нифель» означает «тени, сумрак»...

– К чему ты клонишь? – спросила Ди.

– Сама не знаю. Но это странно, nicht wahr? Боже мой, я уже начинаю думать по-немецки. Но действительно странно, правда? Ведь Джулиан называет себя Сумеречным Человеком. И еще: считается, что живущие в Нифельхейме обладают ужасной разрушительной силой, поэтому их мир запечатан особой руной, которая не позволяет им выбраться и попасть в другие миры. Вот только не могу вспомнить, что это за руна.

– Но ты же не веришь в магические руны! – сказала Дженни. – В смысле, в то, о чем толковал Джулиан, – в руны, помогающие перемещаться по этим мирам. Это же невозможно.

– Я всегда считала это глупым суеверием. Но теперь... не знаю. В легендах говорится, что с помощью рун можно путешествовать между мирами. Или вызывать разных духов из других миров. Примерно так, как те немецкие парни вызывали эльфов.

У Дженни почему-то возникло неприятное ощущение, когда она слушала рассказ Одри. Она не могла объяснить свое чувство, и от этого оно еще сильнее беспокоило ее.

Что-то связанное с рунами, что-то, что произошло очень давно... Впрочем, какое ей дело до каких-то магических рун? Но в тот день, в доме бабушки...

– Хватит болтать, – объявила она. – По-моему, нам пора. Время-то уходит, не забывайте.

– Верно. – Ди, как всегда, была готова действовать. – Разделимся, как в тот раз?

– Нет, – торопливо сказала Дженни. – Лучше держаться вместе.

Она никак не могла забыть, что, подчиняясь странному закону этого мира, позволила Джулиану прикоснуться к ее волосам, щекам, руке. И он ясно дал понять, что не остановится на достигнутом. К каким уловкам или угрозам он прибегнет в следующий раз? Поэтому Дженни предпочитала не давать ему возможности снова встретиться с ней наедине.

Майкла они нашли за третьим поворотом коридора. Он ходил взад и вперед перед дверью, ероша рукой волосы и что-то бормоча себе под нос. Он искренне обрадовался появлению девушек:

– Одри, наконец-то! Давненько я тебя не видел!

– О, я считала секунды до нашей встречи. – Одри подняла бровь и усмехнулась.

– Я тоже! Жаль, что я не захватил с собой калькулятор, чтобы не сбиться со счета.

«И ведь оба они шутят, – подумала Дженни. – Счастливые».

От любви к Тому у нее заныло в груди. Если бы только увидеть его, хоть на секундочку...

Подруги рассказали Майклу обо всем, что с ними приключилось. Он, в свою очередь, поведал, что гостиняя исчезла в тот самый момент, когда Том боролся с невидимыми существами. Потом Майкл оказался перед этой дверью, подергал за ручку, но дверь не открылась. С тех пор он слоняется по коридору.

– А лестницу ты видел? – спросила Дженни.

– Ни лестницы, ни других дверей – ничего. И никого, пока вы не пришли.

– Мы ходим по этому коридору уже два часа и видели три двери, а я попала в коридор, поднявшись по лестнице, – сказала Дженни. – Что и говорить, странное место.

– Некогда болтать, – вставила Ди. – Пошевеливайтесь. Кто попробует открыть дверь?

– На этот раз давайте оставим ее открытой, когда войдем, – предложила Дженни. – Если, конечно, мы не будем вынуждены поскорее ее захлопнуть.

– Нам не удастся в нее войти – она заперта, – напомнил Майкл.

Ди ухмыльнулась и встала в стойку, готовая сделать выпад и открыть дверь ногой:

– Спорим?

Стоило Дженни повернуть ручку, и дверь легко отворилась. Ди придержала ее, чтобы она не закрылась. За дверью было темно.

– Только после вас. Я трус с большим стажем, – заявил Майкл.

Дженни затаила дыхание, расправила плечи, перешагнула через порог... и оказалась в коридоре, точно таком же, как тот, из которого только что вышла.

– Что там? Дверь закрывается, – крикнула Ди.

– Это... – Не зная, как объяснить, Дженни позвала Одри и Майкла.

– Но ведь это то же самое место! – Одри изумленно оглядывалась по сторонам.

Один коридор был зеркальным отражением другого. Тот же мрачный ковер, те же мерзкие обои, те же свечи в бронзовых подсвечниках.

Майкл вернулся к Ди.

– Смотрите, даже стекающие капли воска на свечах точно такие же. Это тот же самый коридор.

Сколько бы они ни экспериментировали, проходя через дверь то туда, то обратно, они попадали в один и тот же коридор.

– Почему-то на сей раз испытание откладывается, – пробормотала Дженни. – Мы все время возвращаемся на исходную позицию.

– Страшно жаль! – воскликнул Майкл. – Мне будет очень не хватать моего кошмара.

– Ну ладно, попробуем последний способ. – И Ди переступила порог, отпустив дверь, которая тут же захлопнулась за ее спиной. – То же самое место, – произнесла она оглядываясь. – Вращающаяся дверь на входе в ад.

– Кажется, Сартр утверждал, что ад – это вечность, проведенная в одной комнате с друзьями, – с пафосом изрек Майкл.

– Майкл, перестань, мы и так знаем, что по иностранной литературе у тебя пятерка, – сказала Дженни. – Хотя... может, это и есть твой кошмар?

Майкл растерялся.

– Э-э-э... да нет, в общем, нет. Мой, если признаться, был совсем простенький, детский.

– Но в чем он заключался?

Майкл покраснел. Почесав в затылке, он покачал головой.

– *«У каждого из вас есть тайна, каждый предпочтет умереть, но не признается»*. – Ди выразительно процитировала по памяти текст с карточки. – Бьюсь об заклад, это была действительно редкая глупость, какой-нибудь мелкий монстрик, да, Майкл?

С этими словами Ди попыталась повернуть дверную ручку – она не поддалась.

– Вот это да! Снова заперта.

– Если придется тут торчать, почему бы не сесть? – предложила Одри, и все уселись на пол, а Майкл принялся болтать.

«На что можно рассчитывать всегда – так это на то, что у Майкла не иссякнут темы для разговора», – подумала Дженни.

– Как представлю, – сказал Майкл, – что мог бы в этот вечер остаться дома и смотреть шоу Рена и Стимпи... Это не похоже на настоящую игру, нет кнопки перезагрузки. Либо выиграешь, либо проиграешь, либо умрешь. Слышали анекдот про кролика и фен?

– Майкл... – Одри бросила на него испепеляющий взгляд.

Не прекращая болтовни, Майкл снял одну из поношенных теннисных туфель. На подошве была дырка. Одри, изобразив на лице брезгливость, смотрела на его носок.

– Ничего не могу поделать, страшно зудит. Фу-у-ух... какое облегчение! – Майкл яростно скреб ногу. – Так что ты сказала этому... этому парню... когда нас всех унесло из гостиной? – спросил он Дженни. – Ну, в смысле... – Три девушки молча смотрели на него, пока он подбирал слово. – Я хочу сказать, было же совершенно очевидно, чего он добивается... а ты сказала, что осталась с ним наедине...

– Чего бы он ни хотел, – коротко ответила Дженни, – он ничего не получил.

– Что за дурацкий вопрос, – вспыхнула Одри.

– Ничего не получил и никогда не получит, – добавила Ди.

– Я вообще не понимаю, что он нашел во мне, – вырвалось у Дженни.

Подруги переглянулись. Ди фыркнула.

– Не понимаешь? А остальные понимают. Даже Зак, хотя он и твой кузен.

– Дело даже не во внешности, – пояснила Одри. – Просто ты хорошая. Иногда даже слишком хорошая. Я же говорила тебе...

– Как сказала бы Эба, у тебя чистая душа, – перебила Ди.

– Ты как девочка-скаут, – подсказал Майкл. – Чистая, простая и честная.

– Но он же ужасный, – возразила Дженни.

– В этом-то все и дело, – объяснила Ди. – Зло всегда тянется к добру.

– Противоположности притягиваются, – мрачно добавила Одри. – Достаточно взглянуть на нас с Майклом.

Майкл поспешил сменить тему:

– А как вы думаете, кто он?

– Я думаю, он пришелец, – заявила Ди, к изумлению Дженни. – Инопланетянин, похищающий людей.

Майкл уставился на нее, почесывая подбородок. Одри нахмурилась.

– Это смешно, – сказала она. – Какой же он инопланетянин? Достаточно взглянуть на него. И потом, где же его космический корабль?

– Вероятно, он может принимать любой облик, какой захочет, – предположила Ди и почесала руку. – А корабль ему, может быть, вообще не нужен. Он просто перенес нас на другую планету.

– Скорее, в другой мир. А это не одно и то же, – откликнулась Одри. – И если верить ему, он сделал это с помощью руны. А тогда он...

– Кто? Лесной Царь? Вряд ли, дорогая моя. Ты так считаешь просто потому, что этот образ страшит тебя сильнее других.

– А ты больше всего боишься пришельцев, моя дорогая, – не осталась в долгу Одри, проводя своими блестящими ноготками по ладони.

Беседа, похоже, превращалась в классический словесный поединок «Ди против Одри».

– Девчонки, – сказал Майкл, – я считаю, что он демон. Демон, влюбленный в Дженни.

Майкл бесхитростно улыбнулся и снова принялся чесаться. Ди и Одри наградили его свирепыми взглядами. Дженни почувствовала знакомый холодок в груди.

– А что, я верю в демонов, – продолжал Майкл. – Почему бы им не существовать? А если демоны существуют, этот парень – один из них.

Пока они спорили, Дженни все сильнее ощущала дискомфорт. У нее почему-то горела кожа на руке – нет, не горела, скорее, зудела. Она рассеянно почесала руку, зуд усилился. Дженни взглянула на руку и разглядела пятно. Темная отметина, вроде родимого пятна. Но у нее не было родимых пятен! Кроме того, это пятно не было красным... Оно было зеленым.

В этот момент Майкл, который чуть ли не целиком засунул одну руку в рукав другой, чтобы почесаться, издал странный звук. Выражение его лица изменилось, он вытаращил глаза и закатал рукав свитера.

Дженни ахнула.

На руке Майкла что-то росло.

Растение. Свежий зеленый росток, напоминающий молодую веточку мяты, пробившийся на свет прямо из человеческой плоти. В ту же секунду друзья вскочили на ноги и принялись осматривать себя в тусклом свете свечей. У каждого на теле обнаружилось зеленое пятно. У Дженни оно напоминало мох, у Одри – плесень.

У Дженни пересохло в горле. И она, и Одри, и Ди – все были напуганы. Но с Майклом случилась настоящая истерика.

– Уберите от меня это! Уберите! – попил он, тыча рукой в лицо Дженни.

Дженни не могла заставить себя прикоснуться к растению, торчащему из руки Майкла. Ди ухватилась за одну из веточек и потянула.

– Ой! – вскрикнул Майкл.

Ди остановилась.

– Нет, тyani, продолжай! Пусть будет больно, плевать. Тyani!

Ди потянула сильнее. Растение не поддавалось. Дженни заметила тонкую сеть белых корешков, которыми оно цеплялось за руку Майкла. Из пор сочилась кровь.

Майкл завопил. Ди снова остановилась, раздувая ноздри.

– Майкл, я не могу больше. Не могу. Я сорву вместе с ним твою кожу.

– Ну и пусть! Пусть! – Майкл, зажмурив глаза, схватился за растение здоровой рукой.

Дженни зажала рот ладонью, чтобы не закричать.

Ростки были и на другой руке Майкла. Они оказались даже пышнее.

– Майкл, они... они у тебя повсюду, – прошептала она.

Майкл широко распахнул глаза и осмотрел свои руки.

– О господи. О господи, господи, господи...

Одним рывком он сдернул с себя свитер, вытащил руки из рукавов. И грудь, и живот густо покрывали молодые росточки. В такт его дыханию они тихо шелестели листьями.

– Спокойно! – приказала Ди, схватив Майкла, чтобы он не начал, беснуясь, бегать по коридору.

Он дышал как загнанная лошадь, и в глазах его застыло безумие.

– Нужно что-то делать, – сказала Дженни.

Она тоже избегала смотреть на мох на своей руке, но про это можно было пока забыть. Майклу было несравненно хуже.

– Да... Но что? – Ди пыталась контролировать движения Майкла, который был готов расцарапать себе ногтями все тело.

Одри шагнула к нему. Дженни полагала, что для подруги появление растительности на теле еще большая неприятность, чем для нее и Ди, ведь Одри всегда так заботилась о своей внешности. Но ее выдержка оказалась исключительной.

– Майкл Аллен Коэн, посмотри на меня! – резко скомандовала она.

Безумные темные глаза уставились на нее.

– Ты немедленно успокоишься. Понял?

Взгляд Майкла стал более осмысленным.

– Прямо сейчас, – повторила Одри сурово и, обхватив лицо Майкла ладонями, поцеловала.

Когда она его отпустила, рот юноши был измазан вишневой помадой. Выглядел Майкл теперь гораздо спокойнее.

– Слушаюсь и повинуюсь, – слабо произнес он.

– Обычно ты слушаешься, но гнешь свою линию, – заметила Одри.

– Нам всем не мешает успокоиться, – вставила Дженни, – и подумать. Как избавиться от растительности? Вырвать ростки не удастся. Что еще можно сделать?

– Побрызгать гербицидом, – пробормотала Ди.

На ней росло что-то экзотическое, с красными и зелеными листьями, очень гармонизировавшее с ее темной кожей.

– У нас ничего нет, – сказала Одри. – Ничего, что можно было бы использовать против растений.

И тут заговорил Майкл. Тихо, но очень решительно:

– У нас есть огонь.

Дженни взглянула на свечу в бронзовом подсвечнике.

– Отпусти меня, – Майкл обращался к Ди. – Я никуда не денусь. Просто хочу посмотреть, можно ли вытащить свечку.

Ди убрала руки. Майкл попытался сделать шаг, но это ему не удалось. Он присел на корточки, опустив голову почти к самому полу. Дженни тоже наклонилась.

Его разутая нога пустила корни. Спутанные белые корешки росли из стопы и пронизывали ковер. Он едва смог оторвать ногу от пола на дюйм и слегка повернуть ее в сторону – только в таком положении корешки были видны.

Дженни опасалась нового приступа безумия. Но Одри быстро подошла к Майклу и крепко взяла его за руку, смяв несколько зеленых ростков на тыльной стороне ладони.

Майкла трясло, но он держал себя в руках.

– Достаньте свечку, – невнятно произнес он.

Ди легко вытянула свечу из подсвечника.

– Я сначала попробую на себе, – заявила она.

– Нет. На мне.

Ди покосилась на него темным глазом, затем кивнула. Слегка наклонив свечу, она поднесла ее к его руке. Лист медленно оплавился, превратившись в полумесяц, когда его коснулось пламя. Больше ничего не произошло.

– Попробуй корни.

Ди опустила свечу ниже, совсем близко к коже Майкла. Он инстинктивно дернулся, когда к нему приблизилось пламя, но Одри крепко держала его.

Растение начало съеживаться.

– Действует!

– Ты можешь терпеть? – спросила Ди.

– Я вытерплю все, что угодно, лишь бы избавиться от этого. Конечно, если меня будут должным образом подбадривать. – Он взглянул на Одри, которая продолжала сжимать его руку и бормотать утешительные слова.

Дженни улыбнулась. Нести всякий вздор и говорить комплименты, когда ты смертельно напуган, – это ли не проявление храбрости?

Ди продолжала бороться с корнями. Растения отваливались одно за другим все быстрее, съеживаясь от первого же прикосновения пламени. Майкл чуть не плакал от счастья.

– А... гм... ниже есть?

Ди неосторожно махнула свечой около спортивных брюк Майкла.

– Нет! И поосторожней, когда размахиваешь этой штукой. Я, между прочим, планирую в будущем стать отцом семейства!

– Смотрите, – тихо сказала Дженни.

Пятнышко мха на ее коже начало уменьшаться, пока наконец не исчезло совсем. То же самое происходило с Ди и Одри. Ноги Майкла освободились от корней.

Через минуту они уже смеялись, восхищаясь чистой, гладкой кожей, прикасаясь к ней, показывая ее друг другу. Как в последней сцене фильма «Бен Гур», вспомнила Дженни, когда две женщины чудесным образом излечиваются от проказы. Майкл натянул свитер и поцеловал Одри.

– У тебя на губах тоже росла плесень, – сказал он. – Я просто не хотел тебя расстраивать.

– Никакой плесени, Од, – шепнула Дженни на ухо Одри.

Одри снисходительно взглянула на Майкла.

– Значит, это твой кошмар и мы прошли его, – сказала Дженни. – И коридор был на этот раз вместо комнаты. Следовательно, если мы пройдем через ту же самую дверь...

Ди нажала на ручку, и дверь легко открылась. Они вышли в коридор, похожий на тот, в котором только что находились, если бы не два отличия: во-первых, все свечи были на месте, а во-вторых, на полу лежал листок бумаги.

На рисунке было изображено большое зеленое растение, напоминающее фикус, с ручками и ножками. Без головы.

– Брр... – поежилась Дженни.

– Это мой кошмар, – смущенно признался Майкл. – Превращение в растение. Ужасно глупо. По-моему, я в третьем классе прочел в какой-то книжке историю про девочку, которая не любила мыться и стала такой грязной, что на ней выросла редиска и другие овощи. Почему-то это меня поразило до глубины души. Вроде совершенно безобидная история, но я от нее чуть не свихнулся. Все время думал про девчонку, с ног до головы покрытую грязью и ботвой, и меня начинало тошнить.

– Меня и сейчас тошнит от твоего рассказа, – сказала Одри.

– А потом родители выдернули все эти овощи...

– Хватит, – скомандовала Ди.

– Короче, как я и говорил, совершенно дурацкий детский кошмар.

– Я бы не сказала, что он был дурацкий, скорее ужасный. И еще я думаю, что ты очень храбрый и находчивый, – заметила Дженни.

Майкл, широко распахнув глаза, в изумлении слушал комплименты и неуверенно улыбался.

Невидимые часы пробили час. На этот раз им вторило жуткое эхо.

«Скоро утро», – подумала Дженни.

– Нам пора, – сказала Ди, увидев, что Майкл зевает.

– Что-то не так... – начала Одри и тут же поняла, что изменилось в темном конце коридора, там, где раньше ничего не было.

Там появилась лестница.

Глава 10

Волнение охватило Дженни.

– Наконец-то мы сможем куда-нибудь попасть.

– И выберемся из мерзкого коридора, – добавила Ди.

– Напоминает переход на следующий уровень в компьютерной игре, – удивился Майкл.

Одри поджала губы.

– В таких играх есть одна неприятная особенность. Чем выше уровень, тем сложнее, – пояснила она, бросив на Дженни быстрый взгляд из-под темных ресниц.

Ступени лестницы покрывал резиновый коврик, совершенно истертый на сгибах. Верхней площадки отсюда видно не было, мешал свод коридора.

– Чего же мы ждем? – спросила Ди, вскочив на ступеньку.

В ту же секунду девушка схватилась за перила: стоило ей коснуться лестницы, как та пришла в движение, превратившись в дребезжащий, шаткий эскалатор.

– Боже мой, – вспомнил Майкл. – Совсем забыл, в детстве я страшно боялся эскалаторов. Мне всегда казалось, что мой шарф застрянет между ступеньками или случится еще что-нибудь...

– Ты сейчас без шарфа. – Одри подталкивала приятеля к лестнице.

– Майкл, если ты боишься, значит, эскалатор появился тут из-за тебя, – сказала Дженни, вставая на первую ступеньку. – Не забывай, все свои фокусы Джулиан выуживает из нашего подсознания.

Поднимаясь, Дженни заметила впереди зеркало. Наверху она помогла Майклу сойти с эскалатора, огляделась и поняла, что это не единственное зеркало на этаже. Зеркала были повсюду. Нижний коридор был темным – этот же представлял собой его полную противоположность.

Свет отражался от зеркал, установленных вдоль стен, перетекал радугой из одного в другое, и у Дженни так зарябило в глазах, что, даже зажмурившись, она продолжала видеть разноцветные полосы. Зеркальные стены коридора поворачивали под такими острыми углами, что взору открывалось всего несколько метров. Здесь нужно было двигаться то вправо, то влево, причем то, что находилось за следующим поворотом, как и то, что оставалось за только что пройденным, было невидимым.

– А это чья работа? – потребовала ответа Ди.

– У меня действительно такие ноги? Или это зеркала кривые? – остановившись, спросила Одри.

Майкл, глядя на свое отражение, расправлял мятый свитер, но вскоре оставил это бесполезное занятие.

Дженни нервничала. Голос Джулиана звучал в ее мозгу: *«Глаза как кипарис, а волосы словно янтарь...»* Сейчас из зеркала на нее смотрела девушка с раскрасневшимися щеками, с прилипшими ко лбу влажными прядями, в шелковой блузке и мятой юбке в пыли и пятнах.

– Направо или налево? Выбирайте, – скачала она, оглядывая коридор.

– Налево, – уверенно ответила Ди.

Никто не возражал. Зеркала угнетали Дженни. Со всех сторон на нее палилось собственное отражение, оно перебегало из зеркала в зеркало, множилось до бесконечности.

«Если остаться здесь надолго, не разберешь, где отражение, а где ты», – подумала она.

Как и первый коридор, этот тоже был создан словно по шаблону. Не отличишь одну его часть от другой! Неизвестность раздражала: что ждет за следующим поворотом, что скрылось за пройденным? Дженни вдруг вспомнила про Василиска и Вервольфа.

– Ди, помедленнее, – попросила она, когда подруга, сделав широкий шаг, в третий раз скрылась из виду.

Ди двигалась по коридору, как горнолыжник по трассе спуска, стремительно и резко поворачивая то влево, то вправо, в то время как остальные ощупывали зеркала руками, чтобы отличить реальность от отражения.

– Нет, ребята, это вы поторопитесь, – откликнулась Ди из-за поворота, и тут они увидели

вспышку.

Казалось, яркий свет на секунду вспыхнул повсюду одновременно, но Дженни была уверена, что источник его находится впереди. Они с Одри и Майклом на мгновение замерли, а потом устремились за поворот.

Ди, уперши руки в бока, стояла перед дверью. Она была зеркальной, как и стены, но Дженни сочла, что это дверь, потому что рядом с ней находилась красная кнопка, наподобие кнопки для вызова лифта. Если приглядеться, можно было заметить и тонкий контур двери, отделявший ее от остальной зеркальной поверхности.

Над красной кнопкой находилась синяя лампа, круглая, как клоунский нос.

– Она только что появилась, – сообщила Ди, щелкнув пальцами. – Вот так. Со вспышкой.

Из-за следующего поворота донеслись всхлипы.

– Саммер! – в один голос воскликнули Дженни, Ди и Одри.

Саммер сидела на полу съежившись, ее пушистые, как сахарная вата, волосы падали на руки, ноги она подобрала под подол синего платья. Подняв голову, девушка истерически вскрикнула при их появлении.

– Это правда вы?

– Да, – сказала Дженни, опускаясь возле нее на колени.

Ее слегка встревожило выражение глаз Саммер.

– Правда-правда вы?

– Да. – Обеспокоенная, Дженни обняла подругу и почувствовала, что та дрожит.

– Я так давно здесь, совсем одна, и все эти отражения... Иногда мне казалось, что я вижу не саму себя, а других людей, но стоило мне побежать к ним, как все исчезало.

– Кого ты видела? – спросила Дженни.

– Иногда – Зака, а иногда – его. Я боюсь. – Саммер спрятала лицо на груди Дженни.

«Я тоже», – подумала Дженни, но вслух сказала:

– Теперь тебе нечего бояться. Мы вместе. Понимаешь?

Саммер слабо улыбнулась.

– Бедный солнечный зайчик, – проговорил Майкл. – Боюсь, что сейчас у нас впереди твой ужас.

– Тактичный ты наш, – пробурчала Ди.

Они объяснили Саммер про кошмары. Как ни странно, она испугалась меньше, чем опасалась Дженни.

– Я согласна на все, лишь бы выбраться отсюда, – сказала она.

– Понимаю. Мы тут всего двадцать минут, а я уже от всей души ненавижу это место, – заявила Ди. – Может, это клаустрофобия?

У двери Дженни немного помедлила, положив палец на кнопку.

– Думаю, ты не захочешь рассказать нам, что нарисовала? – спросила она без особой надежды, ведь никто из остальных не согласился.

– Почему? – с готовностью откликнулась Саммер. – Я нарисовала неубранную комнату.

– Неубранную комнату? – удивился Майкл. – И правда кошмар!

– Да будет тебе, Саммер, – сказала Одри чуточку покровительственным тоном. – Всем будет проще, если ты признаешься.

Ди бросила на нее неодобрительный взгляд.

– Я же говорю. Это неприбранная комната.

– Все в порядке, Саммер, – улыбнулась Дженни. – Мы разберемся на месте.

Она нажала на красную кнопку. Зажглась синяя лампа, и дверь отъехала в сторону.

За ней открылась... неубранная комната.

– Ну вот, – вздохнула Саммер, увидев собственную спальню.

Сколько Дженни знала Саммер, у той в комнате всегда царил беспорядок. Ее родители были беженцами, приехавшими в город в шестидесятые годы, и все в их доме было подержанным или слегка потрепанным, а сама Саммер, как говорил Майкл, «виртуозно владела искусством захламления». Попадая в ее комнату, человек обычно не замечал ни самодельных в пятнах занавесок, ни яркого лоскутного одеяла на кровати, потому что на нем валялись всевозможные вещи.

В комнате, находившейся за зеркальной дверью, Дженни не смогла разглядеть не то что одеяло, но даже кровать. Свободным оказался лишь крохотный пятачок перед чуланом, а все остальное было завалено грудями хлама и мусора.

Ди и Майкл захихикали.

– Да, солнышко, я тебе верю, это и правда кошмар, – ухмыльнулась Ди.

Дженни вздохнула. Она не разделяла общего веселья.

– Ладно, нужно войти. Думаю, придется немного прибраться – дверь должна быть где-то в дальней стене.

– Эй, погодите. Я принципиально не занимаюсь неинтеллектуальной работой, – заволновался Майкл. – Кроме того, у меня аллергия на пыль.

– Вперед, – скомандовала Одри, потянув его за ухо.

Они протиснулись между чуланом и грудями всевозможного хлама. Дверь за ними бесшумно закрылась и исчезла.

– Кто говорил про клаустрофобию? – прошептал Майкл.

– *Cette chambre est une vrai pagaille*, – пробормотала Одри себе под нос.

– Что? – переспросила Дженни.

– Я говорю, жуткий беспорядок. Саммер, как ты такое терпишь?

Голубые, как делфтский фаянс,¹ глаза Саммер наполнились слезами:

– Моя настоящая комната не такая ужасная. Это же мой кошмар, дураки.

– Почему же ты выбрала именно его? – спросила Одри, ничуть не смягчившись.

– Мама никогда ничего не говорила мне по поводу комнаты, но однажды к нам в гости пришла моя бабушка и чуть в обморок не упала. Мне иногда даже в страшных снах снится то, как она меня тогда напугала.

– Перестань ее доводить, – шепнула Дженни, наклонившись к Одри. Вслух же сказала: – Давайте расчистим проход вдоль стен и проверим, нет ли там двери.

Кучи хлама отличались пестротой и разнообразием. Тут были кипы мятой одежды, прошлогодние журналы, сломанные солнечные очки, спутанные магнитофонные пленки, растянувшиеся эластичные купальники, стаканчики из-под йогурта, мятые фотографии, разрозненные сандалии, высохшие фломастеры, огрызки карандашей, перекрученные наушники, заплесневелые полотенца, несметное количество белья и целый зверинец грязных плюшевых игрушек. А еще – погрызенная собакой пластмассовая «летающая тарелка», сплюснутый коврик для игры в «Твистер» и жутко вонючий кокосовый матрас.

– Да тут целое паучье царство, – проворчала Ди, разворошив одну из куч. – Ты когда-нибудь слышала про такую штуку, как «Тайд»?

– Я верю в жизнь и даю жить другим, – философски изрекла Саммер.

«Это и вправду в некотором роде кошмар», – подумала Дженни.

Но Ди трудилась энергично, без усталости, и Одри работала, хоть и с брезгливой гримаской, но тщательно, и вскоре в завале обозначилась тропа. От Майкла же толку было мало – он останавливался полистать каждый попадавший ему в руки журнал.

В следующей куче оказался мусор иного рода – такой, что Одри невольно сморщила нос. Почерневшая кожура авокадо, заплесневелые газеты и пластиковые стаканчики с остатками неопознанных жидкостей.

Подняв коробку со всяким хламом, Дженни увидела под ней, на деревянном полу, что-то вроде раздавленного цветка. Впрочем, для цветка у него была слишком странная форма. Присмотревшись, Дженни разглядела небольшое рыльце и крохотные скрюченные лапки. А-а-а! Это была дохлая мышь.

Дженни вздрогнула.

«Я к ней не притронусь, не могу, не могу!»

Ди соскребла находку с пола календарем за тысяча девятьсот девяносто первый год и выбросила в чулан. Дженни внезапно почувствовала шепоток страха, смутную тревогу, примешивающуюся к отвращению, которое она ощутила при виде мыши.

¹ Делфт – город в Нидерландах, центр керамического производства.

Мусор становился все более мерзким, напоминающим содержимое свалки, но никак не то, что можно найти в спальне пусть даже самой неряшливой девчонки. Пища на всех стадиях разложения. Всевозможные виды отходов, отбросов, нечистот.

Никто больше не улыбался.

Ди подняла рваную пасхальную корзинку и остановилась. От нее исходил ужасный запах.

Ди поковырялась в искусственной траве своим длинным пальцем и вдруг содрогнулась. В корзинке копошился клубок омерзительных белых личинок.

– О боже! – одним броском Ди отправила корзинку в чулан, корзинка ударилась о дверь, и из нее высыпалось все содержимое.

Майкл с воплем отшвырнул журнал. Одри и Саммер вскрикнули.

Дженни ощутила быстрый ледяной укол страха.

– Саммер... а что именно говорила бабушка о твоей комнате? – спросила она.

– О... она сказала, что она зарастает... – Глаза Саммер тревожно расширились. – Она сказала, что в ней заведутся насекомые. Она сказала, что комната выглядит так, как будто произошло землетрясение. Что однажды я сама заблужусь в своей комнате и не найду дороги обратно.

Ди, внимательно наблюдавшая за Саммер, бросила беспокойный взгляд на Дженни.

– Ого! – воскликнула она.

Напряженность в комнате стала почти осязаемой.

– А что тебе потом снилось? – спросила Дженни, едва владея собственным голосом.

– О... – Саммер поежилась. – Ну... как будто я слышу, как кто-то скребется, а потом вижу тараканов... только больших, огромных. Как... как башмаки. А потом я вижу на полу эту гадость. Что-то вроде плесени или грибка, но у него есть рот, и он завывает. Завывающий грибок. – Губы у Саммер дрожали. – Может, это звучит не очень страшно, но я ничего в жизни так не боялась.

В мозгу Дженни промелькнуло неприятное предчувствие. Она переглянулась с Одри, Ди и Майклом.

– Звучит зловеще, – констатировала она. – Давайте поспешим с разборкой.

Майкл вытянул губы, как будто хотел свистнуть.

– Пожалуй, ты права, – пробормотал он, без прежних жалоб подключаясь к работе.

Чулан был уже полон, и им ничего больше не оставалось, как передвигать вещи с места на место, словно они прокладывали туннель. Мусор становился все более омерзительным. Большую часть его составляли вещи, к которым Дженни предпочла бы не прикасаться руками. Она подобрала две мятые футболки и надела их на руки вместо рукавиц.

И тут появились тараканы.

Сначала послышался шорох, тихий звук, напоминающий шелест платья из тафты. Дженни остолбенела, потом медленно повернулась на звук.

Прусак, плоский, коричневый. Только огромный, больше человеческой ступни. Он лениво выполз из вентиляционного отверстия в полу, непонятно как протиснувшись сквозь железную решетку. Его лапки постукивали по кучам макулатуры.

Саммер пронзительно завопила, указывая на него пальцем.

Между тем из вентиляции вылез еще один, за ним еще. Наставленный на них палец Саммер задрожал.

Дженни потянулась за стаканом с водой, чтобы привести Саммер в чувство, но тут же отдернула руку. Стакан был полон сверчков. Их усики слегка подрагивали.

Саммер тоже увидела их. Она безвольно уронила руку и замерла.

Мелкие тараканы побежали из пустой конфетной коробки, выползли из мятых бумажных чашечек.

Лицо Саммер побелело, под глазами появились синие круги.

Блестящие зеленые жуки размером с футбольный мяч карабкались по стенам. Их внешние хитиновые крылья выгибались, а оттуда, словно нижние юбки, свисали внутренние, перепончатые.

Саммер стояла неподвижно, как ледяная статуя.

Дженни подняла голову. С десятков коричневых ночных бабочек, каждая с небольшого

бумажного змея, прилепилось к потолку, распластав крылья в темных пятнышках.

– Ну давай же, Саммер, помогай! – отчаянным голосом позвала Одри, вороша груды мусора, откуда во все стороны брызнули потревоженные муравьи, словно широкие черные водопады.

Саммер стояла не шелохнувшись. Она глядела на гигантского жука, замерев, как кролик, выскочивший на дорогу и ослепленный фарами.

Пол затрясся под ногами Дженни.

Сначала она подумала, что он дрожит от падения очередной кучи хлама. Но тут же вспомнила: «Она сказала, что комната выглядит так, как будто произошло землетрясение...»

– Скорее! – крикнула она.

– Давай, давай! – вторила Ди.

Они принялись отгрести мусор от стены, отрывали потрескавшиеся, облупившиеся обои и в очередной раз убеждались в отсутствии двери. На мелкие кучки они уже не обращали внимания, перешагивая через них.

Земля снова задрожала.

Дженни подавила в глубине души беззвучный вопль ужаса.

– Быстрее, – она раскидывала руками мусор на своем пути, – быстрее, быстрее...

Мусорные кучи дрогнули от следующего толчка.

Все работали как сумасшедшие, даже Майкл. Только Саммер стояла неподвижно, страх приковал ее к месту.

– Дверь! – заорала Ди с вершины очередной груды.

Дженни вскинула голову. Надежда прибавила ей сил. Из-за вонючей кучи едва виднелся четырехугольник двери.

– Она открывается вовнутрь, – сказала Одри. – Придется сдвинуть всю кучу.

Перелезая друг через друга, они царапали и разрывали мусор. На ногу Дженни заполз таракан, она просто отшвырнула его. Некогда было визжать.

Комнату снова затрясло. Дженни подняла голову, и у нее перехватило дыхание. По потолку побежали зловеющие трещины.

В этот момент Ди и Майкл оттащили от двери остатки мусора.

Чуть не плача от счастья, Дженни помогла открыть ее.

Потом обернулась.

То, что она увидела, трудно было назвать комнатой. Это был ад. Из огромных трещин в полу вылезали жуки-мутанты. Потолок перекосялся, на пол сыпалась штукатурка.

Потревоженные бабочки разлетелись по всей комнате, их крылья хлопали с таким звуком, словно кто-то тасовал гигантские игральные карты. Повсюду появилась странная поросль, похожая на актинии. Она напоминала морские огурцы зеленовато-серого цвета.

Одри и Майкл уже выбрались в зеркальный коридор. Ди держала дверь. Пол снова содрогнулся.

– Саммер, скорее! – кричала Дженни.

Саммер посмотрела на нее невидящими голубыми глазами и сделала шаг по направлению к Дженни.

Один из отростков, торчавший у нее на пути, неожиданно распрямился. Он превратился в вертикальный столбик. На верхушке столбика появилась щель, она то расширялась, то закрывалась.

Вот щель широко распахнулась. Раздался отвратительный звук, от которого, казалось, может помутиться рассудок.

Это был вой.

Распрямилось еще несколько отростков. Жалобное завывание усилилось вдвое, втрое. Воющая поросль находилась между Саммер и дверью.

Саммер повернулась и с криком побежала к чулану.

– Саммер, нет! Вернись!

Пол снова трянуло. Обрушилось несколько куч, перекрывая расчищенный проход. Жуки-мутанты, обезумев, носились по комнате. Казалось, что они гонятся за Саммер. Отростки завывали.

Крики Саммер переросли в вопли.

– Саммер! – Дженни, ощутив выброс адреналина в кровь, бросилась к куче мусора и попыталась забраться на нее.

– Дженни, вернись! – закричала Ди.

С вершины кучи обрушился очередной слой хлама, и теперь Дженни вообще не видела Саммер. Крики становились все тише.

– Дженни, я не удержу дверь!

Крики стихли. Слышно было только завывание.

– Саммер!

Еще один резкий толчок.

– Сейчас обрушится! – заорала Ди, хватая Дженни и пытаясь подтащить ее к двери.

– Нет... нужно спасти Саммер!

– Мы не можем спасти всех! Скорее!

– Нет... Саммер! – кричала Дженни.

Тогда Ди, резко присев, обхватила Дженни за талию. Через секунду Дженни оказалась по другую сторону двери, перелетев над головой Ди.

Майкл и Одри схватили ее. Через открытую дверь они успели заметить, как рушится потолок. В последний момент Ди влетела в коридор и упала на пол рядом с ними. У Дженни не было сил встать.

Дверь захлопнулась, и слышно было, как изнутри комнату завалило мусором.

– Смотрите, – глухо проговорил Майкл.

Дверь исчезала.

Она просто медленно растворялась, как заставка в фильме. Сначала отчетливо видневшаяся, вот она уже слегка расплывается перед глазами, вот она уже почти прозрачна, чуть заметна... и, наконец, они оказались перед сплошной зеркальной стеной коридора.

Дженни смотрела на собственное отражение.

Рядом, в зеркале, были лица ее друзей. Белая, как фарфор, Одри. Ди с лицом серого цвета. Оцепеневший Майкл.

Ошеломленные, они сидели на ковре, прижавшись друг к другу.

Все произошло с такой ужасающей быстротой...

Дженни прошептала:

– Когда Ди переживала кошмар Одри, дверь не исчезала. Дверь оставалась на месте. Но сейчас...

– Боже, – шептала Ди.

Повисло долгое молчание. То, о чем думали все, первой произнесла Одри:

– Она погибла.

Дженни закрыла лицо руками. Раньше она думала, что только в романах, для красного словца, говорится, что герои закрывают лицо руками, но сейчас ей настолько хотелось спрятаться от всего мира, что этот жест получился у нее сам собой. Ей хотелось повернуть время назад.

– Это нечестно, – прошептала Дженни. – Она в жизни и мухи не обидела. – Она поднялась на ноги и закричала, наполняя эхом гулкий коридор: – Это нечестно. Нечестно, будь ты проклят! Она не заслужила такой смерти! Это нечестно!

– Дженни, Дженни, успокойся, Дженни, ну, пожалуйста, прошу тебя – хотя бы сядь, ладно?

Друзья пытались удержать ее. Дженни понимала, что не может совладать с собой. Ее всю трясло, горло саднило от крика.

Истерика закончилась так же внезапно, как началась. Дженни почувствовала, что падает.

Ей помогли сесть.

– Все нормально. – Ди погладила волосы Дженни.

В другой момент это удивило бы Дженни, но сейчас ей было все равно.

– Все нормально, мы понимаем, что ты испытываешь, – сказала Ди.

«Они не могут этого понять. Это моя вина, – думала Дженни. – Я втянула их в это. Если бы я поцеловала Джулиана в пещере Лесного Царя, Саммер была бы жива».

Словно насмехаясь над ней, невидимые часы пробили два. Но Дженни не могла шевельнуться.

Глава 11

– Почему их так долго нет? – спросила Ди.

Одри и Майкл отправились искать Зака, который, как они полагали, должен находиться где-то поблизости. А может быть, удалось бы найти воду, или одеяло, или хоть что-нибудь полезное – для Дженни.

Дженни было очень плохо. Она сидела, привалившись к наклонной зеркальной стене напротив того места, где раньше была дверь в комнату Саммер. Дверь исчезла, словно ее никогда не было, но Дженни все никак не могла покинуть это место.

Дженни страдала. Между накатывавшими провалами сознания, в минуты, когда она могла хоть о чем-то думать, она представляла себе Саммер. Саммер пришла к ним в четвертом классе, когда она, Том, Ди, Зак и Майкл уже подружились. Крохотная, неприспособленная к жизни, Саммер была словно создана для того, чтобы о ней заботились. А заботиться о ком-нибудь Дженни умела лучше всего на свете.

Но в этот раз... в этот раз она сплеховала. И Саммер погибла.

Дженни все никак не могла в это поверить. Ей казалось, что в любую секунду Саммер может выйти из зеркальной стены, голубоглазая, со спутанными локонами. В любую секунду...

Дженни подняла голову.

– Пойду поищу их, – сказала Ди. – Что-то их слишком долго нет, вдруг что случилось. Ты побудешь тут, ладно? Обещай, что никуда отсюда не уйдешь, – Ди произносила слова медленно и четко, как говорят с неразумным ребенком.

Не открывая глаз, Дженни слабо кивнула головой.

– Ладно, я мигом.

Мысли Дженни снова погрузились в прошлое. Вот Саммер влезает на дерево в летнем лагере, Саммер в Ньюпорт-Бич падает с доски для серфинга, Саммер в школе – грызет карандаш, Саммер смеется, Саммер удивляется, голубые глаза Саммер полны страха.

«В ней не было ни капли зла, – подумала Дженни. – Она была очень хорошей. А с хорошим человеком не может случиться такая ужасная вещь...»

Не может?

Даже сквозь опущенные веки она увидела вспышку.

«Саммер», – подумала она, открывая глаза.

Но в зеркале напротив было только ее собственное отражение – бледное нервное лицо, перепутанные волосы.

Наверное, источник вспышки – за поворотом. Но за каким? Поднявшись, Дженни посмотрела направо и налево, щурясь от слепящих отражений. Она даже не знала точно, в какую сторону ушла Ди.

Решившись, она двинулась направо, повернула за угол зеркальной стены.

Первое, что она увидела за поворотом, – десятки отражений от круглой синей лампы.

Дженни затаила дыхание. Синяя лампа горела, красная кнопка под ней была нажата. Рядом зиял темный прямоугольник – открытая дверь.

Забыв об осторожности, Дженни заглянула внутрь. Темно. Казалось, свет из коридора сюда не проникал.

Одри и Майкл тоже здесь? А Ди? А может быть, Саммер...

Кнопка щелкнула, дверь начала закрываться. У Дженни оставалась всего секунда на размышление: войти или остаться? Она шагнула вперед.

Дверь бесшумно закрылась. Дженни огляделась, пытаясь что-нибудь разобрать в полумраке. Она с трудом различила контуры полок, лампы, какой-то предмет на трех ножках. Она вдруг поняла, куда попала.

Когда глаза привыкли к темноте, она различила огромную фотографию на стене. На ней была запечатлена пирамида из столов, каждый из которых держался на пустой консервной банке, – чудо техники. Эта фотография была хорошо знакома Дженни. Она, Том и Ди целую

ночь так и эдак нагромождали эти столы, а Зак все время командовал: «Попробуйте еще раз». Одно из самых сильных впечатлений за весь второй год в средней школе.

Дженни находилась в гараже своего, кузена Зака, переоборудованном им в мастерскую. Она почувствовала себя как дома – вот только никого не было видно.

«Может, он в темной комнате», – подумала Дженни.

Она прошла по коридорчику, который Зак выстроил в форме буквы «L» – он называл его световой ловушкой – к маленькой комнатке. Отдернула висевшую на входе занавеску.

Там, освещенный красным светом, спиной к ней стоял человек во фланелевой рубашке, с небрежно затянутым конским хвостом на затылке.

– Зак! – Дженни бросилась к нему, но он даже не обернулся. – Зак, это я, Дженни. Зак... что ты делаешь?

Он слегка покачивал кювету с проявителем, в которой плавал снимок. Тело Зака было напряжено, но Дженни развернула его к себе силой. Даже при таком тусклом освещении она увидела его глаза – он был словно загипнотизированный. Тот же самый взгляд, который появился у него еще в доме Дженни, когда он настаивал на том, чтобы перевернуть очередную карту; тот же взгляд, который Дженни заметила в гостиной, когда все остальные потеряли самообладание.

– Зак, что с тобой? – воскликнула Дженни, протягивая к нему руку.

Она всю ночь беспокоилась о нем, она так хотела помочь ему, защитить. Но сейчас у нее больше не было сил. Ей самой отчаянно нужна была поддержка.

Он, похоже, едва заметил ее появление. Оттолкнув ее, он снова повернулся, чтобы встряхнуть кювету.

– Закари, сюда приходила Ди? Ты видел Одри или Майкла?

Его голос звучал медленно, словно ему трудно было говорить, но при этом сухо и монотонно:

– Я никого не видел. Я сидел там, снаружи, возле зеркал. Потом увидел вспышку блица. Я стал искать ее источник и обнаружил дверь. Нажал кнопку и вошел.

Блиц – конечно, именно так Зак и должен был воспринять вспышки в коридоре.

– Но что ты делаешь? – спросила Дженни.

– Тут все уже было для меня готово. Снимок лежал в проявителе. – Где-то сработал таймер, и Зак снова оттолкнул руку Дженни. – Пора его промыть.

Дженни болезненно заморгала, когда он включил свет.

Она наблюдала, как его осторожные, ловкие пальцы прополоскали фотографию, а затем наклеили мокрый снимок на стену. Зак отступил на шаг и, нахмурившись, принялся его рассматривать.

– Зак, я прошу тебя. Ты должен меня выслушать. – Оцепенение, в котором Дженни находилась после гибели Саммер, постепенно проходило. Зак был ее родственником, и он сейчас попал в беду. Дженни видела, каким бледным было его худощавое лицо. От ее внимания не ускользнул и странный, остановившийся взгляд его серых глаз. – Ты понимаешь, что это – твой страшный сон? Нельзя терять ни минуты, нужно найти выход из него. Зак!

Он снова оттолкнул ее.

– Я должен закончить работу. Я должен...

Дженни подросла как раз вовремя, не дав ему упасть. На этот раз он не оттолкнул ее. А наоборот, вцепился, как перепуганный ребенок.

– Все нормально. – Она крепко обхватила его руками, словно убаюкивая. – Все нормально, я здесь. Я же твоя сестра.

Через минуту он попытался подняться, но Дженни удержала его, положив его руку к себе на плечо. Ей нужно было утешение не меньше, чем ему, в жизни Заку часто приходилось быть для нее поддержкой. До того как их семьи перебрались в Калифорнию, они с Заком жили неподалеку. Вместе играли в индейцев в вишневом саду за домами. Это было задолго до того, как Зак предпочел занятия фотографией общению и когда в его глазах поселилось вечно холодное выражение.

Зак, похоже, думал о том же самом.

– Как в детстве! – Он издал короткий звук, который, видимо, обозначал смех.

– Помнишь, ты весь испачкался, когда лез на дерево, и мы помыли тебя из шланга, чтобы тетя Лил не разозлилась? – сказала Дженни Она тоже рассмеялась, уткнувшись в плечо Зака. Приглушенный смех прозвучал как всхлипывание. – О, Зак, как я рада, что нашла тебя.

– Я тоже. – Он вздохнул. – Честно говоря, я тут весьма странно себя чувствовал.

– Все просто ужасно, – сказала Дженни, и ее голос задрожал. – Было так страшно, а потом...

Она не могла заставить себя упомянуть Саммер. Слова застревали в горле.

«Как в детстве, только теперь не обойтись поливальным шлангом и пластырем», – подумала Дженни.

Ей просто хотелось держаться за Зака. Как можно крепче. Они без слов поддерживали друг друга. Он гладил ее волосы, и его прикосновения успокаивали Дженни. Она чувствовала, как сила, уверенность перетекают от Зака к ней.

А еще она ощутила удивительное тепло. Это было странно, ведь Зак всегда был довольно холоден. Но сейчас он ласкал ее так, словно она была маленьким ребенком, которого нужно утешить.

Или – словно он был не ее двоюродным братом, а ее парнем.

Дженни прогнала эту мысль. Просто Зак добрый. Он хочет ей помочь – и помогает. Она почувствовала себя значительно лучше, ощутив его близость, его привязанность. Его... нежность. Поддержку. Заботу. Защиту.

Он поцеловал ее в шею так нежно, что не спугнул ощущение полной защищенности.

«Зак такой милый», – подумала Дженни.

Она всегда любила его, и ей приятно было осознавать, что и он ее любит.

Когда он во второй раз поцеловал ее, по ее телу неожиданно пробежала дрожь.

Нет... она не должна испытывать такие чувства... не с Заком. Он не должен... он правда не должен... Но что-то не давало ей отодвинуться от него и избавиться от появившегося необыкновенного ощущения.

Его теплые губы прижимались сзади к ее шее. Волна наслаждения пробежала по телу Дженни, настолько сильная, что она уже не могла не обращать на нее внимания. Она понимала – она твердо знала, – что не должна испытывать таких чувств. Ее руки поднялись, чтобы отстранить его.

– Зак, – прошептала она, – мне кажется, мы оба... немного расстроены...

– Знаю, – сказал Зак с горечью, словно это причиняло ему боль. – Прости меня... я... – Он выпрямился, немного ослабив объятие, но вдруг снова поцеловал ее, на этот раз в волосы.

Она почувствовала движение его губ и его теплое дыхание.

– Закари, так нельзя. Ты мой брат.

Проблема была в том, что, хотя слова она выбрала решительные, ее голос им не соответствовал. Она едва могла дышать. И она не отодвинулась.

– Сводный двоюродный, – ответил он. Так оно и было, хотя Дженни редко об этом вспоминала. Ее мама и мама Зака были сводными сестрами. – И я ничего не могу с собой поделаться. Ничего. – Поцелуи стали более торопливыми.

Его настойчивость вызвала в сознании Дженни какую-то новую мысль.

«Есть что-то еще», – думала она, сама не понимая до конца, что имеет в виду.

Потом она прошептала:

– Но Том... – И ужаснулась.

Она ни разу не думала про Тома с тех пор... с тех пор, как...

Ей не удавалось вспомнить.

Зак сказал, что Том тут ни при чем.

– Он недостойн тебя, – выдохнул он прямо ей в ухо. – Он недостаточно любит тебя. Я всегда боялся сказать тебе об этом, но это правда.

Несмотря на худобу Зака, мышцы у него были крепкие. Дженни пыталась протестовать, но слова застряли у нее в горле.

– Ты тоже не любишь его. Ты же не собираешься быть с ним всю жизнь, – тихий, убеждающий голос Зака лился ей в уши.

Он взглянул на нее. Казалось, свет струится из его лица, серые глаза были сейчас

светло-голубыми.

– Ты не можешь бороться с этим, Дженни, – прошептал он. – Знаешь, что не можешь.

Дженни закрыла глаза и подняла к нему лицо. Он поцеловал ее, и у Дженни закружилась голова.

Ее губы таяли под его натиском, Дженни чувствовала, что падает в его объятия. Такие нежные поцелуи... никогда еще ее не целовали так трепетно. Мысли ее путались. Она отрывалась от земли, она летела. Она утопала в его нежности, плыла.

Она слушалась одних только чувств. Она ответила на его поцелуй так, как никогда не целовала Тома. Ее пальцы коснулись его волос, должно быть, выбившихся из конского хвоста. Она трогала и трогала их. Они оказались очень мягкими, гораздо мягче, чем она ожидала. Почему-то она всегда думала, что у Зака жесткие волосы, а эти были такими мягкими... как шелк, как кошачий мех...

Дженни услышала собственный визг и поняла, поняла, уже вырываясь и отскакивая назад. Она все поняла.

Глаза Джулиана под темными ресницами сияли, как сапфиры. Полуприкрытые тяжелыми веками, они сейчас были темны от страсти. На нем была клетчатая рубашка, такая же, как у Зака, потертые джинсы, точь-в-точь, как джинсы Зака, точно такие же кроссовки, какие носил Зак. Но такая ленивая, беззаботная грация никогда не была присуща движениям Зака. Волосы Джулиана светились, как песок в лунном свете.

Дженни вытерла рот тыльной стороной ладони. Бессмысленный, запоздалый жест. Она была настолько потрясена, что даже не могла сердиться.

«Я знала? Знала в глубине души, до того как он меня поцеловал, или пока он меня целовал, но до того, как я оттолкнула его, могла ли я осознавать?..»

Она все еще не могла прийти в себя.

– Но откуда ты знала?.. – прошептала она. – Ты вел себя, как Зак, ты говорил о том, что знает только Зак...

– Я наблюдал за ним, – сказал Джулиан. – Я наблюдал за тобой. Я – Сумеречный Человек, Дженни, и я люблю тебя.

Тихий голос завораживал, и Дженни почувствовала, что начинает таять от его звуков.

И тут она вспомнила о Саммер.

Ярость, жаркая и беспощадная, нахлынула на нее, придав ей сил. Она глянула в голубые глаза Джулиана. Снисхождение, которое она иногда испытывала к нему, исчезло. Сейчас она ненавидела его. Не сказав ни слова, она повернулась и выбежала из темной комнаты.

Он последовал за ней, включая по дороге свет. Разумеется, он знал, о чем она думает.

– Саммер согласилась, – сказал он. – Как и все остальные, она по доброй воле согласилась играть.

– Она же не знала, что игра реальна!

Он процитировал строчку из правил: *«Я предупреждаю, что игра реальна...»*

– Ты можешь говорить все, что угодно, Джулиан. Но ты убил ее.

– Я к ней и пальцем не притронулся. Собственный страх убил ее. Она не смогла вынести встречи со своим кошмаром.

Дженни знала, что спорить бессмысленно, но ничего не могла с собой поделать.

– Это несправедливо! – с яростью воскликнула она.

Он покачал головой, удивленно глядя на нее.

– Жизнь вообще несправедливая штука, Дженни. Ты еще этого не поняла?

Гнев полностью завладел Дженни.

– А кто дал тебе право так играть с нами? Почему ты считаешь себя вправе судить нас?

– Я не нуждаюсь в правах. Послушай меня, Дженни. Законы всех миров – всех девяти – жестоки. Никого в этих мирах не беспокоит судьба отдельного человека, нет никаких прав. Не существует абсолютного добра. Всем правит закон джунглей. Право не нужно тому, у кого есть сила.

– Я не верю тебе.

– Ты не веришь, что мир жесток? – На скамье лежала газета, он поднял ее. – Вот, взгляни и попробуй доказать, что зло проигрывает, а добро побеждает. Докажи мне, что в твоем мире не

действует закон джунглей.

Дженни даже не взглянула на заголовки. Она и так многое повидала в жизни.

– Жизнь, – сверкнул Джулиан улыбкой, – имеет и зубы, и когти. А раз так, разве не лучше быть в этом мире охотником, а не жертвой?

Дженни покачала головой. Она не могла не признать справедливость его слов – по крайней мере в том, что касалось жестокости мира. Но сердце у нее болезненно сжалось.

– Я предлагаю тебе выбор, – проговорил Джулиан. Лицо его стало суровым. – Я уже говорил, что, если мне не удастся убедить тебя, я тебя заставлю – любым способом. Если ты не согласишься, мне придется показать тебе свою силу. Я устал от игры, Дженни. Пора принять решение.

– Решение давно принято. Я никогда не буду твоей. Я ненавижу тебя.

Злоба вспыхнула в глазах Джулиана языками синего пламени.

– Ты понимаешь, – усмехнулся он, – что произошедшее с Саммер может случиться и с тобой?

Дженни словно окатило холодом.

– Да, – медленно произнесла она. – Я понимаю.

Да, теперь она наконец поняла. Может быть, она не до конца осознавала это раньше. Не могла поверить, что Джулиан на это способен, или, по крайней мере, думала, что на нее это не распространяется. Смерть – удел взрослых, а не ее ровесников. Ужасные вещи – по-настоящему ужасные – никогда не случаются с хорошими людьми.

Но она ошибалась.

Теперь она понимала это, ощущала сердцем. Иногда самое страшное, что только можно представить, происходит и с теми, кто этого не заслужил. С Саммер. С ней самой.

Дженни чувствовала себя так, словно ей открылся величайший секрет, словно она вступила в некое всемирное общество.

В общество горя.

Теперь она – одна из посвященных. Как ни странно, это успокоило ее. Ее утешала мысль о том, что она не одинока, что на свете много людей, у которых умирали друзья или родители, людей, которых постигло несчастье.

«Нас много, – думала она, не замечая, что плачет. – Мы повсюду. И мы не станем превращаться в охотников, чтобы отомстить за наши страдания другим людям. Никто не станет. Ни один из нас».

Эба ведь выдержала. Дженни неожиданно вспомнила, что бабушка Ди потеряла мужа – его убили расисты. А еще – что Эба написала у себя в ванной на зеркале – сделанная от руки надпись казалась неуместной рядом со стеклом, мрамором, золоченой рамой:

Не причиняй вреда.

Помогай, если можешь.

Отвечай добром на зло.

Дженни никогда не спрашивала Эбу про эту надпись. Да она и не требовала разъяснений.

Внезапно Дженни почувствовала поддержку «общества горя». Как будто все его члены молча выражали ей свою симпатию. Все то, о чем жутко было даже подумать, могло произойти сейчас с самой Дженни. И она это понимала.

– Ты прав, – произнесла Дженни. – Возможно, жизнь действительно такова. Но это не значит, что я сдаюсь. По собственной воле я никогда не стану твоей, так что можешь попробовать применить силу.

– Попробую, – откликнулся он.

Началось все очень просто. Дженни услышала тихое жужжание, и на ее рукав села пчела.

Обычная пчела, тускло-золотистого цвета. Она цеплялась своими крохотными лапками за блузку. Но затем жужжание повторилось, и вторая пчела опустилась на другой рукав.

Опять жужжание, и еще, еще...

Дженни терпеть не могла пчел. На пикниках она первая начинала визжать:

– Посмотрите, нет ли ее у меня в волосах!

Ей хотелось прогнать пчел, но было страшно спровоцировать их.

Она бросила взгляд на Джулиана. На его удивительные сапфировые глаза и красивое лицо. Сейчас, когда на нем была неброская одежда Зака, его красота казалась совершенно неземной, пугающей.

Снова жужжание, и очередная пчела запуталась у нее в волосах, трепеща крылышками и цепляясь все крепче.

Дженни улыбнулась.

Тут она обратила внимание на громкий звенящий звук и повернулась, чтобы посмотреть, откуда он исходит. Целый рой пчел собрался под крышей гаража, зависнув в воздухе.

Дженни отступила назад и услышала предупреждающее ж-ж-ж-ж-ж. Рой переместился, перестроился, превратившись в темное облако.

Пчелы устремились к ней.

Дженни взглянула на Джулиана, и тут пчелы обрушились на нее градом. Они цеплялись за руки, плечи, садились на грудь. Ей пришлось широко раскинуть руки, чтобы не задавить ни одной из них. Дженни знала, что стоит придавить пчелу – и та ужалит.

Это было кошмарно, нереально.

Пчелы покрывали ее тело тяжелым шевелящимся одеялом. Слишком тяжелым. Дженни пошатнулась. Ей пришлось зажмуриться, потому что из волос пчелы переползали на лицо. Они сидели на ней в несколько слоев, цеплялись друг за друга, они были повсюду. Свободными оставались лишь кончики пальцев да малая часть лица. Она чувствовала, как их лапки касаются ее щек. Дженни хотела закричать, но кричать было нельзя, ведь если она закричит... если закричит...

Они заползут ей в рот. И тогда точно ужалят. Но ей не удавалось свободно дышать носом, грудь сдавило под тяжестью. Ей придется открыть рот.

Она почти беззвучно вскрикнула, стараясь не двигаться, чтобы не потревожить пчел. До нее донесся голос Джулиана:

– Всего одно слово, Дженни.

Она могла только чуть-чуть покачать головой. Минимум движений. Дженни бесшумно всхлипывала, боясь пошевелиться. Но не сдавалась. Не сдавалась. Не сдавалась...

«Можешь сделать со мной все, что хочешь», – думала она.

Она хваталась за сознание, как за последнюю ниточку, но и та ускользала из пальцев.

Ей казалось, что она вот-вот упадет в обморок. Не сдаваться!

«Когда я коснусь пола, я раздавлю их, – промелькнуло в голове Дженни. – Они обезумеют и ужалят все разом, и тогда я умру».

Но она не сказала ни слова.

Темнота нахлынула на нее, и она поняла, что падает.

Глава 12

Дженни несло по течению в сером полумраке, и, словно сквозь сон, она услышала: часы пробили три.

«Пора вставать, – подумала Дженни, но вставать не хотелось. Она провалилась в дрему еще на несколько минут. – Нет, пора вставать. Это будильник. Пора в школу... или еще куда-то... Нужно идти к Заку».

Зак.

Дженни очнулась.

Она лежала на холодном полу в гараже своего двоюродного брата, но по крайней мере вокруг не было пчел. Она осмотрела свои руки и голые щиколотки. Ни одного укуса. Джулиан все-таки этого не допустил.

Но она осталась в гараже, где нет ни единой двери. В темной комнате вместо выхода – занавеска. Все прочие входы – и ворота для машины, и тот, что вел из гаража в дом, – попросту отсутствовали, на их месте были голые стены.

Дженни понятия не имела, что делать. Было уже три часа ночи, и она очень устала.

Она взглянула в тот угол мастерской, где Зак занимался фотографией. Его фотоаппарат

стоял на тренажерке. Софит был повернут в сторону. Задник представлял собой огромный лист черной бумаги без единой склейки, почти двухметровой ширины. Зак частенько подбрасывал в воздух на фоне черного задника какой-нибудь белый порошок или крупу и делал снимок. Получалось нечто похожее на Млечный Путь – белые точки в бездонном черном небе. Странные, футуристические снимки – Зак одно время ими очень увлекался.

Но на этом заднике была нарисована дверь.

Дверная ручка торчала из бумаги.

«Выход, – подумала Дженни, подходя поближе, но абсолютной уверенности в этом у нее не было. Почему-то при виде черно-белой двери по всему телу побежали мурашки. – А разве у меня есть выбор?» – подумала она.

Дженни повернула ручку. Дверь распахнулась.

Она шагнула вперед и оказалась подвешенной среди звезд. Дверь позади нее захлопнулась, но девушка этого даже не заметила. Небо нависало над головой низко, как потолок. Оно было черным, со сверкающими точками звезд на нем. Под ногами расстилалась бархатистая черная равнина, которой не было конца.

Ощущение окружавшей ее бесконечности было ужасным. Оно напомнило ей сон, который она когда-то видела: бесконечная земля и очень низкое твердое небо. Может быть, и Заку снилось что-то в том же духе? Может, это и есть его кошмар?

Единственными маяками в бесконечной, равномерной тьме были лампы – софиты, вроде тех, которыми пользовался Зак. Вокруг них то там, то тут виднелись небольшие островки света – белого или цветного.

Дженни повернулась, пытаясь сориентироваться в пространстве, и затаила дыхание. Дверь по-прежнему находилась позади нее. Она не исчезла. Можно было выйти.

Но если это – кошмар Зака, он должен быть где-то поблизости. Нельзя уходить, не попытавшись отыскать его.

Помедлив еще несколько мгновений, Дженни направилась к ближайшей лампе – неоновой, окрашивавшей островок в розовый цвет. Не так-то просто было решиться отойти от спасительной двери, и, пока она шла, старалась не спускать глаз с островка света перед собой. Бархатистая поверхность под ногами была абсолютно гладкой, без единой морщинки. Дженни в своих туфлях без каблуков могла проехать по ней, как на коньках.

Подойдя поближе, она увидела, что на софите установлен розовый фильтр, точь-в-точь такой же был у Зака. Он раздобыл фильтры в театре, сняв с вышедших из строя светильников. Сейчас этот софит освещал практически ту же сцену, что на одном из снимков Зака, – силуэт ярко-розового койота в траве. Причудливый снимок был сделан в сложной технике. Дженни он всегда нравился. Но сейчас койот, стоящий под розовым светильником, почему-то нервировал Дженни.

«Словно ждет фотографа», – подумала Дженни.

Сцена оставляла впечатление вечного ожидания.

Она поспешила к следующей лампе, белой, находившейся примерно в десятке метров от первой. Впрочем, в таких условиях трудно было правильно определить расстояние.

Эта лампа освещала стену, одиноко стоящую, с выбитыми окнами. Ее украшали серебристые пятнышки и полосы. Зак как-то раз отправился в подлежащий сносу квартал в Зума-Бич и расписал там стену, а потом сфотографировал ее. Полиция заявила, что это вандализм, но Зак утверждал, что искусство.

Дженни оглядела стену с обеих сторон. Стена тоже нервировала ее... Здесь было чересчур тихо.

Стоило ей так подумать, как тут же послышался слабый лязгающий звук.

Свет розовой лампы мигнул – словно кто-то пробежал мимо. Не шелохнувшись, Дженни вглядывалась в темноту. Никаких движений. И никаких звуков.

«Просто разыгравшееся воображение», – сказала она себе, но это прозвучало не слишком убедительно.

То и дело оборачиваясь, Дженни поспешила к следующей лампе.

У этой фильтр был оранжевого цвета. Несколько лет назад Зак увлекся фотографированием через разные цветные фильтры подброшенной в воздух горсти питьевой

сода. Только тут сода висела в воздухе, – легкое облачко, подсвеченное оранжевым прожектором, – висела сама по себе. Можно было различить отдельные крупинки, они мерцали и покачивались.

«Боже, выведи меня отсюда!»

Она попятилась и направилась к следующему островку.

Когда она подошла ближе, сердце подпрыгнуло у нее в груди. Дженни побежала вперед. Там стояли рядом две синие лампы, и под одной из них был Зак.

Дженни уже открыла рот, чтобы окликнуть его, но в последнюю секунду остановилась. А что, если это не Зак? Один раз она уже попала в ловушку.

Она осторожно приблизилась, молча разглядывая человеческую фигуру.

Та же рубашка, такая же футболка. Те же джинсы. Такие же волосы завязаны в такой же конский хвост.

Он держал камень размером с кулак над куском холста, расписанным серебряными полосками. Клал камень на ткань, внимательно на него смотрел, потом снова поднимал. Вот он снова положил его, практически на прежнее место.

– Я собираюсь назвать это «Камень на воде», – пояснил он, поднимая голову. – Потому что на самом деле камни не плавают.

– Зак, – позвала Дженни.

Она опустила на колени и положила руку ему на плечо. Взгляд его серых глаз был отстраненным и потухшим, почти как у того, другого. Но было в нем что-то такое, что Дженни безошибочно определила: перед ней ее брат.

Снова послышался непонятный тихий звук. Дженни быстро оглянулась – белая лампа на секунду погасла и снова зажглась.

– Зак, нужно спешить. – Она сжала его плечо. – Я потом тебе все объясню, но тут что-то происходит, и нам нужно поскорее добраться до двери.

Зак улыбнулся отсутствующей улыбкой, не глядя ей в глаза.

– Я знаю, что тут происходит, – сказал он. – Это не имеет никакого значения. Это одна из моих галлюцинаций.

– Ты имеешь в виду твой кошмар?

– Можно назвать и так. – Он снова поднял камень, немного переместил его и принялся разглядывать. – Я всегда знал, что это должно произойти.

Дженни была поражена до глубины души.

– Ты знал, что нас похитит Сумеречный Человек?

– Знал, что я сойду с ума. – Еще чуть-чуть поправив камень, он продолжал: – Вообще-то «похищен Сумеречным Человеком» тоже очень интересная формулировка. Очень образно. Действительно, что это, если не сумасшествие?

У Дженни округлились глаза. Она схватила кузена за плечи.

– Закари, ты не сумасшедший! – воскликнула она. – Значит, в этом было все дело? Поэтому ты вел себя так странно? Ты решил, что сошел с ума?

– Рассудок, похищенный Сумеречным Человеком, – произнес он. – Рано или поздно это должно было случиться. Это у меня наследственное.

– Ради бога, Зак! – Она не могла понять, о чем он толкует.

Оранжевая лампа, ближайшая к ним, мигнула.

– Не беспокойся, – сказал Зак. – Ты ведь тоже часть моей галлюцинации. По-настоящему больно не будет.

– Что не будет по-настоящему больно?

Зак глядел на камень на холсте.

– Все дело в измерениях, видишь? Холст двухмерный, а...

В один из синих софитов попала стрела, расколов его на мельчайшие осколки.

«Стрела арбалета», – в ужасе поняла Дженни.

Она ее сразу узнала, потому что отец Зака три года подряд участвовал в состязаниях по стрельбе из арбалета. Стрелы для арбалета куда более смертоносны, чем обычные, а эта была целиком металлической и выглядела весьма устрашающе.

Зак сметал стекло с холста.

– Зак, вставай! – с неистовой силой воскликнула Дженни.

Еще одна стрела поразила другой синий прожектор. Дженни отскочила, чтобы в нее не попали осколки. Зак заслонил собой камень.

– Зак, послушай! Это не галлюцинация, это по-настоящему, и смерть тут тоже настоящая! Можешь взять камень с собой, если хочешь, но нужно немедленно спастись – немедленно! – Голос Дженни сорвался на истерический крик.

До него наконец стало доходить. В тусклом свете звезд Дженни увидела, что он поднялся на ноги, по-прежнему не выпуская камня из рук, и сделал несколько шагов в том направлении, в котором тянула его Дженни.

«Оранжевый прожектор, – вспоминала Дженни. – Оранжевый, потом белый, потом розовый. Дверь где-то там».

Оранжевая лампа разлетелась вдребезги, едва они приблизились к ней.

– Зак, кто за нами гонится? Нет, не останавливайся, идем! – Задыхаясь, Дженни тянула его за локоть.

Он обернулся, бросив назад задумчивый взгляд. Казалось, он совершенно не напуган.

– Я, – ответил он.

Они добрались до одиноко стоящей стены, освещенной белым прожектором. Под ее прикрытием Дженни почувствовала себя в некоторой безопасности. Она в изумлении глядела на кузена:

– Ты?

– Я. Это моя галлюцинация – я гонюсь за самим собой. Охочусь на самого себя.

– О, Зак, – с отчаянием произнесла Дженни. – Зак, это не галлюцинация. С каждым из нас уже так было – мы же все здесь: Ди, и Майкл, и Том, и Одри, и я. И Саммер тоже была с нами, но ее кошмар убил ее, потому что она не смогла оказать сопротивления. Поэтому ты должен бороться, иначе... – В глазах Дженни стояли слезы.

Зак часто-часто заморгал:

– Мы все здесь? Это по-настоящему?

– Все по-настоящему. Это все правда – и игра, и Сумеречный Человек, и все остальное! Все это не только в твоём сознании. Я тоже чуть не свихнулась, но ты должен бороться.

Зак снова моргнул, потом выглянул во тьму в разбитое окно в стене.

– Если это не бред... – тихо проговорил он. Голос его стал увереннее: – Если это не бред, тогда кто это?

Дженни сделала шаг вперед и выглянула из-за стены. На самой границе тьмы и падавшего из окна света стоял... человек. Его арбалет выглядел не менее фантастически, чем он сам.

«Киберпанк», – подумала Дженни.

На нем были черные доспехи, плотно прилегающие к худощавому телу. Нормальной у него была только одна рука, а вторая, обвитая проводами, поблескивала металлом. На бедре висело что-то вроде бластера.

Шлем с зеркальным забралом полностью скрывал лицо.

Дженни снова юркнула за стену.

– Он ужасен, – прошептала она.

– Я представлял его себе как темную часть себя самого. Как того меня, который разрушает мой мозг, – объяснил Зак.

Стрела угодила прямо в окно – Дженни почувствовала движение воздуха, когда она просвистела мимо – и разбила белый прожектор.

– Скорее!

На этот раз Зака не пришлось даже тянуть за руку.

Киберохотник оказался у розового прожектора раньше них.

Это было невозможно, но он уже стоял там. Они ясно различали его темный силуэт на фоне розового пятна света.

– Сюда! Нужно добраться до двери!

Дженни резко поменяла направление, чтобы обойти освещенный круг под прожектором. Зак следовал за ней. Но когда они приблизились к месту, где должна была быть дверь, ее там не оказалось.

– Она исчезла! – Дженни обернулась – в розовом свете прожектора лицом к ним стоял киберохотник.

«Черт, но что мы можем с ним сделать? – соображала Дженни. – Убить? Запустить в него камнем? Вряд ли».

Но одно она усвоила четко – все кошмары были... честными. Всегда оставался какой-то шанс, какой-то выход, даже когда казалось, что надеяться не на что. Она полагала, что Джулиану это кажется вполне отвечающим духу игры.

«Так что же можно сделать с киберохотником? Как Зак должен встретиться лицом к лицу со своим кошмаром?»

– Зак, – торопливо проговорила она, – ты же никогда не видел его лица? Ты не можешь быть уверен, что он твой двойник?

– Нет, я просто так его представлял. Он что-то вроде персонажей с моих снимков в стиле хайтек. Он пришел за мной.

«Да, он похож на всякие киберпанковые штуки, которые я видела», – мрачно подумала Дженни и сказала:

– Если бы ты мог посмотреть на него... Например, если бы ты сорвал с него шлем... – Она почувствовала, что Зак в ужасе отшатнулся, и закрыла глаза, внезапно ощутив сильную усталость. – Значит, скорее всего, именно это ты и должен сделать. Это твой страх, и ты должен встретиться с ним лицом к лицу. Я пойду с тобой.

Это был риск. Кто бы ни скрывался под шлемом, сам Джулиан или одно из созданий Сумеречного мира, вроде темных эльфов или пришельцев, он вполне мог выглядеть двойником Зака.

– Зак, боюсь, тебе придется это сделать – или мы навсегда останемся здесь. Даже если это твой двойник, ты должен понять, что он – это не ты.

– Но если он – это я... Если на самом деле ты мне кажешься, и все это мои галлюцинации...

– Тогда я просто исчезну или что-нибудь в этом духе, – попыталась улыбнуться Дженни. – И тогда ты точно будешь знать, что сошел с ума. Все, что я могу тебе сказать: Саммер побоялась встретиться со своим кошмаром лицом к лицу и погибла.

Зак молчал, глядя на нее, но в темноте Дженни не могла различить выражение его лица.

– Пошли, – вымолвил он наконец, направляясь к прожектору.

Сердце Дженни по мере приближения колотилось все чаще и чаще. Киберохотник с легкостью мог выстрелить в них в любую минуту.

Но он этого не сделал. Он стоял неподвижно, как восковая фигура из музея «Мувиленд». Ростом он был точь-в-точь как Зак.

Зак остановился в нескольких метрах от него.

Кровь застучала в ушах Дженни.

Киберохотник шевельнул арбалетом. Розовые блики пробежали по его черным доспехам. В зеркальной маске отражалось лицо Зака.

– Давай, Зак, – прошептала Дженни. – Сними с него шлем. Скажи ему, что он – не ты, какое бы обличье он ни принял.

В глубине души Дженни совсем не испытывала той уверенности, которую она пыталась внушить брату. Чье лицо окажется там, под шлемом? Зака? Джулиана? Или, может, какого-нибудь жуткого андроида, робота-убийцы? Что, если он застрелит Зака, прежде чем тот сорвет с него шлем? Что, если...

Киберохотник ждал.

Неожиданно Зак протянул вперед руку и дернул за переднюю часть шлема, срывая зеркальную маску.

Под ней не было ничего.

Ни лица, ни головы. Дженни, готовая к чему угодно, кроме этого, невольно вскрикнула. Пустые черные доспехи киберохотника упали, сверху с лязгом свалился арбалет.

Рядом с розовым прожектором появилась дверь.

Зак разглядывал пустые доспехи, пиная ногой отвалившуюся механическую руку. Дженни вздохнула с облегчением. Все оказалось на удивление просто – но тут она перевела взгляд на

своего кузена. Основную проверку должен был выдержать его разум.

– Я по-прежнему здесь, Зак, – прошептала она. – Правда? Правда?

Он повернулся и взглянул на нее, его волосы были окружены розовым сиянием. Он вымученно улыбнулся.

– Правда, – согласился он.

Странный остекленевший взгляд исчез. Зак снова стал самим собой. Дженни видела, как возвращается прежнее выражение его глаз. На нее волной нахлынуло облегчение.

Зак бросил зеркальную маску на грудь черных доспехов.

– Камень я возьму с собой. Пожалуй, я действительно хочу сделать такой снимок.

Они открыли дверь и вышли в зеркальный коридор.

Листок с рисунком Зака валялся на полу. Дженни подняла его и нахмурилась, пытаясь понять, что на нем изображено. Она смутно различила что-то вроде профиля с большим носом, а позади него – фантастическую мешанину из разноцветных черточек и мазков.

– Мысли в моей голове, – пояснил Зак.

Он взял у нее листочек и порвал его. Цветные обрывки посыпались на пол, как конфетти.

– Зак... а почему ты решил, что безумие в нашей семье наследственное?

Он только плечами пожал. Остальные, когда все было уже позади, охотно объясняли свои кошмары, но Дженни не удивило, что Зак не захотел этого сделать. Он хотел сохранить тайну.

Невидимые часы пробили четыре.

– Ненавижу это место, – заявил Зак, глядя на собственное отражение. – Оно мне напоминает комнату смеха в парке аттракционов, куда мы ходили в детстве.

– Значит, из-за тебя оно тут и появилось, – вздохнула Дженни.

Сама она ничего не помнила про комнату смеха – она многого не помнила о своем детстве, особенно о периоде до переезда в Калифорнию. Вернее, не хотела вспоминать.

Неприятное предчувствие сжало ей сердце. Щеки почему-то горели. Теперь, когда опасность миновала, когда Зак снова стал самим собой, она понимала, что ее отношение к нему переменилось. В этом был виноват Джулиан. Дженни отлично знала, что кузен никогда не рассматривал ее как романтический объект, но ей не удавалось забыть о том, что произошло в темной комнате. Каждый раз, глядя на Зака, она вспоминала, как его серые глаза потемнели от страсти.

«Рано или поздно забудется, – успокаивала она себя. – Сотрется. Конечно, если Зак об этом не узнает».

Вслух же сказала:

– Нужно найти остальных. Ди, Одри и Майкл бродят где-то неподалеку. Думаю, – помедлила она, – думаю, лучше разделиться. Вот только, боюсь, потом будет трудно найти друг друга. Кажется, что коридор простирается только в двух направлениях, но здесь ничему нельзя верить.

– Погоди-ка, – Зак вытащил из кармана два мелка. – Я взял их с собой, потому что мне показалось, что эти цвета подойдут для снимка. Выбирай: серо-голубой или красный? Будем отмечать наш путь.

Дженни выбрала голубой и провела жирный штрих на ближайшем зеркале.

– Отлично, – сказала она. – Я пойду в эту сторону, ты – в ту. Кто найдет остальных, приведет их на это место.

– На место, где встречаются два цвета, – сказал Зак и, прочертив линию, постепенно стал удаляться от Дженни.

Завернув за первый же угол, он исчез из ее поля зрения.

Ни тебе «спасибо», ни «до свидания»! Тем лучше, так она скорее забудет то, что произошло в темной комнате. Зак снова стал самим собой, все было в порядке.

Дженни пошла в выбранном направлении, оставляя на зеркале голубую линию.

Зеркальный коридор казался бесконечным и был абсолютно пуст. Он все продолжался и продолжался.

Пока, к великому изумлению Дженни, вдруг не закончился.

В конце оказалась глухая серая цементная стена. Ни зеркала, ни синей лампы, ни красной

кнопки.

Дженни испугалась.

На полу у стены валялся листок бумаги.

Дженни медленно подошла поближе. Появление листка испугало ее. Ди, Одри, Майкл, Саммер и Зак уже прошли через свои кошмары. Том, по словам Джулиана, был на самом верху.

Оставался ее кошмар.

Она подняла листок и перевернула его. Дженни узнала абстрактную загогулину, которую нарисовала по краям. Середина листка была пустой.

Она уставилась на цементную стену.

– Помощь не нужна? – раздался позади нее голос Джулиана.

Дженни смяла листок и обернулась.

Он стоял, облокотившись о зеркало, одетый в черные облегающие доспехи. Правда, без шлема. Зато в копне его белых волос появилась алая прядь, а на скуле – синий треугольный знак. Как будто нарисованный с помощью трафарета.

«Опять киберпанк, – подумала Дженни. – Бодиарт в стиле хайтек. Заку бы понравилось – а впрочем, может быть, и нет».

Дженни взглянула прямо в странные синие глаза, прищуренные, как у кота. После того как Джулиан напустил на нее пчел, все перевернулось. У Дженни в душе появилась новая уверенность – он может сделать с ней все что угодно, даже убить ее, но не сломить.

– Так это ты стрелял в нас, – сказала она.

– Я полагаю, это был отец Зака. Думаю, у него комплекс – суровый старомодный папаша и современный сын, к тому же человек искусства. Но с другой стороны, я – охотник. – Он откинул со лба красную прядь и улыбнулся.

– Зачем ты пришел? – спросила Дженни. – Мне нужно кое о чем подумать.

– Я всегда рад помочь тебе. Я многое о тебе знаю. Я же столько лет наблюдаю за тобой. Час за часом, день за днем.

Дженни похолодела. Он и раньше о чем-то таком говорил, но она толком не слушала. Или, во всяком случае, не воспринимала это буквально. Но сейчас, глядя на него, она поняла: он имеет в виду именно то, о чем говорит.

Ничего более страшного она не слышала никогда в жизни.

Он наблюдал за ней часами? Сколько же раз она ошибочно считала, что она одна?

Это было грубым вмешательством в ее личную жизнь.

– Я влюблен в тебя, – просто сказал он. – И я считаю, что все, что ты делаешь, – изумительно.

– Ты...

– Не стоит смущаться. Я думаю иначе, чем ты. Мне все равно, причесана ты или растрепана, покрашена или нет. Кроме того, – улыбнулся он, – разве ты не знала, что я рядом?

– Конечно же нет!

«Но я знала это», – вдруг осознала Дженни.

В глубине души она часто ощущала, что за ней наблюдают. Она просто думала, что у всех людей бывает такое чувство.

Она нередко просыпалась среди ночи в полной уверенности, что какая-то высокая тень стоит рядом с ней в темноте. Обычно в этих случаях она боялась пошевелиться, с трудом переводила дыхание. Иногда она даже видела эту тень, темный силуэт на более светлом фоне, и смотрела, не в силах оторваться, пока не начинали болеть глаза.

Если она пыталась ударить странную тень или включала свет, тень исчезала, но Дженни все равно продолжала задыхаться от страха.

Комната, ярко освещенная посреди ночи, казалась ей ненатуральной, какой-то чужой, не такой, как днем. Далеко не сразу решалась она снова выключить свет.

И где-то в дальнем уголке пряталась уверенность, что все это ей не привиделось. Это не сон. Ее глаза были открыты, когда она видела тень над собой, и неважно, что все это звучало глупо и что в такой темноте вообще ничего нельзя было разглядеть. Она все равно видела: тень рядом.

Только Дженни всегда считала, что такое случается с каждым.

– Ненавижу тебя, – прошептала она.

– А я-то думал, что тебе сейчас потребуется моя помощь, – он кивнул на цементную стену. – Это твой кошмар, Дженни. Интересно, как ты собираешься в него войти? А если ты в него не сможешь войти, как же ты пройдешь через него?

«Он хочет, чтобы я запаниковала, – сказала Дженни самой себе. – Хочет испугать меня, заставить попросить у него помощи».

Но ей не нужна его помощь. Она отвергает ее.

Неожиданно она улыбнулась и почувствовала, что улыбка получилась кривой. Дженни показала Джулиану голубой мелок.

– Я смогу войти, – сказала она, разглаживая смятый листок.

Его веки дрогнули от изумления, а голос прозвучал почти нежно:

– Но ты же ничего не помнишь... Не знаешь, что нужно нарисовать. Ты все эти годы пыталась забыть...

– Я помню достаточно, – перебила его Дженни. Интересно, что он может знать о ее страшном сне, о ее кошмаре, от которого она так долго пыталась избавиться? У нее возникло неприятное предчувствие, что скоро она получит ответ на этот вопрос. – Я знаю, с чего он начинается. Он начинается с подвала дедушкиного дома, и мне пять лет.

Она приложила листок к зеркалу и начала рисовать.

Глава 13

На зеркале мелок оставлял голубой след, а на бумаге линии оказались серыми.

Дженни не была художницей, но несложные картинки у нее получались неплохо. Вот квадрат – это комната в подвале дедушкиного дома. Ступеньки, идущие к верхнему краю листа, – из подвала в дом. Письменный стол у стены. Диванчик. Три или четыре больших книжных шкафа.

Больше ей ничего не удалось вспомнить. Оставалось только надеяться, что этого хватит.

Бросив взгляд через плечо, она обнаружила, что Джулиан исчез, и обрадовалась.

Она положила рисунок на пол перед стеной.

Вспышка, резкая, как фотографический блиц, на мгновение ослепила ее, и перед глазами заплясали яркие точки.

«Прав был Зак», – подумала она.

Когда она снова смогла видеть, перед ней оказалось зеркало.

Сработало!

Дженни ощущала не только как колотится в груди сердце, но и как пульсирует кровь в запястьях и под подбородком, на шее.

«Боже, помоги мне не убежать отсюда».

Она столько лет старалась забыть, а теперь ей предстояло снова пережить все это. Должно быть, это будет ужасно.

Она нажала красную кнопку. Зажглась синяя лампа. Зеркальная дверь отъехала в сторону.

Дженни не позволила себе осторожно заглянуть внутрь, а сразу шагнула через порог.

Солнечный свет проникал в комнату через маленькие окошки под потолком. К великому изумлению Дженни, ее охватило чувство чего-то очень привычного, знакомого.

«Я помню эти окошки, я помню...»

Дверь закрылась за ней, но Дженни уже вышла на середину комнаты, изумленно осматриваясь, узнавая цвета и предметы.

«Она меньше, чем мне казалось, и сильнее захлавлена, – думала Дженни. – Но, вне всякого сомнения, это дедушкин дом».

Дедушки, однако, в комнате не было.

«Правильно, так все и было в тот день. Я помню. Я сама вошла в дом и отправилась искать его, но нигде не могла найти. Тогда... тогда я спустилась сюда – да, думаю, так. Должно быть, спустилась. Не помню, как я это сделала, но, очевидно, спустилась».

Дженни повернулась к ступенькам, упиравшимся прямо в стену. Конечно, никакой двери там не было, это же был ее кошмар. Была лишь стена, чистая, как ее память, – приятное чувство

узнавания больше не возвращалось. Дженни не имела ни малейшего понятия, что произошло потом.

Она смотрела и смотрела, и вдруг на верхней ступеньке ей примерещился призрак ребенка. Маленькая девочка в шортиках, со спутанными волосами и ссадиной на коленке.

Она сама. Пятилетняя девочка.

Это было похоже на кино. Дженни видела, как шлепают ее сандалии, когда она спускается вниз по лестнице. Как беззвучно шевелятся губы ребенка – она зовет дедушку. Видела, как девочка остановилась, не решаясь идти дальше.

Дженни просто смотрела, не пытаясь управлять происходящим. Призрачное кино продолжалось.

Малышка огляделась, зеленые глаза широко распахнулись, когда она поняла, что, кроме нее, тут никого нет, – такого раньше с ней не случалось!

Все верно. Дверь в эту комнату всегда была закрыта, если дедушки не было, – но в тот день оказалось иначе. Дженни могла даже припомнить смесь страха и восторга, которую она ощутила, понимая, что делает нечто запретное, находясь там, где ей нельзя быть. Но она никак не могла вспомнить, что случилось потом.

«И не пытайся вспомнить. Ты слишком много усилий прилагаешь, напрягая память. Расслабься и просто смотри, что произойдет».

Стоило ей принять такое решение, как маленький призрак появился опять. Девочка стояла, покачиваясь на носочках, раздумывая, остаться ей или уйти.

Она осталась. Малышка огляделась вокруг с деланным равнодушием, потом, пожевав нижнюю губку и приняв самый невинный вид, отправилась напрямик к ближайшему книжному шкафу.

«Правильно, – подумала Дженни. – Посмотрим, что в шкафу».

Она пошла следом за девочкой.

Девочка от нечего делать провела грязным пальцем по корешкам книг – слишком сложных, конечно, чтобы она смогла их читать. Наверное, она не понимала даже названий. Но шестнадцатилетняя Дженни понимала.

Некоторые были довольно обычными, скажем, «Фауст» Гете или книга под названием «НЛО: новые факты». Но другие книги были ей абсолютно незнакомы, например, «Каббала» и «Оккультная философия».

Юная исследовательница тем временем перешла ко второму книжному шкафу, в котором находились самые разнообразные предметы. Одна полка целиком была отведена под маленькие деревянные коробочки со стеклянными крышками, наполненные чем-то вроде специй.

«Нет, скорее – трав, – подумала Дженни. – Высушенные травы».

Девочка восхищенно прикоснулась пальчиком к каким-то разноцветным стеклянным шарам на шнурках. Шестнадцатилетнюю Дженни больше заинтересовал стоящий рядом с ними странный крест, увенчанный кольцом, – она была уверена, что это анк. Отец Саммер как-то рассказывал, что анк – египетский символ жизни, приносящий удачу.

А вот этот кристалл, переплетенный нитями, – скорее всего, мексиканский глаз Бога. Он оберегает человека от злых сил. Мать Дженни когда-то повесила такой в кухне в качестве украшения.

А для чего этот кобальтовый браслет или вот эти бусы из бирюзовых шариков, чередующихся с миниатюрными серебряными вставками? А иконы в золотых окладах? А завернутая в мех деревянная флейта?

«Может, они нужны для защиты?» – подумала Дженни.

Она не могла точно сказать, как пришла ей в голову такая идея, но чем дольше она смотрела на предметы в шкафу, тем крепче становилась ее уверенность в правильности догадки.

Но... а как же остальные предметы? Дженни еще раз медленно оглядела комнату. Неужели все эти диковинные, экзотические вещицы – защитные амулеты?

Кому может понадобиться такая необычная защита? И зачем?

Девочка трогала большой серебряный колокол в шкафу, но внимание Дженни привлекли буквы на стене. «Фиванский алфавит», – было написано над одной группой странных

символов. Алфавит волхвов. Тайный этрусский алфавит. Еврейский алфавит с числовыми соответствиями букв. Кроме того, на стене висела страшная гравюра, изображавшая скелет, держащий ворона на костлявой руке.

Девочка направилась к письменному столу. Приблизившись, она оперлась на сукожную поверхность столешницы. Прямо сквозь прозрачную русую головку Дженни видела лежащие на столе бумаги.

Множество бумаг. Для пятилетней Дженни они представляли интерес только как предметы, к которым ей запрещалось прикасаться. Но знание собственного непослушания доставляло ей удовольствие.

Но Дженни шестнадцатилетняя могла прочесть их. Один документ содержал алфавит, подобный тем, что были написаны на стене. Над ним была малопонятная надпись: «*Старший футарк*», но Дженни сразу узнала наклонные угловатые символы. Руны.

Как те, которые она видела на роге для вина у немецких парней в лесу. Как тот знак, который был изображен на внутренней стороне крышки от белой коробки. Рядом с каждым символом твердым дедушкиным почерком было выведено его название и краткое примечание.

«Уруз, – прочла Дженни. – Для проникновения через завесу между мирами. – Она узнала перевернутую «U» с направленными вниз рожками разной длины. – Райдо. – Она выглядела как буква «R», только начертанная без единой плавной линии. – Для путешествия во времени. Дагаз. – Руна напоминала лежащие на боку песочные часы. – Для пробуждения».

Одна из рун была обведена.

«Наутиз, – прочла Дженни. Эта руна выглядела как наклонившаяся влево буква «X», у которой одна палочка длиннее другой. – Чтобы удержать».

Последнее слово было жирно подчеркнуто.

Дженни еще раз медленно обвела взглядом комнату. О господи!

Пришло время взглянуть правде в глаза. Она все время была в шаге от верной догадки, но сейчас ее пронзила абсолютная уверенность. Больше невозможно это отрицать.

О господи, он был магом!

Отец ее матери был магом!

«Не думай об этом... не вспоминай, – шептал ей внутренний голос. – Никто не вправе заставить тебя вспоминать. Побереги свой рассудок».

Потому что она чувствовала: дальше случится что-то страшное.

Она должна вспомнить – ради Тома. Но образ Тома ускользал от нее. Столько всего произошло с того вечера, когда она видела его в последний раз. Неужели это было всего несколько часов назад? Она так изменилась с тех пор. Дженни попыталась представить себе его развязную улыбку, зеленовато-карие глаза, но получившийся портрет напоминал скорее старую размытую фотографию. Человека, которого она знала когда-то давно.

«Боже мой, я не могу вспомнить даже свои чувства к нему!»

У Дженни задрожали руки, в желудке образовалась неприятная пустота.

«Все равно нужно вспомнить. Ради Ди. Ради Зака. Ради Одри и Майкла – и Саммер. Да. Ради Саммер».

Друзья лицом к лицу встретились со своими кошмарами. Даже Саммер пыталась. В голове Дженни пронеслись обрывки свежих воспоминаний: Ди, бьющаяся, как перепуганный зверек; стонущая Одри, скорчившаяся на полу; вопящий Майкл; посиневшие губы Саммер; сверкающие серые глаза Зака. Все они ощущали смертельный страх. Неужели кошмар Дженни может оказаться еще страшнее?

«Может», – прошептал внутренний голос, но Дженни не стала его слушать.

В ее мозгу не звучало больше «не вспоминай», теперь она повторяла про себя: «Вспомни, вспомни...»

– Надеюсь, это поможет, – сказала она вслух довольно спокойно и, чувствуя себя идущей навстречу собственной судьбе, взяла со стола переплетенный в кожу том.

Это оказалось нечто вроде дневника. Скорее даже лабораторный журнал с записями результатов каких-то экспериментов. Крупный дедушкин почерк местами был довольно неразборчив, однако некоторые фразы читались легко.

«...Из всех методик разнообразных культур эта представляется безопаснейшей... руна

Ид, или Наутиз, обеспечивает непреходящее ограничение, предотвращая перемещение в любом направлении... Руна должна быть вырезана, а затем окрашена кровью, надление ее силой происходит при произнесении ее названия вслух...»

Дженни перевернула несколько страниц и прочла более позднюю запись: *«...интереснейший трактат о джиннах, или, как называет их парод хауза, алджуннах. Затрудняюсь предположить, почему многие люди считают их неотъемлемым атрибутом бутылок... Убежден, что подготовленная мною зона вполне пригодна для выделения столь значительной энергии...»*

«Бог мой, он пишет, как ученый! Как сумасшедший ученый», – думала Дженни.

Она принялась листать дальше.

«...Наконец-то мне удалось добиться правильного действия удерживающей руны! Необыкновенная удача... надежный способ... ни малейшего риска... укрощенные мною огромные силы... полная безопасность...»

Ближе к концу в дневнике обнаружился вложенный вместо закладки листок. Он был рваный, пожелтевший и хрупкий. Выглядел он очень старым. Почерк на нем был совсем другой – тонкий и нетвердый, и часть надписи была скрыта под ржаво-коричневыми пятнами.

Это оказалось стихотворение. Заглавия не было, но вверху было нацарапано имя автора: *«Иоганнес Экхарт» и дата «1941».*

Бреду меж острых скал, через висячий мостик,
Туда, где вечна тьма и яростный древний свет.
Там ждут на дне они, тревожа мертвых кости,
И знают лишь они на мой вопрос ответ.
Я в Черный лес стремлюсь, где Царь Лесной поможет
Мне истину открыть, назвав расплаты час.
Как много их, глупцов, кто мнил себе, что сможет
Ту цену заплатить – их больше нет среди нас.
И все же мне пора. Не я избрал дорогу
В извечную игру...

Остальные строчки были все в темных пятнах, за исключением двух последних:

И, покидая тех, кто вечно ждет на дне,
Я слышу, как они смеются в спину мне.

Дженни перевела дух.

Очевидно, стихотворение настолько впечатлило дедушку, что он хранил его сорок лет. Она знала, что он воевал во Вторую мировую и побывал в немецком лагере для военнопленных. Может, там он и встретил этого Иоганнеса Экхарта. И тот заставил его задуматься...

Теперь у нее были в руках все кусочки головоломки. Но ей совсем не хотелось складывать ее. Она думала только о том, каким должен быть ее следующий шаг. Последний шаг.

Девочка исчезла, никто больше не показывал Дженни призрачное кино. Но оно больше и не было ей нужно. Дженни почувствовала, как к ней возвращаются настоящие воспоминания. Теперь она знала, что должна делать.

Она подошла к третьему шкафу.

Массивный, сделанный из красного дерева, он всегда стоял на одном и том же месте, возле стола. А сейчас он был сдвинут и повернут под углом к стене. Пыльный четырехугольник ясно указывал, где он стоял прежде.

За шкафом была дверь.

Дженни не сразу ее заметила, потому что ее загораживал шкаф и нужно было фактически заглянуть за него, чтобы ее разглядеть.

Вот, значит, что она должна сделать!

Дверь была самая обыкновенная. За ней вполне мог оказаться чулан. Единственное, что было в ней странным, – глубоко вырезанная на ее поверхности руна «*Наутиз*».

Вырезана и окрашена в ржаво-коричневый цвет, как пятна на листке со стихотворением.

Призрачное кино началось снова, хотя Дженни в этом и не нуждалась.

Маленькая девочка в изумлении стояла перед дверью, переминаясь с ноги на ногу. Очевидно, соблазн боролся в ней с послушанием – и победил. Она откинула назад перепутанные волосы, взялась за дверную ручку, мелькнули загорелые коленки – и призрак исчез.

«И тогда я открыла ее», – подумала Дженни.

Но никаких воспоминаний ни о том, как она это сделала, ни о том, что оказалось внутри, не появилось. Ей предстояло самой выяснить, что скрывается за дверью.

Сердце сильно билось, словно не одобряя ее затеи. Тело, казалось, было более здравомыслящим, чем его хозяйка.

«Не надо, не надо», – стучал пульс.

Дженни взялась за дверную ручку. Внутренний голос перешел на крик: «Не надо! Нет... нет... нет...»

Она распахнула дверь.

Лед и сумрак.

Вот все, что она увидела. Если это и был чулан, то широкий и необычайно глубокий, и в нем кружилась в вихре странная черно-белая мешанина. Стены покрывал иней, с потолка, как чудовищные зубы, свешивались сосульки. Ледяной порыв ветра налетел на Дженни, насквозь пронизывая ее холодом, словно она с размаху погрузилась в воды Ледовитого океана. Кончики пальцев онемели, тело бил озноб.

Было так холодно, что, казалось, останавливается дыхание. Она словно примерзла к месту. Лед слепил глаза.

Лишь на мгновение она успела заметить, что было в самом центре черно-белого вихря.

Глаза.

Темные, внимательные глаза – злобные, жестокие, насмешливые. Древние глаза. Дженни узнала их. Это были те же глаза, что иногда мерещились ей в момент засыпания или пробуждения. Те же, что она видела ночью в своем комнате.

Глаза в сумраке. Злые, коварные, хитрые.

Среди них была пара синих, невероятно красивых.

Дженни не хватало дыхания, чтобы закричать, ее легкие просто не желали впускать ледяной воздух, который она пыталась вдохнуть. Но ей необходимо было закричать – необходимо было сделать хоть что-нибудь, потому что они приближались. Глаза приближались.

Это выглядело так, словно они летели к ней откуда-то издалека, принесенные бурей. Нельзя не двигаться, она должна бежать! Блестящие черные глаза пришельцев, раскосые глаза темных эльфов когда-то казались ей страшными, но это пустяки по сравнению с этими глазами. То были всего лишь слабые подобию. Все ужасы, выдуманные людьми, чтобы пощекотать собственные нервы, даже отдаленно не походили на происходящее. Вампиры, вурдалаки, инопланетяне, оборотни – все это мелочи, сказки, придуманные, чтобы поглубже запрятать истинный страх.

Ужас, глядящий сейчас на нее из тьмы, был когда-то знаком каждому человеку, но люди позабыли о нем. Изредка, пробуждаясь ночью между снами, человек ощущал его в полной мере. Но он редко запоминал его, а если и запоминал – то лишь до следующего утра. Такое знание не выживает при свете дня. Но ночью люди иногда улавливали отголосок истины. Они не одни в этом мире.

Люди делят этот мир с ними.

С Другими.

С Наблюдателями.

С Охотниками.

С Сумеречными людьми.

Они легко перемещались по миру людей, но у них был и свой собственный мир. В разные века их называли по-разному, но суть их оставалась прежней.

Иногда они бывали благосклонны. Но их благосклонность всегда обходилась людям

дорого, обычно дороже, чем люди могли себе позволить.

Они любили головоломки, загадки, игры. Но доверять им было опасно, они были вероломны. То добро, которое они приносили в мир, уравнивалось причудливым, подчиняющимся только их собственным капризам злом.

Они охотились на людей. Если люди внезапно теряли представление о времени – это было их рук дело. Если люди исчезали – они смеялись. Люди, попадавшие в их мир, редко возвращались.

Они обладали силой. Все попытки взглянуть на них – или заманить их в ловушку – всегда оканчивались плохо. Даже излишнее любопытство в отношении них могло стоить человеку жизни.

И еще: они были необыкновенно красивы.

Все это в какие-то доли секунды пронеслось в сознании Дженни. Ей не нужны были никакие аргументы. Она просто знала. С ее памяти словно спала пелена, и правда открылась ей как единое, логичное целое.

«Вот, значит, как. Да, теперь я могу вспомнить».

Глаза надвигались на нее. Ее распущенные волосы трепетали на ветру, покрываясь инеем от ее собственного дыхания. Она не могла пошевелиться.

– Дженни!

Страшный голос выкрикнул ее имя. Прежде чем Дженни успела обернуться, кто-то обхватил ее за талию и поднял – легко, словно ей было пять лет и она весила семнадцать килограммов.

– Дедушка! – выдохнула Дженни, обнимая старика за шею.

Он показался ей ниже ростом, чем она помнила, а на его усталом милом лице сейчас застыла гримаса ужаса. Дженни цеплялась за него, а он тащил ее назад, толкая в сторону книжного шкафа.

– Наутиз! Наутиз! – кричал он.

Он пытался закрыть дверь, тыча пальцами в руну на ней. Все более резкими движениями он обводил руну, и голос его звучал в ушах Дженни кошмарным эхом:

– Наутиз!

Дверь не закрывалась. Крики старика звучали как вопли отчаяния. За дверью вспыхнул яркий белый свет. Надвигался смерч, бешено крутящий длинные пряди белого тумана. Полосы тумана уже вращались вокруг старика.

Дженни пыталась закричать, но не смогла.

Налетел порыв ветра, раздувая редкие дедушкины волосы. Дженни видела, как полощется на ветру его одежда. Потолок покрылся инеем, иней побежал по стенам, добрался до окон. На стенах выросли ледяные кристаллы.

Слезы замерзали в глазах у Дженни. Похоже, она была заключена в тело испуганного пятилетнего ребенка. Она не могла заставить себя сделать шаг к деду.

Голоса, доносившиеся из тумана, были холодны, как ветер. Они зазвучали ледяными колокольчиками.

– Мы не можем уйти просто так...

– Ты знаешь правила...

– У нас есть право...

В дедушкином голосе звучало отчаянье:

– Что угодно. Возьмите все, что угодно.

– Она разбила руну...

– ...выпустила нас...

– ...мы хотим ее.

– Отдай ее нам, – прозвучал хор голосов.

– Я не могу! – простонал дедушка.

– Тогда мы возьмем ее...

– Мы закружим ее...

– Нет, давайте сохраним ей жизнь, – произнес голос, полный нежной музыки, звучащей как льющая на камень вода. – Я хочу ее.

– Мы все хотим ее...

– ...мы алчем.

– Нет, – сказал дедушка.

Голос, похожий на трескающийся лед, произнес:

– Изменить способ расплаты можно единственным способом. Нужна замена.

У старика задвигались желваки на скулах. Он отшатнулся от двери.

– Это значит...

– Жизнь за жизнь.

– Кто-то должен занять ее место.

– Это честная сделка.

Голоса звучали негромко, рассудительно. Злобно. Но голос, звучащий как льющая вода, возразил им:

– Я хочу ее...

– Ах, молодость, – пробормотал медлительный, как ледник, голос, и остальные засмеялись – словно зазвенели новогодние колокольчики.

– Я готов, – сказал дедушка.

– Нет! – кричала Дженни.

Наконец-то ей удалось сдвинуться с места, но было уже поздно. Теперь она вспомнила все. В тот раз она съехала на полу за шкафом, пожалуй лучше постигая реальность Сумеречных людей умом пятилетнего ребенка, чем мог осознать ее взрослый человек. Это были страшные монстры, даже ребенок мог это понять. Привидения. Жуткие твари. И они хотели забрать ее дедушку.

В тот раз она вскочила и бросилась бежать, и сейчас тоже. Она бежала к чулану. Туда, где белые пряди тумана кружили вокруг старика, туда, где в ледяном вихре сверкали глаза. В тот день она слышала дедушкины крики, когда смерч затягивал его в чулан. Она бросилась к нему, хватая за руку. Она тоже кричала – как кричала сейчас, – и вокруг нее завывал ледяной ветер и злобные алчущие голоса.

Несколько секунд – и тогда, и теперь – пыталась она тягаться с этой неведомой силой. Она, Дженни, изо всех сил тянула дедушку за руку. Ледяной вихрь тащил его к себе, в глубины чулана, ставшего бесконечным, словно туннель в иной мир.

Ей было не на что надеяться – разумеется, она не могла остановить их. Ее протащило по полу, одежда на ней порвалась, туфли свалились, голые ноги царапал лед.

Их обоих засасывало в чулан.

И тогда дедушка оттолкнул ее.

Выдирая свою ладонь, царапаясь, он разорвал сцепление их рук. Дженни упала на ледяной пол. Она лежала прямо перед дверью в чулан и бессильно наблюдала, как визжащий, бешено вращающийся волчок, который только что был человеком, исчезает в белом облаке, становясь все меньше и меньше, уносясь прочь. Наконец облако исчезло совсем, перед ней была голая стена чулана.

Завывания ветра смолкли, и всхлипывающая Дженни осталась одна на полу в тишине пустой комнаты.

Глава 14

– Дженни? – нерешительно прозвучал голос Ди. – Дженни, ты как?

«Какой странный сон мне приснился», – подумала Дженни, но, едва отняв голову от ладоней, она поняла, что это был не сон.

Она сидела на полу дедушкиной комнаты в луже холодной воды. Ди, Одри, Зак и Майкл стояли в соседней луже и смотрели на нее.

– Я встретил их в коридоре, – сказал Зак.

– Мы провалились в шахту, – объяснил Майкл. – В полу перед нами неожиданно открылась дыра, и мы провалились аж на первый этаж.

– Это было круто, – добавила Ди. – Я тоже провалилась, и нам потом пришлось снова подниматься наверх.

– Мы шли по следу твоего мелка, он обрывался у двери, – закончил Зак. – Мы нажали кнопку и...

– И дверь открылась, – решительно подхватила Одри. – Но, похоже, здесь уже что-то произошло.

– Мой кошмар, – рассеянно сказала Дженни.

С великим трудом ее сознание возвращалось из прошлого в настоящее. Она все еще чувствовала себя пятилетним ребенком, а вовсе не шестнадцатилетней девушкой, к которой сейчас обращались друзья. Ди, Майкл и Одри казались ей незнакомцами.

Но не Зак, потому что он был рядом, когда ей было пять лет.

Зак, похоже, понял ее состояние. Он опустился на колени подле нее, не обращая внимания на то, что джинсы тут же промокли.

– Что случилось? – спросил он.

– Я не смогла, – бесцветным голосом проговорила Дженни, чувствуя странную апатию, отрешенность от всего. – Не справилась. Я не смогла его спасти. Я проиграла.

– Это было что-то связанное с дедушкой Эвенсоном, да?

– Что ты про это знаешь?

Зак колебался, но, взглянув Дженни в лицо, заговорил:

– Я знаю только то, что мне рассказывали родители. Они сказали, что в тот день он... ну, сошел с ума. Он хотел... хотел что-то с тобой сделать.

Дженни больше не ощущала апатии.

– Что?

– Тебя нашли в подвале, на тебе была разорвана одежда, руки расцарапаны. Ноги в крови...

– Это лед, – прошептала Дженни. – Меня протащило по льду. И он расцарапал мне руки, когда хотел, чтобы я его отпустила. Они его забрали. Он позволил им забрать себя вместо меня.

Неожиданно она снова разрыдалась. Гибкая, твердая рука обняла ее. Ди. Шорох и прохладное прикосновение к запястью. Одри, наплевавшая на свой великолепный наряд. Неуклюжая лапа на плече. Майкл. Все они собрались вокруг нее, все пытались помочь.

– Ты прошла через наши кошмары вместе с нами, – тихо сказала Одри. – Это несправедливо, что через собственный кошмар тебе пришлось пройти в одиночестве.

Дженни покачала головой.

– Ты не понимаешь. Все ваши кошмары содержали выдуманные ужасы или, по крайней мере, те, которые еще только могут случиться. А мой был на самом деле, и виновата в этом я. Все было по-настоящему. Это моя вина.

– Расскажи, – твердо попросила Ди.

– Он был магом, – сказала Дженни и посмотрела на Зака. – Ты сказал, что все с тех пор думали, будто он хотел причинить мне вред?

– А что оставалось думать? – ответил Зак. – Ты лежала тут, практически без сознания. Если кто-нибудь к тебе прикасался, ты начинала кричать, но так ничего и не рассказала. А он исчез. Решили, что он сбежал, когда понял, что хотел натворить. А когда осмотрели комнату... – Зак обвел помещение глазами и фыркнул. – Ну, сразу поняли, что он был псих. Параноик. Потому что все это барахло оказалось...

– Защитными амулетами, – сказала Дженни.

– Ну да, как раз такую дрянь обычно и коллекционируют параноики. А у него еще была и куча книг по оккультизму.

– Он был магом, – повторила Дженни. – Не черным магом. Может, и не белым, но точно не черным. Он не собирался творить зло. Он был, может быть, немного простодушным. И он не предвидел такого стечения обстоятельств... не мог предугадать, что пятилетняя девочка неожиданно-негаданно явится в гости и откроет дверь, к которой ей запрещено прикасаться.

– Вон ту? – Ди посмотрела на открытый чулан.

Дженни кивнула.

– Но что же было в чулане? Чудовище?

– Джулиан.

Друзья в изумлении уставились на Дженни. Дженни сглотнула слюну, сделавшуюся вдруг

неприятной на вкус.

– Мой дедушка пытался... пытался сделать то же самое, что те немецкие парни в лесу. – Она повернулась к Одри. – Хотел обладать властью. А может, им двигало обыкновенное любопытство. Он знал, что тьма... населена... и он поймал нескольких ее обитателей. Может быть, он использовал для этого руны, я не знаю. Но для того, чтобы удержать их, он точно использовал руну. На двери.

– И что же, – спросил Майкл необычно мрачным для себя тоном, – что это были за обитатели?

– Пришельцы, – ответила Дженни, глядя на Ди. – Темные эльфы, – сказала она, повернувшись к Одри. – Демоны. – Она взглянула на Майкла. – Сумеречные люди, – сказала она Заку.

Ди тихо присвистнула. Начав, Дженни уже не в силах была остановиться.

– Дакаки. Лесной Царь. Древние божества. Кобольды...

– Ясно, – хрипло проговорил Майкл. – Хватит, достаточно.

– Они настоящие, – сказала Дженни. – Они были всегда – как джинны. В своих записях дедушка называет их алджуннами. Джинны – алджунны – Джулиан... Понимаете? Это у него такая шутка. Они любят играть с людьми...

Голос Дженни стал громче. Она чувствовала поддержку друзей и продолжала:

– Он поймал их в ловушку, а я их выпустила, это я во всем виновата. Они сказали, что тогда имеют право забрать меня. Но он пошел вместо меня. Он сделал это ради меня. – Она замолчала.

– Если мы хотим через это пройти, – сказала Ди, – мы должны быть сильными. И должны держаться вместе. Правильно?

– Да, – первой подтвердила Одри.

Дженни увидела, как ее холеные пальчики переплелись с черными гибкими пальцами Ди. Они держались теперь и за Дженни, и друг за друга.

– Да, – не задумываясь, ответил Зак.

В его серых глазах больше не было холодной отстраненности. Его рука с длинными пальцами художника легла поверх рук Одри и Ди.

– Да, – прошептал Майкл, без колебаний обхватив руку Зака своими пухлыми короткими пальцами.

– Но мы ничего уже не сможем сделать, – сказала Дженни, снова чуть не плача. – Он выиграл. Я проиграла. Я не прошла через свой кошмар. Та дверь, – кивнула она в сторону чулана, – всегда была здесь. Это не выход.

– А вот эта? – спросил Майкл, указывая в сторону лестницы.

Дженни пришлось выбраться из-за книжного шкафа, чтобы увидеть, на что он показывает. Ступеньки, раньше упиравшиеся в стену, теперь вели к двери.

Прямо над ними – этажом выше – часы пробили пять.

– Наверное, ты все же что-то сделала верно, – улыбнулась Ди.

Мокрая юбка липла к ногам Дженни. Волосы – она это чувствовала – были в полном беспорядке. Она ужасно устала, ее все еще трясло, а в сон клонило так, словно она сто лет не спала.

– Я пойду первая, – проговорила она и повела друзей вверх, стараясь выглядеть не хуже Ди и сохранять благородную осанку.

Ее листок валялся на верхней ступеньке. Дженни наступила на него.

– Если за этой дверью – башня, мы выиграли, – сказала Одри. – Ведь так?

Но Дженни чувствовала, что все окажется не так просто.

Она повернула ручку, и дверь на смазанных петлях легко открылась наружу. Они оказались в комнате настолько просторной, что едва ли это могло быть помещение в башне.

Это был магазин игр.

«Хотя, пожалуй, и не совсем», – подумала Дженни.

Полки, стеллажи и столы тут были те же самые, с теми же фантастическими играми на них. То же маленькое окошко, дающее не слишком много света, и те же лампы со стеклянными красными и синими абажурами.

Но кое-что было по-другому. Во-первых, в углу громко и монотонно тикали высокие напольные часы.

Во-вторых, здесь был Том.

Дженни бросилась к нему. Он съехал на полу возле часов, похоже, прикованный к ним цепью. Гнев вспыхнул в сердце Дженни, когда она увидела, что он подвергся такому унижению, но тут же его вытеснили более важные чувства.

– Томми, – воскликнула она, протягивая к нему руки.

Он медленно обернулся, и Дженни вздрогнула. На его лице не было ни царапины, но зато на нем застыло выражение полной опустошенности. Кожа его была неестественно бледной, под глазами – темные круги. Он улыбнулся жалким подобием своей прежней неотразимой улыбки.

– Привет, Ежик, – с трудом проговорил он.

Дженни уткнулась лицом в его плечо и зарыдала. Туманный образ, похожий на выцветшую фотографию, испарился из ее памяти. Сейчас она вспоминала их первый поцелуй – это было во втором классе, во дворе начальной школы имени Джорджа Вашингтона, за розовыми кустами. Обоих в наказание оставили после уроков, но оно того стоило.

Первый поцелуй... Абсолютно невинный. Абсолютно упоительный. Тогда в Томе еще не было ни капли высокомерия, тогда он точно еще не принимал ее чувства к нему как должное. Том любил ее.

– Томми, – повторила она. – Как мне тебя не хватало! Что он с тобой сделал?

Том покачал головой.

– Практически ничего... я до конца не понял. Сначала тут были крысы, – его взгляд затравленно скользнул по полу, – но сейчас они исчезли.

Крысы. Так вот что Том увидел на полу в гостиной – вот что это были за невидимые существа, пытавшиеся карабкаться по его ногам. Во втором классе у Тома была черепаха, а у Грега, его старшего брата, – ручная крыса. Однажды поутру они обнаружили, что крыса ночью съела черепаху – просто выела ее всю из панциря.

«Я помню, как он тогда расстроился и как после этого возненавидел крыс, – думала Дженни. – Как же я не догадалась, что он увидел на полу в гостиной!»

Наверное, потому, что ей это не казалось таким уж страшным. А Том был просто в ужасе. Но Дженни уже успела хорошенько усвоить: для каждого самым страшным оказался его собственный кошмар. И нужно влезть в чужую шкуру, чтобы понять, насколько страшным.

– Бедный... – прошептала она. – О, Том, что с твоими руками?

Его запястья были изранены и кровоточили. На нем были наручники, такие же, какие использовал его брат Брюс, служивший в полиции.

– Я все время пытался освободиться, – сказал он. – Не из-за крыс. Из-за того, что я видел вас. Он приходил время от времени и держал передо мной зеркало, в котором я видел, что с вами происходит. Видел, как вы проходили через все кошмары. Как погибла Саммер... – Лицо его дернулось, он замолчал, собираясь с силами.

«Он меня видел», – ужаснулась Дженни.

В ее сознании пронеслись картины, которые мог видеть Том: она и Джулиан – вместе. Но она тут же расслабилась. Если Джулиан был здесь и держал зеркало, Том не мог видеть тех моментов, когда Джулиан был с ней. Но лучше все-таки было удостовериться.

– А ты хоть раз видел в зеркале его самого?

– Нет. Но он рассказывал, как издевается над вами. Он все время смеялся, когда говорил об этом.

Дженни стиснула кулаки.

– Не думай о нем, Том. Он больше ничего не сделает нам. Мы свободны, Том, – мы выиграли. Нам осталось лишь выбраться отсюда.

Том взглянул на нее и указал кивком головы на что-то за ее спиной. Дженни обернулась.

Все ее внимание было приковано к Тому, поэтому она ее сразу не заметила. Дверь. Такая же, что вела из магазинчика игр на Монтевидео-стрит. Но эта дверь была приоткрыта, за нею было темно. А перед ней, полностью загораживая проход, лежали гигантская свернувшаяся кольцами змея и огромный волк.

– Василиск и Вервольф. Наконец-то, – сказала Ди.

– М-да, небольшая проблемка, – нервно пробормотал Майкл.

Они не выглядели настоящими животными – скорее были похожи на блестящие рисунки на темном фоне. Что-то вроде любимых Заком спецэффектов для фотографий. Но волк дышал, а змея то и дело показывала фосфоресцирующее жало. Дженни чувствовала, что они вполне могут двигаться – и причинять зло.

Она потрогала цепь, которой был прикован Том.

– Он должен отпустить нас. Условие было такое – если мы доберемся до самого верха, мы свободны.

– Не совсем так, – возразил глубокий, бархатный голос из глубины магазина.

Он был одет так же, как в магазине игр, являя собой странную смесь киберпанка с человеком эпохи Байрона. На его запястье снова появилась татуировка в виде змеи.

На сей раз он был столь же немногословен, как тогда, в магазине, и столь же красив. Волосы его отливали лунным светом, голубовато светились.

Он выглядел обаятельным, зловещим и чуточку сумасшедшим. Князь тьмы с лицом ангела.

Дженни вдруг почувствовала испуг и – готовность к самому страшному. Вид Джулиана помог ей избавиться от последних остатков иллюзий на его счет. Все еще стоя на коленях, она распрямила плечи.

Остальные тоже подтянулись. Тусклый свет отразился от светлых волос Зака и золотой пряжки на мягком кожаном поясе от Брунетти, который носила Одри. По их лицам Дженни могла судить, что теперь они лучше знают Джулиана – не только потому, что видели его в игре, но и потому, что поняли его сущность.

Джулиан улыбнулся странной любезной улыбкой.

– Всем вам хотелось знать, кто я такой. Что ж, загадаю вам последнюю загадку, – проговорил он.

– *Я пришелец со звезд.*

Я Лесной Царь. Я Локи. Я эльф.

Я охотник. Я Сумеречный Человек.

Я – ваш оживший кошмар.

– Это мы уже поняли, – негромко и спокойно ответила Дженни. – Мы играли в твою игру и выиграла. Теперь мы хотим уйти.

– Ты не дала мне закончить. – Джулиан улыбнулся ей. – Помнишь, когда ты пришла в этот магазин, я показал тебе тибетскую игру в коз и тигров? – Плавным, красивым жестом он указал на бронзовую доску, стоявшую на столе. На ней, как шахматы, были расставлены миниатюрные бронзовые фигурки. – Вот в нее-то вы на самом деле и играли, – сказал Джулиан, и при звуке его голоса Дженни ощутила себя в ловушке. Он улыбался ей одной. – Вы – маленькие невинные козочки... а я – тигр.

Том мертвой хваткой вцепился в руки Дженни. Ди изготовилась к бою, встав в стойку: левая нога впереди, правая отведена назад. Зак помрачнел, а Одри и Майкл придвинулись поближе друг к другу.

– Неужели ты вправду думала, что я позволю вам уйти?

У Дженни перехватило дыхание.

– Ты говорил... говорил, что играешь честно, – чуть слышно пробормотала она. – Ты обещал...

– Подобные пережитки для меня не много значат. Кроме того, я действительно играю честно – я сказал, что, если вы окажетесь в башне до рассвета, дверь будет открыта. И она открыта – только я не позволю вам выйти.

Дженни посмотрела на монстров, охранявших дверь. Даже Ди не справится с ними.

– Кстати, Томми, ты ведь еще не повстречался со своим настоящим кошмаром. Что ж, времени у нас предостаточно. Примерно вечность, – сказал Джулиан.

В его глазах цвета жидкого кобальта светилась алчность. Взгляд его, обращенный на Дженни и Тома, стал еще более хищным, чем у сторожившего дверь волка.

«Боже, помоги мне, – думала Дженни. – Пожалуйста, кто-нибудь, помогите!»

Она взглянула на Тома, но тот смотрел на Джулиана, причем с такой ненавистью и

яростью, что Дженни стало за него страшно.

– Значит, вся эта игра – всего лишь фарс? – выпалил Том.

Джулиан развел руками и слегка наклонил голову – почти поклонился. Как будто услышал необычайно лестный отзыв о проделанной им работе. Но обратился он к Дженни:

– Я предупреждал, что готов на все, чтобы заполучить тебя. Сначала я надеялся, что вы проиграете, – выиграть редко кому удается. Потом, увидев, что у вас есть шансы на победу, я рассчитал, что тебе придется обратиться ко мне за помощью. Но ты не обратилась. Знаешь, она очень сильная, – добавил он, бросив взгляд на Тома. – Ты ее недостойна.

– Я знаю, – ответил Том. Дженни в изумлении уставилась на него. – Но ты в тысячу раз меньше достоин ее.

– Она нужна мне, – улыбнулся Джулиан. – Она будет ярким лучом в моем темном царстве. Ты это увидишь... Томми. У тебя впереди годы, годы и годы, чтобы понять, насколько мы подходим друг другу.

Он снова повернулся к Дженни:

– Вы забрались достаточно далеко, и, боюсь, мне придется сказать вам правду. А правда в том, что игра – это... всего лишь игра. Вроде той, в которую кошка играет с мышкой.

– Перед тем как съесть ее? – резким голосом произнесла Ди.

Джулиан едва удостоил ее взглядом.

– Мой голод в данный момент распространяется только на одну добычу, Дейдра. Но у моих друзей, охраняющих дверь, необычайно хороший аппетит. На твоём месте я бы не рисковал приближаться к ним. Ну и, разумеется, есть еще и другие Сумеречные люди, мои старшие братья – древние, алчущие, предвкушающие – все они не прочь полакомиться вами. В дом они попасть не могут, но, если вы откроете окно, могу поручиться, что далеко вам не уйти.

Дженни почувствовала, как дрожат сжатые кулаки Тома, и опустила голову. Она повторяла про себя строчку из стихотворения, которое нашла в дедушкиной комнате:

Как много их, глупцов, кто мнил себе, что сможет
Ту цену заплатить – их больше нет среди нас.

Неужели нельзя победить Сумеречного Человека?

«Игральные кости утяжелены свинцом, – подумала она. – Выиграть невозможно».

Ставки сделаны, ставок больше нет.

– Они с удовольствием вонзят в тебя зубы, – сказал Джулиан, обращаясь к Ди. – Ты знаешь, что похожа на Анкесенамун, одну из самых знаменитых египетских красавиц?

Едва он успел произнести эти слова, Ди резко выбросила вверх и вперед правую ногу, в последний момент отведя назад носок, чтобы нанести сокрушительный удар пяткой. Во всяком случае, такой у нее был расчет. Но реакция Джулиана оказалась не хуже, чем у гремучей змеи. Он поймал ее ногу и рванул вверх, опрокинув Ди на спину.

– Правило номер один, – проговорил он с улыбкой. – Не связывайтесь со мной. Я сильнее.

Ди поднялась на ноги. Ей явно было больно, ведь она не успела смягчить удар. Джулиан снова повернулся к Дженни. Дженни встретила алчущий взгляд его глаз и почувствовала, что в душе ее произошла необратимая перемена.

– Позволь остальным уйти, – тихо и отчетливо произнесла она, – и я останусь с тобой.

Джулиан смотрел на нее изумленно. Остальные – тоже.

И тут кто-то («Майкл», – подумала Дженни) засмеялся.

Джулиан чуть заметно улыбнулся, уголками губ. Нельзя было назвать это довольной улыбкой. Глаза его приобрели оттенок голубого газового пламени.

– Понятно, – сказал он.

Дженни отпустила руку Тома и встала.

– Я серьезно. Позволь им уйти... и я останусь... по собственной воле. Ты понимаешь, что это значит.

Она думала о темной комнате и о парне, который, приняв обличье ее кузена, держал ее в своих объятиях. О парне, которого она поцеловала, – по собственной воле. Она надеялась, что и Джулиан помнил об этом.

Похоже, он помнил. Он выглядел заинтересованным. Его губы растянулись в странной чувственной улыбке.

– По собственной воле? – переспросил он, словно пробуя слова на вкус.

– По собственной воле.

– Нет... – прошептал Том.

– По собственной воле, – повторила Дженни, глядя на Джулиана.

Он был доволен, но еще не доверял ей.

– Ты должна принести клятву, которую нельзя будет нарушить.

– Хорошо.

Она видела, что он поражен. Он ждал, что она будет возражать, стараться выиграть время. Неужели он не понимает, что она изменилась? Она иронично глянула на него, подняв брови.

– Чем скорее, тем лучше, – проговорила она.

Джулиан моргнул, потом медленно произнес:

– Прекрасная Дейдра может уйти. И Одри. И Зак. И Майкл. Но Томми останется. Он послужит гарантией твоего хорошего поведения.

Дженни подняла голову, и ее губы дрогнули, сложившись в подобие улыбки.

– Не думаю, что в этом есть необходимость...

– Тем не менее.

– Хорошо. Для меня это не имеет значения.

Потом, подойдя ближе к Джулиану, она тихо произнесла то, что предназначалось только для его ушей:

– Джулиан, разве ты не знаешь, что я изменилась? Разве ты не видишь этого? Я по-прежнему беспокоюсь о Томе, но... это совсем другое. По сравнению с тобой он просто ничтожество. Любой парень – ничтожество по сравнению с тобой.

Его глаза заискрились радостью. Дженни перевела дух.

– Я стала бы твоей намного раньше, если бы ты действовал напрямую. Неужели это никогда не приходило тебе в голову? Просто постучаться в мою дверь, без всяких игр, без всяких угроз, и попросить меня?

Он смутился.

– Ты слишком циничен. Думаю, твой взгляд на жизнь зачастую мешает тебе находить правильное решение. Ты настолько ожесточился, что думал, будто необходимо сразиться со всей Вселенной, чтобы получить то, о чем мечтаешь.

– А разве это не так?

– Не всегда. Иногда есть более простой путь. Есть вещи, Джулиан, которые нельзя ни получить силой, ни купить. Они могут быть даны только по доброй воле. И именно их я хочу дать тебе.

– Тогда дай мне слово, – сказал он и вдруг ловким движением фокусника неведомо откуда достал небольшой предмет. Золотое кольцо.

Дженни машинально протянула к нему руку и приняла его двумя пальцами. Это было простое кольцо, с каким-то узором, который Дженни не могла разобрать. На внутренней стороне была надпись, выгравированная замысловатым шрифтом. Дженни поднесла кольцо к одной из ламп.

«Все отвергаю – тебя выбираю», – прочла она.

– Надень его и поклянись быть мне верной, – сказал Джулиан. – Эту клятву нельзя разорвать. Очень простая церемония. Ты готова?

Глава 15

– Да, – сказала Дженни.

Одри выдохнула:

– Дженни... ради бога...

Дженни даже не взглянула на нее.

Том шевельнулся, но она и к нему не повернулась.

– Дженни... – прошептала Ди, – мы этого не стоим. Я знаю твои обещания – ты никогда

не нарушаешь их. Он хочет поймать тебя на слове. Не нужно делать этого ради нас.

Теперь Дженни обернулась. Она заглянула прямо в темные, с желтоватыми белками, глаза подруги.

– Ди... прости меня. Ты все равно не поймешь... а я не могу тебе объяснить. Но поверь мне, пожалуйста, – я остаюсь, потому что хочу этого. Одри, неужели и ты не понимаешь меня?

Одри медленно покачала головой, по медным волосам пробежали блики.

– У меня не так уж много настоящих друзей, – сказала она. – Я не хочу тебя терять.

– Все равно придется, – ответила Дженни. – Этот путь – самый безболезненный, так будет лучше для всех нас. Я хочу остаться. Клянусь, что это так.

Ди внимательно смотрела на Дженни. Внезапно ее лицо стало отстраненным, лишенным всякого выражения. Пустым.

– Хорошо, – сказала она. – Береги себя. – Она грустно кивнула Дженни, глядя ей прямо в глаза. – Действуй, солнышко. Удачи.

Дженни кивнула ей в ответ. Если бы в это можно было поверить, она решила бы, что в глазах Ди блеснули слезы.

Она снова повернулась к Джулиану; он взял у нее кольцо.

– Очень короткая церемония, – повторил он. – Дай мне руку.

Свет, проходивший через абажур из цветного стекла, окрашивал его лицо в синие и красные полосы. Дженни протянула руку, почувствовав, что его пальцы так же холодны, как и ее.

– Не надо, – невольно вырвалось у Одри.

Дженни не шелохнулась.

– Такими кольцами в семнадцатом веке обменивались влюбленные, – объяснил Джулиан, поднимая золотой ободок. – Надпись внутри гласит, что ты отказываешься от всего мира, за исключением того человека, который вручил тебе это кольцо. Выгравированные слова заставят тебя держать обещание.

Дженни улыбнулась ему.

Том медленно поднялся, его цепи проскрежетали по деревянному корпусу часов.

Джулиан не обращал внимания ни на кого, кроме Дженни.

– Повторяй за мной. Но помни – эта клятва является окончательной и бесповоротной.

С некоторой торжественностью в голосе он продекламировал:

Кольцо – знак верности моей –
Не даст нарушить мой обет.
Все отвергаю – тебя выбираю.

Дженни повторила клятву и почувствовала, как прохладный ободок скользнул на ее палец. Она взглянула на него. Кольцо светилось на руке глубоким, теплым светом, словно было там всегда.

– Теперь клятву нужно скрепить поцелуем – тогда наша связь станет неразрывной, – сказал Джулиан, внимательно глядя на нее.

Словно он давал ей последний шанс передумать. Кольцо вспыхнуло на пальце Дженни холодным пламенем.

Дженни подняла голову. Поднявшись на носочки, она поцеловала Джулиана. Поцелуй был не слишком страстным, но и поспешным его никак нельзя было назвать.

Прервал поцелуй Джулиан.

– Моя, – прошептал он, поднимая голому. – Отныне и навсегда!

Возражение последовало с неожиданной стороны.

– Нет, – сказал Закари, бросаясь вперед, словно хотел напасть на Джулиана.

Джулиан даже не удостоил его вниманием. Зак врезался в невидимую стену и отлетел под ноги Ди.

Дженни повернулась и обвела взглядом их всех. Одри, Зак, Ди, Майкл. Ее друзья.

– Я понимаю, что вы сейчас испытываете, – начала она, но Зак оборвал ее.

Он снова был на ногах, серые глаза горели, лицо выдавало крайнее напряжение – таким

Дженни его еще никогда не видела.

– Как ты могла? – взорвался он. Он был так обижен за Тома, как будто предали его самого. – Как ты могла?

– Оставь ее, – коротко сказал Майкл. Его мнение легко читалось в темных, как у спаниеля, глазах. Майкл явно считал, что Дженни нашла оптимальный выход из безвыходной ситуации. Он не упрекал ее за это. – Чего ты от нее хочешь? – спросил он.

Зак презрительно покачал головой.

– Нельзя идти к нему по своей воле, – ответил он. – Нельзя сдаваться.

Том наблюдал за происходящим лишенным выражения взглядом. Дженни с трудом заставила себя взглянуть на него.

– Прости, Томми, – сказала она.

Она увидела, как исказилось его лицо, и на какой-то момент ей показалось, что он заплачет. Но он лишь пожал плечами.

– Думаю, это было predetermined с самого начала. В этом же смысл игры, правильно? – проговорил он, обращаясь к Джулиану.

Джулиан улыбнулся в ответ, и Дженни внезапно осознала, что не до конца понимает смысл их реплик.

– Я тоже держу свои обещания, – сказал Джулиан. – Все обещания.

Дженни прикоснулась к его рукаву. Выражение его лица мгновенно переменялось, когда он повернулся к ней, словно видел только ее одну.

– Церемония завершена, – сказал он. – Мы помолвлены.

– Знаю. – Дженни перевела дыхание.

Кольцо слегка оттягивало ее палец, но, несмотря на это, она чувствовала необычайную легкость и свободу. Она говорила спокойно и буднично, словно речь шла об организации пикника или оформлении интерьера. О чем-то, что следует сделать быстро, но аккуратно.

– Теперь отпусти остальных, Джулиан. Я бы хотела, чтобы ты отпустил и Тома – но, если ты не хочешь, может, все-таки снимешь с него цепи? Буквально через несколько дней ты убедишься, что тебе не требуется гарантий моего хорошего поведения.

Он пытался заглянуть ей в лицо, словно его впервые посетили сомнения.

– Дженни... ты и вправду хочешь остаться? Тебе здесь многое может показаться довольно странным...

– Это слабо сказано! – Глядя на него, Дженни говорила вполне непринужденно. – Надеюсь, мы сможем заменить вид из окна гостиной? Как бы то ни было – да, я хочу остаться. Я никогда раньше не задумывалась, что могу получить от жизни гораздо больше, но теперь, когда я наконец это осознала, я просто не могу вернуться. Я уже не та, что раньше.

Он улыбнулся.

– Это так. Ты переменялась менее чем за двенадцать часов. Ты стала...

– Кем? – подняла брови Дженни.

– После скажу. Я сделаю это с удовольствием, не спеша.

Он повернулся к остальным.

– Вы можете идти.

Дженни услышала, как цепи Тома с лязгом упали на пол. Уголком глаза она заметила, как он поднимает свободные руки.

– Брысь! – Джулиан щелкнул пальцами.

Дженни решила, что таким манером он дает команду Ди и остальным, но тут призрачный волк, оцетинившись, нагнул голову и ретировался. Судя по всему, прямо сквозь стену. Флуоресцирующая змея шевельнулась и, похоже, просочилась сквозь пол. С каким-то благоговейным ужасом Дженни успела отметить, что просачиваться змее пришлось довольно долго, такой чудовищной была ее длина.

Открытая дверь осталась без охраны. Дженни с ее места было видно руну Уруз, начертанную на двери – перевернутую «U», переливающуюся огненно-красным.

Сквозь приоткрытую дверь и маленькое окошко видна была лишь непроглядная темень. Дженни посмотрела на монотонно отстукивающие часы: пять часов пятьдесят минут.

Начинало светать.

– Идите же, – сказал Джулиан, словно торопился поскорее от них избавиться.

– Только вместе с Дженни, – сказала Ди.

Майкл, судя по всему, был удивлен. Он смотрел на Ди, открыв рот. Губы Зака сложились в злобную гримасу. Одри с сомнением покачала головой. Том стоял, ничем не выдавая своих эмоций.

Дженни отвернулась.

Джулиан нетерпеливо проговорил:

– Уходите, оставайтесь, делайте что хотите. Можете еще подумать. Но только не забудьте, что на заре дверь закроется. Ровно в шесть часов одиннадцать минут. Если к этому времени вы все еще будете внутри – вы останетесь здесь навсегда, а может статься, что я в этот момент не буду настроен на общение.

Он повернулся к Дженни.

– Здесь чересчур многолюдно.

– Знаю. Там, внизу, есть диван. Можем присесть и познакомиться поближе.

Они ушли.

Софа в дедушкиной комнате была весьма потрепанной и неровной, но широкой и довольно мягкой. Она тут же промялась под их весом. Было так странно сидеть рядом с Джулианом без всякой враждебности, без необходимости сопротивляться. Противостояние закончилось.

Тут было очень уединенно. Дженни знала, что остальные не решатся открыть дверь в подвал и спуститься, и даже вряд ли заглянут сюда. Предупреждения Джулиана о том, что он может оказаться не настроен на общение, было вполне достаточно – все уже поняли, на что он способен.

Она взглянула на него – и встретила пристальный взгляд. Так близко. Глаза цвета майского утра.

Глубокие и очень нежные.

Она чувствовала его желание.

Дженни слегка дрожала. Нервы ее были напряжены от возбуждения – и страха. Но он еще даже не прикоснулся к ней, просто смотрел, и такого выражения на его лице она раньше никогда не видела. Благоговеющий взгляд. Нежный – такой был у него в обличье Зака.

– Ты боишься? – спросил он.

– Немножко, – она старалась скрыть от него свой страх. – Так, значит, ты самый младший из Сумеречных людей, – быстро проговорила она.

– И самый привлекательный.

– Не сомневаюсь, – с легким сердцем отозвалась Дженни.

Наконец он дотронулся до нее, кончиками пальцев провел по волосам. Дженни непроизвольно замерла, почувствовав, как изменилось ее восприятие. Она закрыла глаза и запретила себе думать, запретила себе чувствовать что бы то ни было, кроме этого невесомого касания. Чем легче оно становилось, тем больше волновало ее.

Вдруг она удивленно ощутила, что прикосновения прекратились. Она открыла глаза – и еще больше изумилась, увидев злобное выражение его лица.

На мгновение Дженни по-настоящему испугалась, вспомнив о том, кто рядом с ней и что она делает. Но тут же поняла, что гнев Джулиана направлен не на нее, хотя она – его причина.

– Ты такая... чистая, – проговорил он. – Этот твой парень, Томми, такой надменный, избалованный, он ведь никогда по-настоящему тебя не любил, правда? Всегда думал только о себе. Он сам во всем виноват. С удовольствием бы убил его.

Дженни совсем не хотелось думать об этом. Она открыла рот, чтобы объяснить, но Джулиан снова заговорил, сверкая горящими голубыми глазами:

– Ты и на своего кузена посматривала. Он, между прочим, тоже о тебе думал.

Чувствуя, что делает нечто неуместное, Дженни разразилась слегка истерическим, но вполне искренним смехом.

– Ты просто ревнуешь, – проговорила она, отдышавшись. – Зак! Зак вообще не смотрит на людей, он любит только свои объективы и прочие штуки.

Мрачное выражение исчезло с его лица.

– Все равно, – сказал он. – Теперь-то ему до тебя не добраться. И никому не добраться. Ты моя навсегда...

Дженни приблизилась к нему и слегка дотронулась губами до его рта. Он замолчал и ответил на ее поцелуй, легко коснувшись ее губ своими теплыми губами.

Осторожные, легкие поцелуи быстро сменились долгими и трепетными, а потом – жгучими. Она все еще побаивалась его, несмотря на то что льнула к нему, – правду говорят, что страх ходит бок о бок со страстью. Огонь и лед ощущала она в ответ на свои прикосновения.

Наверху часы пробили шесть.

Дженни нехотя отстранилась от Джулиана.

– Дай отдышаться, – прошептала она. – Все происходит так стремительно. – Она поднялась на ноги.

Он с улыбкой следил, как она прохаживается по комнате, восстанавливая дыхание, дотрагиваясь до своих раскрасневшихся щек. Она не могла заставить себя взглянуть на него, ей необходимо было собраться с духом. Машинально она взяла с полки кобальтовый браслет.

– Почему ты выпустил меня из моего кошмара? – внезапно спросила она. – Из сентиментальных соображений?

– Совсем нет, – засмеялся он. – Я и вправду играл в игру честно. И, заметь, ни разу не соврал, хотя иногда... гм... придерживал информацию. Твой кошмар состоял в том, чтобы вспомнить события того дня. Ты не заметила, но выход появился в тот момент, когда ты вспомнила, как открыла чулан.

– А, – тихо повторила Дженни, – чулан. А чего он хотел от тебя? Мой дедушка? – добавила она.

– Чего все хотят. Власти, знаний, легких путей. Сладкой жизни.

– Руны и вправду действуют. – Дженни изумленно покачала головой.

– Многие вещи действуют. Многие – нет. Только люди редко отличают одно от другого, пока не попробуют на практике. И тогда их частенько поджидает сюрприз.

Дженни оказалась около чулана и заглянула внутрь. Он подошел к ней, встал рядом.

– Мне так жаль, – тихо пробормотала Дженни, не глядя на него. – Так жаль, что он это сделал. Он был неплохой человек. – Она обернулась. – Трудно поверить, что он держал вас тут.

– Уж поверь, – мрачно бросил Джулиан.

Дженни покачала головой.

– Я всегда буду любить его. Но он зря это сделал. – Она вошла в чулан. – Не такой уж и маленький, как кажется.

– Довольно маленький. – Он вошел следом и огляделся. – С этим местом связаны дурные воспоминания.

– Может, попробуем вытеснить их более приятными? – Она прислонилась к стене и улыбнулась ему.

Он тоже улыбнулся. В маленькой комнатухе они сразу оказались очень близко друг к другу. Дженни стояла, не шелохнувшись, скрестив ноги.

Он наклонился к ней, губы его были теплыми и зовущими. Дженни подалась ему навстречу, и поцелуй расцвел медленно, как цветок. У нее захватило дух, на этот раз он оказался таким настойчивым, что девушке не удавалось прекратить поцелуй. Хотя она знала, что обязана это сделать.

«Еще минуту, – думала она, – еще минутку...»

Первым оторвался Джулиан.

– Здесь довольно неудобно.

– Ты считаешь? – Она улыбнулась ему, медленно восстанавливая дыхание.

– Да.

– Что ж, тогда, думаю, мы могли бы...

«Сейчас», – подумала она.

Дженни не закончила фразы. Она стояла в стойке со скрещенными ногами, которой когда-то научила ее Ди. Превосходная поза для резкого броска в сторону. В какую-то долю секунды, оттолкнувшись левой ногой, она рванулась направо и выпрыгнула из чулана,

одновременно захлопнув за собой дверь.

– Наутиз! – закричала она, резким взмахом руки нарисовав руну в воздухе.

Стоило ей прокричать название руны, как ее изображение ярко вспыхнуло на двери чулана. Только не огненно-красным, а бело-голубым, как лед, пламенем.

Она не знала, правильно ли все проделала, она просто повторяла то, что пытался сделать ее дед. Закрыть дверь, обвести руну, произнести ее название так же, как произносил его дедушка.

Джулиан не выскочил из чулана вслед за ней.

Дверь чулана оставалась закрытой. Наступила оглушительная тишина. Дженни повернулась и бросилась к лестнице.

«Он лгал, – думала Дженни, перепрыгивая через ступеньки. – Он менял правила игры по собственной прихоти и лгал. Бывают случаи, когда невозможно отвечать добром на зло. Иногда зло просто нужно остановить».

Разумеется, она думала об этом с самого начала, с той минуты, когда предложила Джулиану остаться с ним. Ей не в чем себя упрекнуть.

Когда она вбежала в комнату, из окна, окрашивая стены в розовый, падал утренний свет. В распахнутой двери розовел четырехугольник бледного неба с двумя-тремя кружевными облачками. Этот вид немного загораживали пять фигур, стоящие перед дверью.

Пять. Все они. Ди – она ожидала ее увидеть, она слишком хорошо знала Ди. Том она и хотела, чтобы он все понял, но и не менее сильно желала, чтобы он ушел.

Но она думала, что Зак достаточно взбешен, а Одри достаточно благоразумна, чтобы уйти. Майкл, по ее мнению, вообще должен был пулей вылететь наружу в первую секунду.

– Скорее! – закричала она, подбегая к ним. Непроизвольно она взглянула на напольные часы – изящная минутная стрелка уже перевалила за десять минут. – Скорее!

На лице Тома появилось странное выражение, заставившее Дженни не бежать, а лететь последние полтора метра до двери.

– Поспешите! – крикнул он остальным, подхватывая Дженни.

За дверью... ничего не было! Ни пейзажа эпохи ледникового периода, ни гостиной. Ничего, кроме рассветного неба. Нужно было сделать над собой немалое усилие, чтобы переступить порог.

– Какой ужас! – Майкл схватил Одри за руку и бросился вперед.

Ди ухмыльнулась через плечо и выпрыгнула, как заправский парашютист.

Зак внезапно заартачился. Дженни едва могла в это поверить.

– Где он? – спросил Зак.

– В чулане. Скорее!

Зак все еще был мрачен.

– Ты же не думала, что...

Том резко повернул его лицом к двери и изо всех сил толкнул. Зак полетел вниз, растопырив руки и ноги и переворачиваясь в воздухе.

Во всем этом был определенный риск. Они слепо доверились судьбе. Нет, не судьбе – Джулиану, что, несомненно, было еще опаснее. Пришлось поверить, что, отпуская друзей Дженни, он готов был отпустить их живыми.

«И поверить дедушке Эвенсону, что удерживающая руна действительно удерживает», – думала Дженни.

Том схватил ее за руку обеими руками. Небо сияло розовым золотом.

Они взглянули друг на друга и одновременно шагнули в бездну.

И тут появилось солнце. В ту же секунду небо стало того удивительного цвета, который Дженни видела всего лишь раз. Немыслимо голубого, как глаза Джулиана.

«Сколько ни падай в обморок, все равно никогда к этому не привыкнешь», – поняла Дженни, медленно приходя в себя.

Она лежала на чем-то прохладном и очень твердом.

На полу, выложенном мексиканской керамической плиткой.

Она села столь поспешно, что едва снова не лишилась чувств.

Первым предметом, который она увидела, была игра.

Она по-прежнему лежала в центре кофейного столика. Крышка от белой коробки валялась на полу возле стола. Руна Уруз на ней была тускло-ржавой.

Викторианский картонный дом возвышался во всей своей красе, сверкая яркими красками в утреннем свете. Только листочки с их кошмарами исчезли из комнат – и бумажные куклы, изображавшие их самих, тоже пропали.

Дом выглядел мирным, безобидным, рядом с ним на столе лежала коробка с мелками Джоуи.

– Может, нам все это приснилось? – хрипло проговорил Майкл.

Он лежал с другой стороны стола, рядом с Одри, которая как раз поднималась на ноги. Ее золотисто-каштановый гладкий пучок окончательно растрепался, превратившись в львиную гриву. Из-за этого Одри казалась не такой, как прежде, – более свободной, что ли.

– Это не сон, – непривычно тихо сказала Ди, разминая затекшие длинные ноги. – Саммер нет.

Зак поднялся и сел на кожаный табурет. Он молча потирал лоб, словно у него раскалывалась голова.

Дженни посмотрела на Тома.

Он медленно вставал, держась за стол. Дженни поддержала его под локоть, и он благодарно взглянул на нее. Том изменился. Пожалуй, даже сильнее, чем Одри. Он выглядел измученным и печальным, и в нем не осталось ни капли былой самоуверенности. В его глазах появилось новое выражение, какая-то смесь грусти и благодарности, которой Дженни затруднилась бы дать точное определение.

Что-то вроде смиренности.

– Томми, – с беспокойством сказала она.

Улыбка у него получилась кривой.

– Я подумал, ты и вправду решила остаться с ним. Чтобы спасти меня – и потому, что тебе этого хотелось. И дело в том, что в душе я тебя не винил. Я ощутил это в тот момент, когда он дал тебе кольцо.

Дженни, уже собравшаяся возразить, глянула на свою руку. Все остатки сомнений в реальности прошедшей ночи мгновенно рассеялись. Оно блестело у нее на пальце.

– Я была уверена, что ты хочешь остаться с ним, – сказала Одри. – Ты даже меня убедила, что хочешь этого. Это была хитрость?

– Это была правда. Я действовала по собственной воле и действительно хотела остаться – ровно на столько, сколько вам требовалось бы, чтобы уйти.

– Я это знала, – кивнула Ди.

– Я же говорила, что голова у тебя работает как надо, – отозвалась Дженни, глядя ей в глаза.

– А я-то всегда думал, что ты такая милая безобидная девочка, – задумчиво проговорил Майкл. – Такая простодушная и честная...

– Так и есть – если и со мной обходятся честно. Если не начинают убивать моих друзей. Если не нарушают обещаний. Я сочла, что в придуманных им правилах игры обман – разрешенный прием. Вот я им и воспользовалась.

– И ты никогда-никогда ничего к нему не чувствовала? – не унималась Одри. – Ты так правдоподобно сыграла...

– Зовите меня Сара Бернар, – ухмыльнулась Дженни.

Она надеялась, что Одри не заметила, что она не ответила на ее вопрос.

– Да какое это имеет значение? – проговорил Майкл. – Мы дома. Мы победили.

Он посмотрел на стеклянную дверь, через которую лился солнечный свет, на знакомый садик Торнтонов, на светлые стены гостиной.

– Я люблю эти корзины, все вместе и каждую в отдельности, – сказал он. – Я готов расцеловать плитки пола, на которых мы сидим. Я даже могу поцеловать тебя, Одри.

– Ну, если ты так считаешь... – проговорила Одри, которую, казалось, совершенно не беспокоило состояние ее прически.

Они с Майклом склонились друг к другу. Ди, однако, по-прежнему смотрела на Дженни серьезными черными глазами.

– А как же обручение? – спросила она. – А кольцо? Ты с ним помолвлена.

– Подумаешь, – спокойно ответила Дженни. – Просто выброшу кольцо, и все. Вместе с прочим мусором.

Зак в изумлении поднял голову, когда она одним ударом разрушила картонный дом, расплющив его в лепешку. Она засунула его в белую коробку, словно утрамбовывала вещи в переполненном чемодане. Потом подобрала со стола карточки, и они последовали за домом.

А потом она сняла кольцо. Это оказалось не трудно, кольцо не застряло на пальце, ничего подобного не случилось. На надпись она смотреть не стала.

Она бросила кольцо поверх картонок в коробку.

Туда же полетели Василиск и Вервольф. Дженни подняла третью куклу и остановилась.

Казалось, он смотрит на нее, но она знала, что это обман зрения. Это была просто картонная фигурка, а оригинал был заперт руной удержания, которая, как она надеялась, способна удерживать вечно.

Она все еще держала фигурку Сумеречного Человека в руках.

«Это была твоя игра. Ты охотился на нас. Ты советовал и мне стать охотником. Но тебе и в голову не могло прийти, что ты сам окажешься в ловушке».

Каким станет мир без Джулиана? Он будет безопаснее, бесспорно. Спокойнее. Но и беднее в каком-то смысле.

Она победила Сумеречного Человека, так почему же ей так трудно забыть о нем? Дженни испытала что-то вроде острого укола сожаления, ощущения невозполнимой утраты.

Она положила куклу в коробку и придавила сверху крышкой.

В ящичке с мелками была катушка клейкой ленты. Дженни принялась оборачивать лентой раздувшуюся коробку, как можно плотнее прижимая крышку. Друзья молча наблюдали за ее действиями.

Когда лента кончилась, она положила коробку на стол и села на пол. Кто-то из друзей улыбнулся первым, и вскоре улыбки уже светились на всех обращенных к ней лицах. Не веселые улыбки, а спокойные и усталые улыбки тихой радости. Они справились. Они победили. Они выжили – большинство.

– Что мы скажем о Саммер? – спросил Том.

– Правду, – ответила Дженни.

Брови Одри взметнулись вверх:

– Нам никто не поверит!

– Знаю, – проговорила Дженни. – Но мы все равно скажем правду.

– Справимся, – сказала Ди. – После всего, что мы пережили, это для нас несложное испытание. По крайней мере, пока мы вместе.

– Мы вместе, – сказала Дженни, и Том кивнул.

В прошлой жизни – еще вчера вечером – скорее было бы наоборот.

Одри и Майкл, которые, казалось, не в силах были разлучиться, тоже кивнули. И Зак, чуть ли не впервые в жизни обращающий внимание на друзей, а не погруженный в собственный мир.

«Похоже, ему это помогло, – неожиданно подумала Дженни. – Теперь он знает, что, хотя дедушка и вызывал духов, он не был сумасшедшим».

– Можно позвонить в полицию, – вслух произнесла она.

Глава 16

Звонить пришлось Ди, потому что Одри и Майкл вдвоем пристроились у окна, а Зак никогда не отличался разговорчивостью. Дженни и Том вдвоем отошли от остальных.

– Я хочу тебе кое-что показать, – сказал Том.

Это оказался рваный листок бумаги. Несколько рисунков на нем были зачеркнуты. Незачеркнутым оставался только один рисунок в центре, но Дженни никак не удавалось понять, что на нем изображено.

– Я художник от слова «худо». Но все-таки, я думал, можно догадаться по светлым волосам и зеленым глазам.

– Я – твой страшный сон? – спросила Дженни, совершенно сбита с толку.

– Нет. Это трудно нарисовать, но это было именно то, что я имел в виду, говоря Джулиану, что это предопределено с самого начала. Смысл игры состоял в том, что каждый должен был встретиться со своим кошмаром. Мой кошмар – потерять тебя.

Дженни молча смотрела на него.

– Может, я не умею правильно формулировать свои мысли. И вряд ли я когда-нибудь давал тебе это почувствовать. Но я люблю тебя. Не меньше, чем он. Больше.

Дженни представляла себе розовые кусты. Маленького второклассника Томми. Мальчишку, за которого она решила выйти замуж – с первого взгляда.

Какое-то неприятное ощущение томило ее, но она твердо знала, что должна навсегда оставить даже малейшие воспоминания об этом. Никогда больше не вспоминать. И не допустить, чтобы об этом узнал Том.

Никогда.

– Я тоже люблю тебя, – прошептала она. – О, Томми, как же я тебя люблю!

И тут раздался звон разбитого стекла.

Ди не могла оторваться от телефона. Том – от Дженни. Остальные остолбенели.

Впрочем, через несколько секунд они все же рванули назад в гостиную, как раз вовремя, что бы успеть заметить две фигуры, выпрыгнувшие в разбитую стеклянную дверь и улетающие с умопомрачительной скоростью.

Белой коробки на кофейном столике не было.

Том и Ди бросились в погоню. Но Дженни была уверена, что у них нет ни малейших шансов. Похитители перемахнули через стену прежде, чем преследователи успели их настигнуть. Том и Ди взобрались на каменную ограду, огляделись и медленно вернулись обратно.

– Как испарились, – раздраженно бросила Ди.

– Летели как сумасшедшие, – пропыхтел Том.

– Вы оба сейчас не в лучшей форме, – сказала Дженни. – Ладно, не имеет значения. Все равно не было никакого смысла отдавать игру полицейским. Наверняка она не сработает ни с кем, кроме нас.

– Но кто эти Сумеречные люди? – спросил Майкл.

– Сумеречные люди в теннисных тапках, – Ди указала на грязные отпечатки на полу.

– Но зачем им нужно было...

Дженни не слушала. Она смотрела на разбитое стекло и старалась не думать. Эти двое были ей смутно знакомы.

Как бы то ни было, она рассудила верно. Игра создавалась для нее, ни у кого другого она не сработает. Кроме того, она измята, уничтожена. А даже если сработает – какова вероятность, что они дойдут до третьего этажа, до дедушкиной комнаты? А даже если дойдут – какова вероятность, что они откроют дверь в чулан?

– Туда ей и дорога, – сказал Том. В ярком утреннем свете его каштановые волосы блестели, а зеленые искорки в карих глазах вспыхивали золотом. – Все, что меня волнует в жизни, – тут, рядом, – проговорил он и улыбнулся Дженни. – Больше никаких кошмаров. – Лицо его, обращенное к ней, лучилось любовью, и все это видели.

Дженни скользнула в его объятия.

Два парня остановились на пустыре, чтобы отдышаться. Они нервно оглядывались, опасаясь преследования.

– Думаю, мы от них оторвались, – сказал один, в черной бандане и футболке.

– Они толком и не пытались догнать, – добавил второй, в рубахе в черно-синюю клетку.

Они переглянулись со смесью торжества и страха в глазах.

Они не знали, что в этой коробке, хотя всю ночь провели, наблюдая за домом светловолосой девчонки.

Но только на рассвете они отважились туда вломиться – и белая коробка поджидала их на столике.

С того самого момента, когда они впервые увидели ее, они следовали за коробкой,

чувствуя странную смесь страха и вожделения, словно чья-то воля заставляла их делать это. Эта страсть подавила в них все прочие чувства, это она заставила их пойти за девчонкой, а потом не спать всю ночь.

И вот наконец-то она в их руках.

Один из парней открыл складной ножик и разрезал клейкую ленту.